

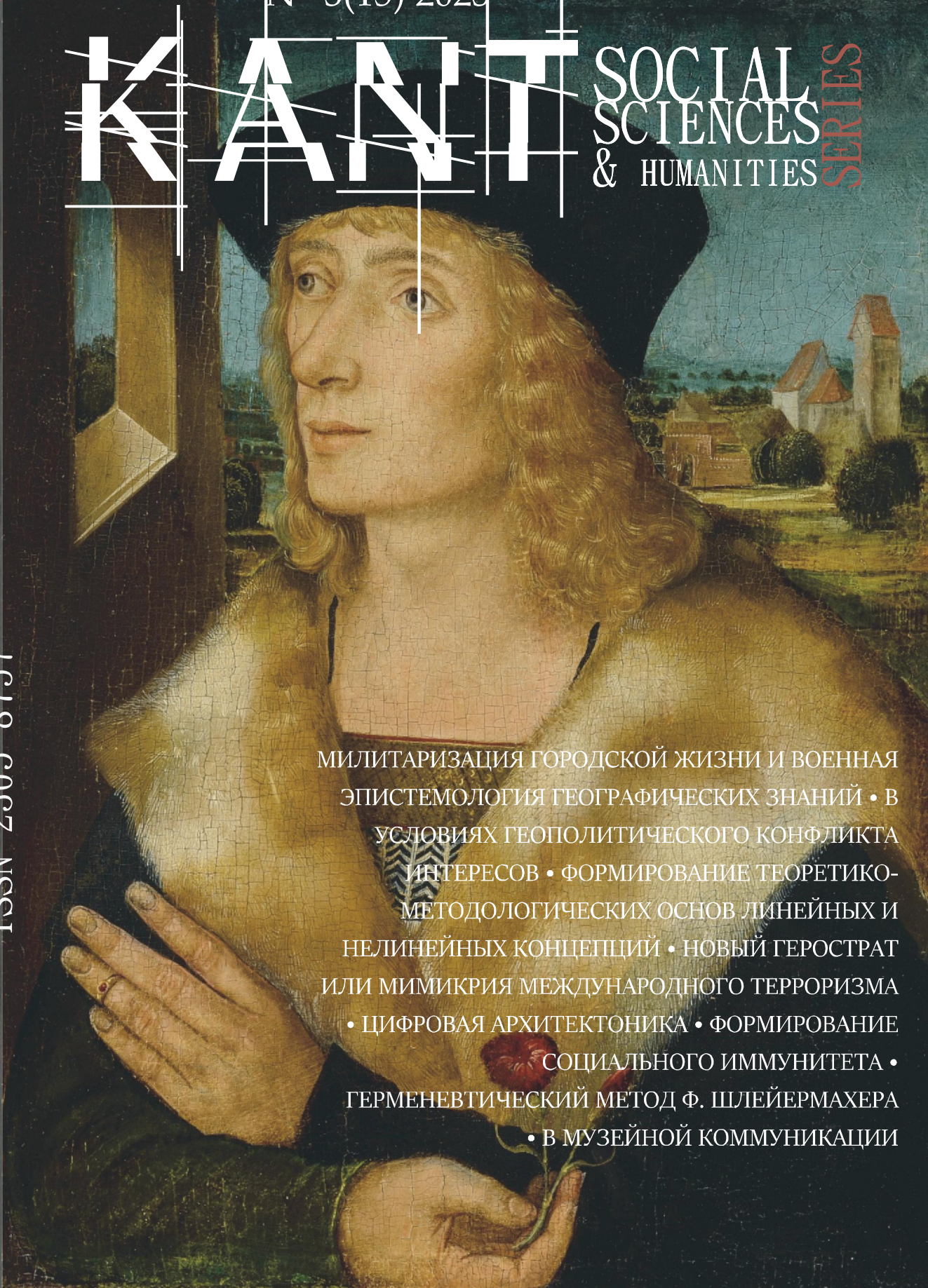
№ 3(15)'2023

научный рецензируемый журнал

КАНТ

SOCIAL
SCIENCES
& HUMANITIES
SERIES

ISSN 2305-8757

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ И ВОЕННАЯ
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ • В
УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА
ИНТЕРЕСОВ • ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ЛИНЕЙНЫХ И
НЕЛИНЕЙНЫХ КОНЦЕПЦИЙ • НОВЫЙ ГЕРОСТРАТ
ИЛИ МИМИКРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА
• ЦИФРОВАЯ АРХИТЕКТОНИКА • ФОРМИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА •
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ МЕТОД Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРА
• В МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Научный рецензируемый журнал открытого доступа, выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь).

Индексируется РИНЦ. Входит в Перечень ВАК под номером 67. Издание предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований по следующим отраслям наук:

5.4. Социология; 5.5. Политология;
5.10. Искусствоведение и культурология

СТАВРОЛИТ
издательство

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ООО "Издательство
СТАВРОЛИТ"

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Григорьев Анатолий Федорович, д-р культурологии, профессор

Боташева Асият Казиевна, д-р полит. н., доц.,
Пятигорский государственный университет
(Пятигорск)

Буксикова Ольга Борисовна, д-р
искусствоведения, проф., Белгородский
государственный университет искусств
и культуры (Белгород)

Грачев Сергей Иванович, д-р полит. н., проф.,
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского (Н. Новгород)

Комуцки Людмила Владимировна, д-р
фололог. н., проф., Севастопольский
государственный университет (Севастополь,
Республика Крым)

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. н.,
проф., Севастопольский государственный
университет (Севастополь, Республика Крым)

Костина Анна Владимировна, д-р
культурологии, д-р филос. н., проф., Московский
гуманитарный университет (Москва)

Лю Сюянь, д-р филолог. н., проф.,
Полицейская академия при Министерстве
общественной безопасности КНР (Пекин)

Маслова Татьяна Федоровна, д-р социолог. н.,
проф., Ставропольский государственный
педагогический институт (Ставрополь)

Петров Владимир Николаевич, д-р
социологических наук, проф., Кубанский
государственный университет (Краснодар)

Прахакара Джатъяло Рао, профессор
лингвистики, Центральный университет
Хайдерабада (Хайбарабат)

Рахаев Анатолий Измаилович, д-р
искусствоведения, проф., этномузыковед,
Северо-Кавказский государственный институт
искусств (Нальчик)

Саламзаде Эртегин Абдулвагаб оглы, д-р
искусствоведения, проф., Национальной
академии наук Азербайджана, член-кор.
Национальной академии наук
Азербайджана (Баку)

Сраджев Виктор Пулатович, д-р
искусствоведения, проф., Белгородский
государственный университет искусств
и культуры (Белгород)

Шемякина Мария Константиновна, д-р
культурологии, проф., Белгородский
государственный университет искусств
и культуры (Белгород)

Уважаемые читатели!

KANT: Social science & Humanitarian
фокусируется на специальных и общих
теоретико-методологических подходах,
характерных для социально-гуманитар-
ных исследований.

Журнал поощряет междисциплинарный подход, связывающий музыку, архитектуру, изобразительное искусство, литературу и социальную и интеллектуальную историю, а также симптоматично отражающиеся изменения в обществе и культурные последствия.

Широкая сфера охвата журнала способствует диалогу о научных проблемах, затрагивающих в различной степени эти области. Каждый выпуск содержит подборку исследований, а также рецензии на недавно вышедшие книги и фильмы.

К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи, отвечающие общим академическим требованиям (аргументированность, структурированность, оригинальность, логичность, согласованность), а кроме того должны быть написаны ясным, живым академическим языком, доступным для понимания в том числе неспециалистом.

Шеф-редактор журнала,
к.полит.н. М.А. Григорьева

ИЗДАТЕЛЬ: ООО "Издательство СТАВРОЛИТ"

ИНН/КПП 2635120079/263501001

Адрес изд-ва и редакции: 355044, Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44; Тел.: 8(962 4) 52-84-02

E-mail: info@stavrolit.ru, igla_fatal@mail.ru; Сайт: stavrolit.ru

© "KANT: social science & humanities", 2023, № 3(15), 1-156 с.

Выпускающий редактор А.Д. Григорьева

Дизайн обложки М.А. Мирошниченко

Техническое редактирование и верстка П.В. Арсентьева

Корректура К.Д. Ковтун

Подписано в печать 05.07.2023. Выход в свет 20.08.2023. Формат 70 х 100³/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура StikaBanner. Уч.-изд. л. 30,78. Тираж 100 экз. Заказ № 620. Свободная цена.

Содержание

Милитаризация

городской жизни и военная
эпистемология географических
знаний. Вводное слово к переводной
версии статьи Анны Даниэльсон ----- 4

Даниэльсон А. Создание военного
города (ов): совместимость, создание
пространства и эпистемологические
различия между военными службами
в городских операциях ----- 4

Силаева З.В. Основные тенденции
и закономерности усложнения базовых
принципов взаимодействия ведущих
актеров международных отношений
в условиях геополитического
конфликта интересов ----- 14

Худяков А.В. Формирование теоретико-
методологических основ линейных
и нелинейных концепций:
от античности до новейшего времени --- 28

Берладир Ю.В., Харичкин И.К.
Террорист-одиночка сегодня: новый
Герострат или мимикрия
международного терроризма? ----- 36

Сюгуан Лю. Внутрипартийные
регламенты Коммунистической
партии Китая и национальные
законы: взаимосвязь
и согласованность ----- 46

Смирнов П.П. Новая экономическая
политика: политологический
анализ ----- 56

Тер-Аванесова И.Н. Цифровая
архитектоника – к определению
понятия ----- 63

Бикметов Е.Ю., Галиханов Р.Р., Голиков С.В.,
Кузнецова Е.В. Формирование
социального иммунитета
в организационных отношениях ----- 72

Гриценко Г.Д., Маслова Т.Ф.,
Смагина М.В. Межпоколенные связи
в процессе социализации современной
молодежи: точки сближения
и напряжения ----- 78

Гильдингерш М.Г., Шадрин А.А.
Социальный портрет студента
университета как основа
стратегического планирования
имиджевой политики ----- 87

Груздев М.А. Герменевтический метод
Ф. Шлейермахера в контексте
понимания художественных
произведений для актеров-
подростков ----- 96

Блюдов Д.В. Микрофонная речь
в Малом драматическом театре ----- 102

Чичварина О.Г. Проблематика синтеза
искусств в период становления
творчества Е.А. Кибрика (1922-1930) --- 108

Гудыменко Ю.Ю. Эволюция
портретного творчества
А.В. Тыранова ----- 115

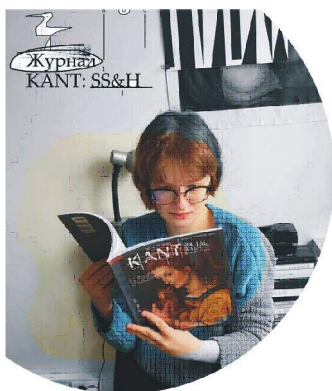
Чупахина Т.И. Религиозные мотивы
в творчестве Н.В. Гоголя
и М.П. Мусоргского ----- 123

Шак Т.Ф., Александрова Д.А.
Музыка как средство создания
кульминаций в киноинтерпретациях
романа Л. Толстого "Анна Каренина" --- 129

Портнова Т.В. Фарфоровая пластика
в экспозиции выставки "русские
балетные сезоны" по проекту
Международного союза хореографов ---- 135

Кирсанова Ю.А., Мельниченко Е.И.,
Ахметшина Д.Р. Специфика развития
креативных индустрий г. Москва
и труда креативного класса ----- 141

Зоткина А.Л., Кирсанова Ю.А.,
Ориша Ш.Ч. Специфика аудиального
компонента в музейной
коммуникации ----- 146

ДО МАРТА — С БАРТОМ: НЕФОРМАЛЬНО О НАУКЕ

Мультимедиа художник и друг Издательства Ставролит Полина Карвелишвили создала календарь философов и серию иллюстраций для журнала «KANT: Social science & Humanities». О взаимодействии художника с научным контекстом и о том, как появились расхождения с Платоном.

О проектах Полины Картвелишвили

- Участница Выставки «TELLING STORIES. БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ» в ММОМА с 30 июня по 13 августа 2023, объект — сайт для журнала «KANT: Social science & Humanities»
- Создатель Азбуки для театра «Практика» и победитель конкурса «Практики свободного дизайна» НИУ ВШЭ

обзор подготовлен
Валерией Чуйковой

Наука в современном мире конвенционально воспринимается, как пространство серьёзных вещей — данные, тексты, колонки на двух языках, ссылки и выводы. Об этом пространстве исследований и открытий можно рассказывать на визуальном языке, который дополняет научный нарратив образностью и предлагает неформальную встречу этих сфер.

Полина Картвелишвили создаёт повод для того, чтобы наши встречи с наукой запомнились нам ассоциацией — черно-белое пространство статьи входит в иллюстрацию, становясь коллажем мыслей, собранным в одну картинку.

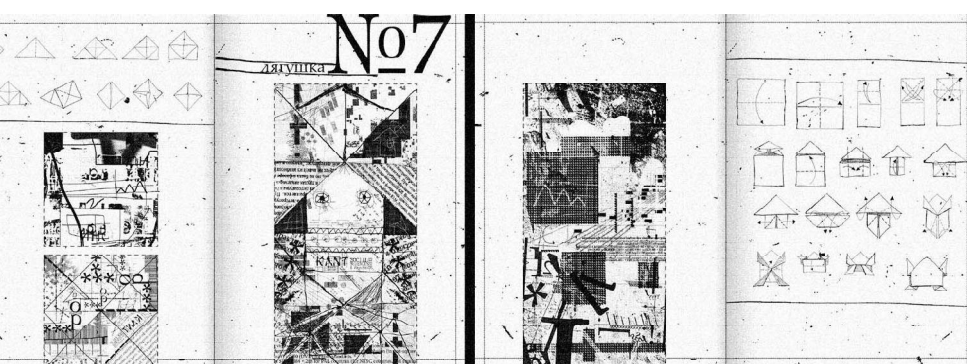
Работы новых проектов для журнала «KANT: Social science & Humanities», разработанные Полиной Картвелишвили, выполнены в уникальной стилистике — часть изображений составляют цитаты, выписанные от руки, цитаты трансформируются в фактуру и фон, на котором появляются основные элементы иллюстраций. Такой подход отражает процесс возникновения и соединения разных мыслей для того, чтобы собрать их в один научный текст.

Художественный лонгрид

Как опубликовать статью? Кто первым ее прочтет? Как правильно ее оформить? Быть или не быть? Ответы на эти вопросы подскажет лонгрид, который на данный момент выставлен в музее МОММ. Именно он выстраивает тесную навигацию между журналом и автором.

Оригами-зин: что делать, если уже загнул все страницы в книге и сложил старые распечатки в долгий ящик?

Даже самую лучшую свою научную работу можно защитить от плагиата и спрятать в самом надежном месте — внутри оригами. Полина Картвелишвили разработала оригами-зин — уникальное занятие для ученых от трех лет, которым можно заняться на прогулке на детской площадке, во время переговоров на научной конференции или сделать в подарок коллеге. Мы делимся с вами лонгридом о том, как сделать это научное оригами. Здесь вы найдете:

- шляпу-панаму на лето, если ваш ум в замешательстве и вы планируете содержать его в прохладном месте, недоступном для солнца
- прыгающую лягушку, которая сведёт вас с Дерридой [*с ума]
- лодочку, на которой вы можете уплыть в Гонолулу на период отпуска
- доску гаданий, чтобы удачно выбрать место и время
- и многое другое

Календарь философов: как появилась его идея и кто в него попал?

Герои календаря — философы, с которыми мы хорошо знакомы: Лакан, Барт, Делёз, Деррида, Фуко, Соссюр, Платон, Сократ, Сонтаг, Витгенштейн, Бердяев и Кант. Этот календарь адаптирован под наши рабочие будни: труд ученого круглогодичен, но начинается с сентября — кафедры возвращаются с каникул, преподаватели начинают цикл лекций, студенты и аспиранты собирают дипломаты и продлевают студенческий билет. С сентября начинается новый театральный сезон, нас ждут премьеры и новые встречи, и только коты не понимают, почему только

недавно их хозяева проводили с ними так много времени, а теперь целыми днями стоят за дверью.

Наш календарь тоже начинается с сентября — каждый месяц проходит под именем философа со слоганом. Например, «С Платоном расхождений тонна». Визуально календарь оформлен как экспрессивный коллаж из текста, портрета и сочетания фактур. С таким календарем можно сверять даты и настраивать себя на большие философские мысли — и с сентября мы начнём делиться его страницами с вами.

Мы желаем всем нашим авторам, читателям и философам продуктивного на мысли и отдых лета. До новых научных встреч!

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ И ВОЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ.

Вводное слово к переводной версии статьи Анны Даниэльсон¹

Современный город, будучи местом, в котором жители, с пространственной точки зрения, тесно расселены, источает опасность против тех, кто в нем проживает, в условиях военного конфликта. Таким образом, по мнению Анны Даниэльсон, "война и города находятся во взаимно конститутивных отношениях и принимают особую форму друг в друге и через друг друга", в связи с чем города обладают особой привлекательностью в глазах войны. В этот момент хорошо знакомые для жителя улицы, парки, аллеи не снижают уровень беспокойства, а напротив, усиливают его, поскольку тревога одновременно подавляется и воспроизводится через геополитические дискурсы и подогревается через медиумы коммуникации. Важный фрагмент исследования, приведенный здесь, Анна Даниэльсон посвящает дискурсу городских войн, которые построены на западных стратегиях ведения войн. Ретроспективный отсчет она начинает с доиндустриального периода и затем перемещая фокус внимания на Израиль, Ирак, Афганистан, то есть городские пространства, на которых непосредственно применялись западные стратегии.

PRODUCING THE MILITARY URBAN(S): INTEROPERABILITY, SPACE-MAKING, AND EPISTEMIC DISTINCTIONS BETWEEN MILITARY SERVICES IN URBAN OPERATIONS

Danielsson Anna, Associate Professor, Department of War Studies and Military History, Swedish Defence University, Stockholm, Sweden

This article brings together the discourses on urban war and military interoperability respectively. Both discourses emphasise the question of knowledge. A shared geographic knowledge held by the service branches involved in a joint operation is considered key for interoperability to arise. In the urban wars discourse, the need and difficulty of 'knowing' the urban are stressed. However, we know less about whether military services involved in a joint urban operation produce distinct geographic knowledges and, if so, with what effects. With inspiration from critical scholarship on military geographies and from works on the history and geography of knowledge, this article develops a conceptual framework to target the mutually constitutive relationship between military epistemics and urban space in urban war.

Keywords: interoperability; military epistemics; space; urban operations.

EDN: DBJMAJ; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.1

Цитировать: Даниэльсон А. Создание военного города (ов): совместимость, создание пространства и эпистемологические различия между военными службами в городских операциях // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 4-13. **EDN:** DBJMAJ. **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.1

УДК 32

ВАК 5.5.2

СОЗДАНИЕ ВОЕННОГО ГОРОДА (ОВ): СОВМЕСТИМОСТЬ, СОЗДАНИЕ ПРОСТРАНСТВА И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ВОЕННЫМИ СЛУЖБАМИ В ГОРОДСКИХ ОПЕРАЦИЯХ

© Даниэльсон А., 2023
© Григорьева М.А.,
перевод с англ., 2023

Статья объединяет дискурсы о городской войне и военном взаимодействии. Оба дискурса подчеркивают вопрос о знании. Общие географические знания, которыми обладают военные подразделения, участвующие в совместной операции, считаются ключевыми для обеспечения функциональной совместимости. В дискурсе городских войн подчеркивается необходимость и сложность "знания" о городе. Однако мы меньше знаем о том, фиксируют ли военные службы, участвующие в совместной городской операции, полученные в процессе географические знания, и если да, то, как это работает. Вдохновленная критическими исследованиями в области военной географии и работами по истории и географии знаний, эта статья развивает концептуальную основу, направленную на установление взаимодополняющих отношений между военной эпистемикой и городским пространством в городской войне.

¹Григорьева М.А., кандидат политических наук, шеф-редактор журнала "KANT", Издательство Ставролит, Ставрополь

1. Введение

"Город конституирует форму конфликта, называемую *войной*, точно так же, как война сама по себе конституирует политическую форму, называемую *городом*" [53, 5, курсив в оригинале].

Война и города находятся во взаимно конститутивных отношениях. Они принимают особую форму друг в друге и через друг друга. Хотя эпистемология этой взаимосвязи менее изучена, ученые подробно описали, как городские военные операции и войны разворачивались на протяжении всей истории человечества [21; 30; 31]. Критически настроенные ученые также ссылаются на нынешнюю милитаризацию городской жизни, не в последнюю очередь потому, что западные вооруженные силы все больше фокусируются на "городском вопросе" [24].

Параллельно с растущим вниманием к городской географии западные вооруженные силы уже давно подчеркивают необходимость "оперативной совместимости". Совместимость относится к способности военных служб (например, армии, флота и военно-воздушных сил) действовать вместе, а также к степени эффективности этих действий [13; 40; 59]. Недавно было определено эпистемическое измерение функциональной совместимости, которое, например, касается общих географических знаний об оперативной среде [20; 39; 44]. Вопрос о знаниях считается ключевым также и в городских военных операциях, не в последнюю очередь потому, что это обычно совместные операции [16; 29; 50]. Основываясь на взаимном внимании дискурсов к знанию, имеет смысл остановиться на городских военных операциях с точки зрения интероперабельности и задаться вопросом, что "делает" город в условиях достижения эпистемической интероперабельности.

Некоторые предыдущие работы были посвящены производству военно-географических знаний [25, 89]. Как подробно описано ниже, существует устоявшаяся программа исследований того, как военная аэрофотосъемка обусловлена "эпистемологиями производства географических знаний" [1, 176-177; 19]. Дерек Грегори [26, 91], кроме того, обнаруживает, что воздушные разведывательные миссии и оптические картографические методы во время Первой мировой войны создавали "абстрактное пространство", которое резко контрастировало с "опытным пространством" пехоты. В настоящее время существует пробел в отношении того, производят ли по-разному расположенные отрасли обслуживания различные географические знания о городе, и если да, то как и с какими конститутивными эффектами.

Danielsson A. Producing the military urban(s): Interoperability, space-making, and epistemic distinctions between military services in urban operations // Political Geography. – 2022. – Volume 97. – 102649.

ДАНИЕЛЬССОН Анна, доцент кафедры военных исследований и военной истории Шведского оборонного университета, Стокгольм, Швеция

Опираясь на вышеупомянутые работы, а также на критические исследования по военной географии и литературу по географии и истории (научных) знаний, можно предположить следующее. Во-первых, *тип* географических знаний, которыми оперируют сухопутные и военно-воздушные силы, стремящиеся "раскрыть" определенные городские пространства, различается из-за особого местоположения служб и *относительной физической и социальной дистанции* относительно городской оперативной среды. Воздушное производство военно-географических знаний относительно удалено от городской среды. Расстояние подразумевает, что производство воздушных знаний формируется вокруг эпистемологии видения и порождает репрезентативные географические знания. Напротив, наземное производство военно-географических знаний встроено в городскую среду. Оно формируется вокруг мультисенсорной эпистемологии, которая обуславливает производство практического типа географического знания. В отличие от притязаний репрезентативного знания, практическое знание явно ломает различие между субъектом и объектом познания.

Во-вторых, производимые типы военно-географических знаний не предполагают различных взглядов на город как на существующую сущность, а в той мере, в какой они *вызывают город к существованию*. Различные типы знаний, которые попадают в распоряжение воздушных и наземных войск, соответственно, не только (совместно) конституируются их соответствующим пространственным положением, но также конституируют город с точки зрения того, каким интервенционным объектом должно быть городское пространство, и какие методы ведения войны и последствия считаются необходимыми и оправданными. Другими словами, дело не только в военной эпистемологии, но и во "взаимном переплетении" онтологии и эпистемологии [35, 20]. Онтология "не дается в порядке вещей" (...), а "возникает, поддерживается или отмира-

ет" [38, 6] в ситуативных военных знаниях и посредством них. Городское пространство, на которое нацелены городские военные операции, создается в процессе и посредством производства знаний, поскольку производство знаний частично конституируется городским пространством и размещением различных услуг по отношению к нему. Речь идет о войне как городской среде, а не о войне и городской среде.

Данное исследование представляет ценность в первую очередь для военных организаций, осуществляющих городские операции. Трудности в достижении эпистемической интероперабельности могут снизить общую эффективность операции [4, 137; 39, 241, 251]. В частности, в городских операциях отсутствие эпистемической интероперабельности может иметь серьезные последствия. Отсутствие и/или противоречивые знания могут привести к большому разрушению городов, чем это необходимо с военной точки зрения [51]. "Хирургические операции", которые часто требуются западным военным при действиях в городах [30, 76], таким образом, становится намного труднее проводить (и они уже есть, см. [61]) – а вместе с этим и риск разрушения городской среды.

Если вышеизложенное касается того, что город "делает" с условиями возможности эпистемической интероперабельности и эффективности военной мощи, то второе значение статьи – и основной вклад – касается того, что недостаточная степень интероперабельности "делает" с городом и, в частности, с критическим исследованием городской войны. В связи с чем больше внимания требует к себе проблема нежелательного "урбицида" (убийства горожан) как результат западной урбанистики [10]. Основной вклад этой статьи состоит в том, чтобы продвинуть концептуальную линзу, которая поможет достичь этого, в качестве первого шага к дальнейшему раскрытию динамики между военной эпистемикой и пространством в городской войне.

2. Городские военные операции и эпистемологическая совместимость

Западные вооруженные силы уже давно считают городские операции вызовом *будущего*. В 1996 году бывший подполковник армии США Ральф Питерс [45, 43] писал, что "будущее ведения войны связано с улицами, канализацией, высотными зданиями, промышленными парками и разбросанными домами, лачугами и убежищами", которые образуют разрушенные города нашего мира". В 2014 году генерал и председатель Объединенного комитета начальников штабов Марк А. Милли заявил, что "в будущем я могу сказать с очень высокой степенью уверенности, что американская армия, вероятно, будет вести боевые действия в городских районах (...), и это другая конструкция" [52].

Несмотря на то, что городские войны были "доминирующей формой ведения войны на протяжении большей части военной истории" и несмотря на то, что их "уникальность" "всегда признавалась", значение городских войн "не подчеркивалось постнаполеоновскими армиями до конца XX века". [14]. Более того, только относительно недавно западные вооруженные силы начали признавать *актуальность* "городского вопроса" в наши дни [16; 24]. Британская армия, например, сегодня считает операции в городских условиях "неизбежными и почти "новой нормой"" [7].

Хотя сегодня это считается острым, более спорный вопрос касается степени, в которой современная городская война отличается от ее исторической артикуляции. Для Элиса Хиллз, современные городские бои демонстрируют "очень мало (...) нового" [28, 5]. Война в городах "наиболее близка Западу с доиндустриальных форм конфликтов", и в способах проведения военных операций

ДЛЯ ЭЛИС ХИЛЛЗ,
СОВРЕМЕННЫЕ
ГОРОДСКИЕ БОИ
ДЕМОНСТРИРУЮТ
"ОЧЕНЬ МАЛО (...)
НОВОГО". ВОЙНА В
ГОРОДАХ "НАИБОЛЕЕ
БЛИЗКА ЗАПАДУ
С ДОИНДУСТРИАЛЬНЫХ
ФОРМ КОНФЛИКТОВ"

в городах произошло несколько существенных изменений из-за развития технологий и вооружений [28, 13, 23, 27]. Другие комментаторы придерживаются противоположного мнения (например, [42; 23, 41-42]. Энтони Кинг утверждает, что те, кто претендует на историческую преемственность, слишком много внимания уделяют тактике и слишком мало – операции в целом. Для Кинга [30, 15], городское боевое пространство и городские боевые действия сегодня выглядят по-разному из-за изменений во взаимодействии "городов, оружия и сил". Исследователям городских военных операций было бы полезно сосредоточиться на том, "как физическая и социальная топография городов взаимодействует с вооруженными силами и оружием, которое они используют для создания определенного типа битвы" [30, 15].

Самобытность городских операций предъявляет огромные требования к военным знаниям [2; 6; 16; 30]. Понимание, интерпретация и "знание" городской среды – фундаментальная, но сложная задача для любой военной силы, действующей в городе [50]. Фундаментальной она является постольку, поскольку "для того, чтобы иметь какой-либо результат, вооруженные силы должны были интерпретировать город. Они должны рассчитывать, где их вмешательство может оказать наибольшее влияние. Тем не менее, город представляет собой сбивающую с толку, почти бесконечную среду" [30, 74]. Что делает вопрос о знании города еще более сложным, как и то, что современные городские военные операции, как правило, представляют собой совместные усилия, в которых участвуют несколько служб [6; 16, 537; 29, xxxvi; 30, 167]. Как подробно описано в следующем разделе, это делает интероперабельность и особенно *эпистемичес-*

кую интероперабельность ключевыми позициями.

Интероперабельность и проблема совместного использования географических знаний в городских операциях

После окончания Холодной войны западные вооруженные силы приложили много усилий для повышения оперативной совместимости в совместных операциях с участием нескольких родов войск (или в многонациональных коалициях). Сегодня среди западных вооруженных сил широко распространено мнение о том, что совместная работа и оперативная совместимость необходимы и желательны (например, [4; 34, 71; 59, 310]).

Военная интероперабельность касается того, как создать синергию между разными родами войск (или союзниками) [40]. Одно из наиболее распространенных определений гласит, что оперативная совместимость относится к способности военных служб, элементов или подразделений действовать вместе, а также к степени слаженности их действий (например, [40, 310; 13, 584]; 39, 236, 240]). Оперативная совместимость может быть важна во время совместных учений и/или планирования совместной операции, но особенно важна во время ее реализации. Действительно, интероперабельность – это не самоцель, а средство для эффективных и успешных совместных операций [8, 4, 9, 13; 59, 310; 584].

Интероперабельность традиционно считалась вопросом логистики [59]. Однако в последнее время все больше внимания уделяется эпистемическому аспекту функциональной совместимости [20; 44]. Майкл Коднер [8, 23, 33-36], например, различает "организационную", "техническую/логистическую" и "поведенческую" совместимость. Последнее относится к "измерению функциональной совместимости, которое определяется человеческими реакциями в форме моделей поведения (действий) отдельных лиц и групп на их восприятие среды безопасности". Таким образом, Коднер сводит вопрос

оперативной совместимости к тому, как военные воспринимают, интерпретируют и сообщают об окружающей среде, в которой они действуют, и как это, в свою очередь, формирует их действия. Точно так же Йоаким Эрм Мёллер [39, 241] утверждает, что общие знания об оперативной среде – "совместная ситуационная осведомленность" – имеют основополагающее значение для обеспечения функциональной совместимости ветвей обслуживания.

Ситуационная осведомленность определяется как "элементы окружающей среды в объеме времени и пространства, понимание их значения и проекция их статуса в ближайшем будущем" [15, 36]. Таким образом, в рассуждениях о военном взаимодействии информация об оперативной обстановке, которая "превращается в ситуационную осведомленность, становится знанием" [9, 39], понимаемым как общие географические знания об оперативной обстановке. Военные долгое время зависели от географических знаний до, во время и после операций. Хорошо известным примером являются исторически запутанные отношения между военной мощью и производством географических знаний для имперских и колониальных проектов [5]. Сегодня западные военные производят и используют информацию из всего спектра географических знаний. Войны в Афганистане и Ираке в начале 2000-х создали возможности для широкой концепции географических знаний, которые также нацелены на "человеческую территорию" для формирования западных вооруженных сил [54].

3. Положение производства военно-географических знаний

В этой части важно разобрать концепции, которые служат основой для анализа военной эпистемологии во время городских операций. Есть два основных структурных элемента. Первый – это критические исследования военной географии и, в частности, два ключевых положения этой литературы. Начнем с того, что военные операции

не только конституируют географию, но и сами пространственно конституированы (например, [22; 25; 57; 60]). Кроме того, крайне важно изучить условия, при которых война возникает и становится возможной [46, 47-48; 61, 725, 730]. Второй элемент – работы по истории и географии (например, [33; 43]). Авторы этих работ, тематически близких к "пространственному повороту" в социальных науках, утверждают, что эпистемически (и конститутивно) имеет значение, откуда производится знание. Таким образом, концептуальная структура формируется вокруг со-конституции знания и пространства, а также понятий "интервал" и "расстояние". Хотя эти концептуальные приемы напоминают "ландшафт" и "масштаб" в дисциплинарной традиции географии, они позволяют более четко сосредоточиться на военной эпистемике и ее конститутивных эффектах.

Со-конституция знания и пространства

1980-е и 1990-е годы были десятилетиями "пространственных поворотов" во многих академических дисциплинах (например, [49]). Пространство стало рассматриваться как активная и определяющая сила социальной жизни, а не как пассивный фон или сцена, на которой разворачивается жизнь [27]. Пространственный поворот включал в себя признание того, как географическое положение и местонахождение формируют знание. Таким образом, обращение к пространственным материям – это не просто признание того, что явления и события где-то происходят. "География имеет значение" [36] более фундаментально, поскольку пространство и пространственные вопросы "непосредственно вовлечены" в построение знания [55, 1]. Другими словами, производство (географических) знаний представляет собой процесс, происходящий в определенных социально-материальных средах, и его положение имеет определяющее значение для производимых знаний [11].

Учредительная связь между географическим положением и производством знаний занимает центральное место в исследованиях по истории и географии (научных) знаний (например, [43]). Расположение в конкретной социально-материальной среде с определенным набором инструментов, объектов, физических характеристик и т. п. имеет определяющее значение для того, как производится знание, какой тип знания производится, а также для его потенциальных конститутивных эффектов [33, 12]. В этом смысле пространство было постоянной темой как с точки зрения обеспечения социально-материальной среды, в которой знание могло бы практически производиться, так и с точки зрения построения "критериев достоверности, которые сделали знание наукой" [58, 652; смотрите также: 32]. Другими интересными объектами являются музеи, зоологические сады и городские центры [33]. Таким образом, ключом к этой науке является утверждение, что пространственное и материальное играют эпистемически конститутивные роли. Вместо того, чтобы рассматривать пространственное и материальное как второстепенное по отношению к производству человеческого знания – как, когда материальное и пространственное приобретают эпистемическое значение только через человеческую интерпретацию – эта наука демонстрирует конститутивную функцию пространственного и материального для производства знания и того, какие интерпретации необходимы.

Предыдущие работы по военным знаниям (например, [18; 19; 26; 46; 47]) подчеркивали ситуативность и (хотя и в разной степени) конститутивную функцию пространственного и материального. Эта статья, однако, требует большего внимания к основополагающим эпистемологическим условиям того, как производятся различные типы военно-географических знаний, и к взаимно конститутивным связям между военными урбанистическими знаниями и городским пространством. Мало того, что про-

изводство военных знаний конституируется (частично) рассматриваемым городским пространством и размещением в нем (по отношению к нему) различных служб, но и городское пространство как таковое по-разному создается посредством производства военно-географических знаний. Уже упомянутым примером этого является имперское и колониальное производство знаний. Путешествия и экспедиции, проведенные географами и солдатами, среди прочего, дали знания, которые скорее определяли, чем открывали, "местную" среду и "местный" предмет, различаясь как "отсталые", "донаучные", "экзотические" и "иррациональные" (см. [3]).

Таким образом, конститутивная функция военно-географических знаний связана с тем, как они вызывают к жизни – а не обнаруживают или пассивно наблюдают – городскую оперативную среду как особый вид городской среды, в которую можно вмешиваться, что, в свою очередь, обуславливает и оправдывает определенные методы ведения войны. Важно отметить, что предполагать конститутивные эффекты – это не то же самое, что заявлять о причинно-следственной связи между знанием и действием (см. [37, 13]). Конститутивную функцию знания лучше понимать как обозначение благоприятных условий, то есть как обуславливание набора возможных действий. Чтобы еще больше объяснить взаимосвязь между военными знаниями и городским пространством, нижеследующий раздел расширяет понятия "интервал" и "расстояние".

Интервал и расстояние

Традиционно при рассмотрении пространственно-эпистемических отношений академические дебаты проводят различие между "пространством" и "местом". Пространство часто рассматривается как "эпистемологическая метафора" [58, 657] – идеологический аналог места. Активно

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПРОСТРАНСТВОМ И МЕСТОМ НАЧИНАЕТ РУШИТЬСЯ.

конструируясь, пространство остается абстрактным. Место, напротив, относится к конкретным и реальным местам и как таковое наделено смыслом, знанием и идентичностью [48, 641]. Однако недавние концептуализации подчеркивают "открытый, живой, человеческий и внечеловеческий характер пространства" и его постоянное становление [12, 2]. Если рассматривать пространство как постоянно возникающее на практике и через нее, как несущее множественность, а не фиксированность [41] и как социально-материальную силу в конституировании социальных порядков [27] различие между пространством и местом начинает рушиться.

Взгляд на пространство как возникающее, произведенное и конститутивное требуется для понимания знания и пространства как взаимно конституирующих. В этом смысле в статье серьезно рассматривается предложение Петера Мейсбургера и Бенно Верлена [56, 2] о том, что при любом исследовании взаимосвязи между пространством, знаниями и действиями необходимо учитывать, какие концепции и онтологии являются "подходящими". Особый риск заключается в том, чтобы невольно рассматривать пространство как предданную реальность, а не как реальность, зависящую от теории или эпистемологии и практики [37, 4-5]. Чтобы избежать этого, полезна концепция "пространства", поскольку она означает, что то, чем пространство создано, является (временным и потенциально множественным) эффектом ситуативных практик знания. Далее основное внимание уделяется отдельным "разносным операциям" различных военных служб (см. [41, xi, xix, xxiii]).

Более того, вышеупомянутая концепция пространства подразумевает, что статья действует изнутри "онто-эпистемологии", то есть "взаимного смешения" онтологии и эпистемологии [35, 20]. Ни городское про-

странство, ни городское знание не сводятся друг к другу, но они взаимно конститутивны и принимают особую форму друг в друге и через знание. Пространство, в которое вмешиваются городские военные операции, таким образом возникает в процессе и посредством производства военного знания и его различных операций по распределению.

Чтобы конкретизировать последнее, географическое положение формирует военные космические операции, в отношении которых задействованы эпистемологии, инструменты и артефакты. Ключом является расположение познающего тела и расстояние до явления, которое должно быть познано. Как говорит Верлен [56, 41]: "решающим фактором, влияющим на формирование запаса знаний, является телесное отношение в смысле присутствия/отсутствия, другими словами, отношение между непосредственным и опосредованным переживаниями мира". Таким образом, ключом к производству военных знаний является вопрос относительного расстояния до городского пространства (ср. [41, xi]). Тем не менее, когда Верлен [56, 42] предполагает, что дистанционное производство знаний предполагает "более низкий уровень близости", позиция, занимаемая здесь, скорее, заключается в том, что относительное расстояние до городской оперативной среды формирует способы знания и типы географических знаний и городских пространств, которые соответственно генерируют военные службы и составляют, не обязательно будучи более или менее "интимными" по отношению к тому или иному объекту наблюдения.

4. Заключение

Связывая воедино дискурсы об оперативной совместимости и городских войнах через их взаимный фокус на эпистемологии, эта статья доказала пространственно-конституированный характер и конститутивную функцию военно-географических знаний о городах. Возникают множественные города, контрастирующие с искомой общ-

ностью в общих географических знаниях и городской операционной среде.

Для вооруженных сил это означает, что стремление к эпистемологической оперативной совместимости во время городских операций не может быть выполнено только посредством совместных учений и доктринальных конвергенций.

В исследованиях функциональной совместимости было бы полезно уделять больше внимания политике знаний, переводам и перемещениям между службами и между ними в городских условиях. Для критических исследователей городских войн военные эпистемологические противоречия указывают на важность серьезного отношения к совместности городских операций. Статья сделала первый шаг в этом направлении и предлагает структуру, которая может быть использована для установления взаимно конституирующих отношений между пространством и знанием, знанием и пространством в городских войнах.

References

1. Adey, P., Whitehead, M., & Williams, A. J. (2011). Introduction: Air-target. Distance, reach and the politics of verticality. *Theory, Culture & Society*, 28(7-8), 176-177.
2. Alon, N. (2018). Operational challenges in ground operations in urban areas: An IDF perspective. *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, 51(3), 737-762.
3. Barnett, C. (1998). Impure and worldly geography: The africanist discourse of the royal geographical society, 1831-73. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 23(2), 239-251.
4. Bass, B. K., Bartels, D. K., Escalante, S. A., Fenton, D. R., & Rathgeb, K. J. (2014). Overcoming joint interoperability challenges. *Joint Force Quarterly*, 74(3), 136-140.
5. Blunt, A. (1994). *Travel, gender, and imperialism. Mary Kingsley and west Africa*. New York: Guilford Press.
6. Bodnar, J., & Collins, S. (2019). NATO joint military operations in an urban environment. A capstone concept. *Three Swords Magazine*, 34, 93-96.
7. British Army. (2021). Experts address the challenges of urban operations, 24 May <https://www.army.mod.uk/news-and-events/news/2021/05/experts-address-the-challenges-of-urban-operations/>. (Accessed 10 November 2021).

8. Codner, M. (1999). Hanging together: Interoperability within the alliance and with coalition partners in an era of technological innovation. NATO Research Fellowship: Final Report.
9. Cooper, J. (1995). Dominant battlespace awareness and future warfare. In M. C. Libicki, & S. E. Johnson (Eds.), *Dominant battlespace knowledge* (pp. 39-46). Washington D.C.: National Defense University Press.
10. Coward, M. (2009). *Urbicide: The politics of urban destruction*. Abingdon, Oxon: Routledge.
11. Crang, M., & Thrift, N. (2000). Introduction. In M. Crang, & N. Thrift (Eds.), *Thinking space* (pp. 1-30). London: Routledge.
12. Crouch, D. (2017). Space, living, atmospheres, affectivities. In M. Nieuwenhuis, & D. Crouch (Eds.), *The question of space: Interrogating the spatial turn between disciplines* (pp. 1-21). London: Rowman & Littlefield.
13. Deni, J. R. (2014). Maintaining transatlantic strategic, operational and tactical interoperability in an era of austerity. *International Affairs*, 90(3), 583-600.
14. DiMarco, L. (2017). Urban warfare. Oxford bibliographies. <https://doi.org/10.1093/OBO/9780199791279-0171>
15. Endsley, M. R. (1995). Toward a theory of situation awareness in dynamic systems. *Human Factors*, 37(1), 32-64.
16. Evans, M. (2009). Lethal genes: The urban military imperative and Western strategy in the early twenty-first century. *Journal of Strategic Studies*, 32(4), 515-552.
17. Evans, M. (2017). Future war in cities: Urbanization's challenge to strategic studies in the 21st century. *International Review of the Red Cross*, 98(1), 37-51.
18. Farish, M. (2006). Frontier engineering: From the globe to the body in the Cold war arctic. *Canadian Geographer*, 50(2), 177-196.
19. Forsyth, I. (2019). A genealogy of military geographies: Complicities, entanglements, and legacies. *Geography Compass*, 13(3), 1-11.
20. Giegerich, B., & von Hlatky, S. (2020). Experiences may vary: NATO and cultural interoperability in Afghanistan. *Armed Forces & Society*, 46(3), 495-516.
21. Graham, S. (Ed.). (2004a). *Cities, war, and terrorism. Towards an urban geopolitics*. Malden: Blackwell Publishing.
22. Graham, S. (2004b). Vertical geopolitics: Baghdad and after. *Antipode*, 36, 12-23.
23. Graham, S. (2008). Imagining urban warfare: Urbanization and U.S. Military technoscience. In D. Cowen, & E. Gilbert (Eds.), *War, citizenship, territory* (pp. 33-56). New York: Routledge.
24. Graham, S. (2010). *Cities under siege. The new military urbanism*. London, New York: Verso.
25. Gregory, D. (2006). In another time-zone, the bombs fall unsafely ...": Targets, Civilians, and Late Modern War. *The Arab World Geographer*, 9(2), 88-111.
26. Gregory, D. (2015). Gabriel's map: Cartography and corpography in modern war. In P. Meusbarger, D. Gregory, & L. Suarsana (Eds.), *Geographies of knowledge and power* (pp. 89-121). Dordrecht: Springer.
27. Gregory, D., & Urry, J. (Eds.). (1985). *Social relations and spatial structures*. London: Palgrave Macmillan.
28. Hills, A. (2004). *Future war in cities. Rethinking a liberal dilemma*. Abingdon, Oxon: Routledge.
29. Kilcullen, D. (2019). Preface to "blood and concrete". In D. Dilegge, R. J. Bunker, J. P. Sullivan, & A. Keshavarz (Eds.), *Blood and concrete* (xxxi-xxlv). XlibrisUS).
30. King, A. (2021). *Urban warfare in the twenty-first century*. Cambridge: Polity Press.
31. Lang, P. (Ed.). (1995). *Mortal city*. New York: Princeton Architectural Press.
32. Latour, B. (1987). *Science in action: How to follow scientists and engineers through society*. Cambridge: Harvard University Press.
33. Livingstone, D. (2003). *Putting science in its place. Geographies of scientific knowledge*. Chicago: Chicago University Press.
34. Lockyer, A. (2013). The logic of interoperability: Australia's acquisition of the F-35 joint strike fighter. *International Journal*, 68(1), 71-92.
35. Lundborg, T., & Vaughan-Williams, N. (2015). New materialisms, discourse analysis, and international relations: A radical intertextual approach. *Review of International Studies*, 41(1), 3-25.
36. Massey, D. (1984). Introduction: Geography matters. In D. Massey, & J. Allen (Eds.), *Geography matters! A reader* (pp. 1-11). Cambridge: Cambridge University Press.
37. Meusbarger, P., & Werlen, B. (2017). Knowledge, action, and space: An introduction. In P. Meusbarger, B. Werlen, & L. Suarsana (Eds.), *Knowledge and action* (pp. 1-30). Cham: Springer Nature.
38. Mol, A. (2002). *The body multiple: Ontology in medical practice*. Durham, NC: Duke University Press.
39. Möller, J. E. (2019). Trilateral defence cooperation in the North: An assessment of interoperability between Norway, Sweden and Finland. *Defence Studies*, 19(3), 235-256.
40. Mukherjee, A. (2017). Fighting separately: Jointness and civil-military relations in India. *Journal of Strategic Studies*, 40(1-2), 6-34.
41. Nieuwenhuis, M., & Crouch, D. (Eds.). (2017). *The question of space: Interrogating the spatial turn between disciplines*. London: Rowman & Littlefield.
42. Norton, R. J. (2003). *Feral cities*. Naval War College Review, 56(4), 97-106.
43. Ophir, A., & Shapin, S. (1991). The place of knowledge: A methodological survey. *Science in Context*, 4(1), 3-22.

44. Paget, S. (2016). Interoperability of the mind. *The RUSI Journal*, 161(4), 42-50.
45. Peters, R. (1996). Our soldiers, their cities. *US Army War College Quarterly: Parameters*, 26(1), 43-50.
46. Rech, M., Bos, D., Jenkins, N., Williams, A. J., & Woodward, R. (2015). Geography, military geography, and critical military studies. *Critical Military Studies*, 1(1), 47-60.
47. Robinson, J. P. (2013). 'Darkened surfaces': Camouflage and the nocturnal observation of Britain, 1941-45. *Environment & Planning A*, 45, 1053-1069.
48. Rodman, M. C. (1992). Empowering place: Multilocality and multivocality. *American Anthropologist*, 94(3), 640-656.
49. Soja, E. W. (1989). *Postmodern geographies. The reassertion of space in critical social theory*. London and New York: Verso.
50. Spencer, J. (2020). Why is urban warfare so challenging? Available at: <https://mwi.usma.edu/why-is-urban-warfare-so-challenging/>. (Accessed 4 February 2022).
51. Spencer, J., & Amble, J. (2017). A better approach to urban operations: Treat cities like human bodies. Available at: <https://mwi.usma.edu/better-approach-urban-operations-treat-cities-like-human-bodies/>. (Accessed 4 February 2022).
52. Tan, M. (2016). Army chief: Soldiers must Be ready to fight in 'megacities'. Available at: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/ausa/2016/10/05/armychief-soldiers-must-be-ready-to-fight-in-megacities/>. (Accessed 8 January 2022).
53. Virilio, P. (2002). *Desert screen: War at the speed of light*. London: Continuum.
54. Wainwright, J. (2016). The U.S. Military and human geography: Reflections on our conjuncture. *Annals of the Association of American Geographers*, 106(3), 513-520.
55. Warf, B., & Arias, S. (2009). *The spatial turn. Interdisciplinary perspectives*. Abingdon, Oxon: Routledge.
56. Werlen, B. (2017). Action, knowledge, and social relations of space. In P. Meusburger, B. Werlen, & L. Suarsana (Eds.), *Knowledge and action* (pp. 31-56). Cham: Springer Nature.
57. Williams, A. J. (2007). Performing security: The imaginative geographies of current US strategy. *Political Geography*, 26(4), 405-422.
58. Withers, C. W. J. (2009). Place and the 'spatial turn' in geography and in history. *Journal of the History of Ideas*, 70(4), 637-658.
59. Woodall, S. R. (2000). Self-jamming behavior: Joint interoperability, root causes, and thoughts on solutions. *Comparative Strategy*, 19(4), 309-317.
60. Woodward, R. (2004). *Military geographies*. Malden, MA: Blackwell Publishing.
61. Woodward, R. (2005). From military geography to militarism's geographies: Disciplinary engagements with the geographies of militarism and military activities. *Progress in Human Geography*, 29(6), 718-740.
62. Zehfuss, M. (2010). Targeting: Precision and the production of ethics. *European Journal of International Relations*, 17(3), 543-566.

THE MAIN TENDENCIES AND CONSISTENT PATTERNS OF COMPLICATION OF ESSENTIAL PRINCIPLES OF INTERACTION BETWEEN THE LEADING ACTORS OF THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF A GEOPOLITICAL CONFLICT

Silaeva Zoya Vladimirovna, PhD of Political sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan

The purpose of the study is to detect the keynote tendencies and consistent patterns of complication of the basic principles of interactions of international relations' major actors, covering the period from 1648 to 2022. The said complication, according to the author's viewpoint, should have been conditioned by the increase in the subjects of world politics as well as extension of interconnections between them, requiring the elaboration the new interplay rules with the aims of ensuring international order and stability. **Scientific novelty** is conceptualized in a following conclusion, made due to neoinstitutional approach: mutual influence of conjuncture and opportunist behavior of world-powers, giving rise to the conflict of interests' escalation, which, in turn, gives way to weakening of subjects, which do not belong to 'the circle of selected' and also of those, which aspire to the maintenance of dynamic condition, characterized by processes of conservation and change. **As a result** it has been revealed, that imposition of game rules on particular most influential actors of international relations contributes to purposeful weakening of system by all means with the view of maintaining one's status-quo and preventing any changes in the balance of powers, capable of taking their toll on economic well-being or facilitating the transformation of sales market and reallocation of political influence. Such opposition naturally results in an armed conflict or war, and, as a consequence, in the change of the major actors' of international relations basic interaction principles, but does not contribute to transformation of essentials of their behavior and strategies, used for achieving one's goals in conflict.

Keywords: international relations; international order; states; great powers; coalitions; transnational corporations.

EDN: EFKGWF; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.2

Цитировать: Силаева З.В. Основные тенденции и закономерности усложнения базовых принципов взаимодействия ведущих акторов международных отношений в условиях геополитического конфликта интересов // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 14-27. EDN: EFKGWF. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.2

УДК 327

БАК 5.5-2, 5.5.4

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ УСЛОЖНЕНИЯ БАЗОВЫХ ПРИНЦИПОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕДУЩИХ АКТОРОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

© Силаева З.В., 2023

Цель исследования – выявить основные тенденции и закономерности усложнения базовых принципов взаимодействия ведущих акторов международных отношений с 1648 по 2022 год, которое должно было быть обусловлено, по мнению автора, увеличением субъектов мировой политики и расширением взаимосвязей между ними, требующих выработки новых правил взаимодействия с целью обеспечения международного порядка и стабильности, несмотря на перманентные геополитические конфликты. Для этого в статье анализируются 4 основных этапа изменения основ системы международных отношений, которым соответствует своя модель (Вестфальская, Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская). **Научная новизна** заключается в том, что благодаря неинституциональному подходу в ходе исследования было обнаружено взаимовлияние конъюнктуры и оппортунистического поведения мировых держав, порождающего эскалацию конфликта интересов, который приводит к ослаблению субъектов, не входящих "в круг избранных", и тех, кто стремится к поддержанию равновесия динамического состояния, характеризующегося процессами сохранения и изменения. **В результате** выявлено, что навязывание "правил игры" отдельным наиболее сильным актором международных отношений или союза (коалиции), складывающегося

во главе с ним, только в своих интересах в результате использования механизмов "мягкой" и "жесткой" силы для оправдания своего оппортунистического поведения способствует целенаправленному ослаблению системы любыми средствами с целью сохранения своего статуса-кво и недопущения каких-либо изменений в соотношении сил, которые могут сказаться на экономическом благополучии или способствовать трансформации рынка сбыта и перераспределению политического влияния. Такое противостояние закономерно приводит к вооруженному конфликту или войне и, как следствие, изменениям базовых принципов взаимодействия ведущих акторов системы международных отношений, но не способствует трансформации базовых основ их поведения и стратегий, используемых для достижения своих целей в конфликте.

Ключевые слова: международные отношения; международный порядок; государства; великие державы; коалиции; транснациональные корпорации.

В настоящее время мир находится в условиях очередной трансформации системы международных отношений, когда даже непрофессионалу становится очевидным нарушение международного порядка и, как следствие, принципов и правил взаимоотношений между членами международного сообщества ввиду воздействия различных факторов и разрушения сформировавшейся иерархической организации, построенной на соотношении совокупных потенциалов ее отдельных акторов.

В связи с этим особый научно-практический интерес представляет исследование вопроса об изменении принципов, лежащих в основе системы международных отношений, выявления внутренней логики и закономерностей ее формирования на разных этапах исторического развития. Актуальность данному исследованию также придает необходимость выяснить, возможно ли и при каких условиях повысить предсказуемость изменений и управляемость происходящими сегодня международно-политическими процессами; определить основные тенденции и закономерности усложнения базовых принципов взаимодействия ведущих акторов системы международных отношений в условиях геополитического конфликта.

Для реализации поставленной цели в статье используется неинституциональный подход [1], который позволяет рассматривать институты не как формальные нормы и официальные организации, а как реально действующие "правила игры", которые структурируют взаимодействие между акторами с целью минимизации издержек этого взаимодействия и могут быть обусловлены возможностью их оппортунистического поведения, ограниченной рациональностью при выборе ими траектории и определении модели поведения в каждый конкретный временной период. Институциональные изменения задают вектор продолжительного развития системы международных отношений, однако, насколько произойдет снижение уровня неопределенности, предопределяется тем, насколько эти изменения будут

СИЛАЕВА Зоя Владимировна,
кандидат политических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан

эффективно реализованы, что зависит от того, есть ли на них запрос.

В связи с этим осмысление международных отношений как целостного системного феномена международной жизни в статье начинается с 1648 года, который является судьбоносным для становления новой модели межгосударственных отношений, связанной с формированием национальных государств и национальной буржуазии, и до современного этапа, когда в общественно-политическом дискурсе актуализируется запрос на трансформацию системы международных отношений и правил межгосударственного взаимодействия в связи с расширением геополитического конфликта.

Выбранный временной промежуток включает в себя несколько основных этапов изменения основ системы международных отношений, которым соответствует своя модель (Вестфальская, Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская), каждая из которых формировалась после крупных международных конфликтов или войн. Однако с 80-х гг. XX века в международных отношениях появляется ряд тенденций, которые могли бы привести к появлению новых моделей и способствовать изменению основных принципов взаимодействия ключевых акторов международной системы, минуя прямое военное столкновение. В научной среде обсуждались модели построения "глобального общества" и модели деглобализации и регионализации, которые, однако, так и не были концептуализированы в научном дискурсе.

Возможно, дискуссия вокруг этих моделей была обусловлена тем, что одни рассматривают регионализацию как процесс, идущий параллельно глобализации, которая и способствовала появлению новых региональных соглашений и союзов, а другие считают, что они развиваются поступательно, хотя и взаимосвязаны. На наш взгляд, это процессы, предпосылки для которых возникли еще задолго до кризиса Ялтинско-Потсдамской модели, и были закономерным этапом

развития в результате сложившейся конъюнктуры. В связи с этим нас интересует не сам исторический аспект, который достаточно хорошо проработан историками, а политический аспект и его развитие в социально-философском контексте.

Сделанные выводы вносят свой вклад в активизацию политологического и социально-политического дискурсов о дальнейших направлениях развития системы международных отношений и их амбивалентности. Теоретическая значимость работы видится в возможности лучше понять базовые принципы взаимодействия и оценить возможности их адаптации к новым глобальным реалиям и вызовам, что с практической точки зрения может помочь создать новую архитектуру безопасности многополярного мира, выстраивающегося одновременно в условиях геополитического конфликта и глобальной взаимосвязанности.

Принципы взаимодействия ведущих акторов Вестфальской модели международных отношений

Вестфальская модель международных отношений – первая и одна из самых устойчивых на протяжении всего периода ее существования система, сформировавшаяся на территории Европы и ознаменовавшая окончание религиозных и территориальных конфликтов, а также начало формирования новых политических сил в Европе и появление запроса от враждующих сторон на создание института международно-правовых гарантий и решение проблем, ставших причинами конфликта.

Данный институт должен был выработать новые правила взаимодействия, способные обеспечить мировой порядок и создать условия для их реализации, что и обусловило закрепление ряда важных принципов [2, 97-98] в Вестфальском мирном договоре: принцип национального суверенитета, равноправность суверенных государств, главенство национальных интересов, принцип компромисса в принятии реше-

ний и согласовании интересов на международной арене, деидеологизация международных отношений и др. Они заложили основу для становления баланса сил в Европе и международной правосубъектности, которая является важным параметром для оценки трансформации системы международных отношений.

Международная правосубъектность представляет собой способность субъекта международного права вступать в союзы (альянсы), проводить собственную внешнюю политику и устанавливать дипломатические отношения, вести войну и содержать постоянную армию [3, 551]. Казалось бы, речь идет о праве на суверенный статус, которым позднее будут обладать государства, хотя на данном этапе им обладают только отдельные князья и территории, которые входят в империи. Однако Вестфальский мир не содержал в себе упоминания о суверенитете государств, хотя эта концепция к этому периоду и была уже сформирована. Речь в нем шла о территориальной власти. Не надо забывать, что Вестфальская система закрепила еще и право за Имперским собранием на осуществление высших полномочий над территорией (написание и интерпретация законов, право объявления войны, обложение налогами и т.д.).

Вестфальская модель не запрещала ведение агрессивно-наступательных войн, что было обусловлено законным правом суверенного государства, а наоборот, закрепляла право сильного на решение вопросов, что сохранилось и во всех последующих моделях. Сильным всегда признавалось и признается государство, обладающее политическим и экономическим суверенитетом и (или) способное оказывать влияние на других, реализуя свое оппортунистическое поведение, при этом внешне сохраняя баланс сил и интересов, основанный на удовлетворении базовых потребностей всех, чему способствовало обязательство для всех государств, независимо от их статуса, выстраивать дипломатические отношения

и выполнять условия заключенных ими договоров.

Вестфальская международная модель включала в себя на момент формирования в качестве главных акторов – Священную Римскую империю, Францию, Швецию, Нидерландскую Республику, Королевство Испании и др., обладающих разным статусом. Но, несмотря на это, ее положения распространялись на большинство европейских политико-территориальных образований. Тот факт, что решения на международной арене никогда не принимаются коллективно, но при этом распространяются на всех, прослеживается с середины XVII века и становится в дальнейшем закономерностью.

Есть те акторы, которые находятся в центре международных отношений, есть те, кто – на периферии, а есть те, кто вне этой системы, потому что, обладая, казалось бы, всеми признаками субъекта международных отношений, не приобретает международную субъектность в силу отсутствия признания. Например, Швейцарский Союз и Голландия [3, 551], уже давно существовавшие в Европе, получили свое признание только в период Вестфальского конгресса, который признал независимость этих двух государств, основываясь на декларативной теории международно-правового признания. Согласно данной теории, как отмечает Ю.Н. Саямов, достаточно было "самого факта провозглашения нового государства для возникновения у него международной субъектности" [2, 98]. Однако этот принцип не сохранил свой статус-кво в дальнейшем. На протяжении существования большинства последующих систем международных отношений вопрос признания остается одним из важных и одним из спорных вопросов, а его решение часто зависело и зависит от политической конъюнктуры.

Основная ценность Вестфальского мира – это стремление к соблюдению равновесия сил или восстановлению нарушенного равновесия, для чего, по мнению Т. Зоной [4, 79], и создавались союзы и коалиции госу-

дарств. Однако, анализ показывает, что в дальнейшем именно они, сталкиваясь с "дилеммой безопасности", вновь приводили к эскалации конфликтов и развязыванию войн, что не позволяло им выйти из замкнутого круга. Как мы увидим позже, именно конфликты и войны в очередной раз заставляли задуматься о необходимости пересмотра установленных правил с целью обеспечения дальнейшего мира и международного порядка, с одной стороны, а также закрепления определенной иерархии, сложившейся в силу конъюнктуры и обеспечения экономических, геополитических и других интересов отдельных акторов, находящихся на ее вершине, с другой стороны. Наиболее ярко это проявится в следующей модели, которая была ответом на запрос государств, стремящихся вести самостоятельную внешнюю политику и перекроить территориальные границы в соответствии со своими национальными интересами и закрепить их таким образом, чтобы постараться не нарушить баланс интересов.

Принципы взаимодействия ведущих акторов Венской модели международных отношений

Венская модель международных отношений является следствием работы Венского конгресса (1814-1815 гг.), на котором был учрежден новый международный порядок, ознаменовавший окончание революционных и наполеоновских войн и основанный на принципах легитимизма, политического равновесия и принципах коллективного договора. Ее отличительной особенностью было закрепление баланса сил основных держав, стремящихся обезопасить себя, и формирование "Европейского концерта" (многополярности), что должно было послужить основанием для развития института многосторонней дипломатии и заложить основу коллективной безопасности, т.е. мирного разрешения противоречий на основе общей договоренности великих держав в результате многочисленных конференций, конг-

рессов и т.д., в повестку дня которых должно было входить обсуждение злободневных вопросов мировой политики и достижение компромисса по наиболее спорным вопросам. Однако на практике в итоге принцип насилия взял верх над принципом дипломатии, что обусловило возврат к старым порядкам и обычаям, существовавшим в Европе еще до Вестфальской системы и предопределило распад Венской системы.

В период существования Венской системы державы, как основной, но не единственный субъект международных отношений, представляют собой особо мощные по своему политическому влиянию, масштабам, военному и экономическому потенциалу государства, способные, с одной стороны, оказать воздействие и давление на своих дальних и ближних соседей, а с другой стороны, несущие ответственность за поддержание всеобщего мира и международной безопасности. Данное понятие получило широкое распространение после создания "Европейского концерта", включающего в себя Россию, Австрию, Пруссию, Францию, Великобританию и предполагающего необходимость их согласия на любые территориальные изменения в послевоенной Европе, т.е. именно от них зависело положение дел на мировой арене.

Однако это не способствовало снижению конфликтов, наоборот. Например, Великобритания стремилась к тому, чтобы все остальные державы были ввязаны в мелкие конфликты со своими соседями, чтобы, с одной стороны, избежать появления новой сверхдержавы, а с другой стороны, отвлечь сильные государства, с которыми она конкурировала, от колониального раздела остального мира и выиграть время, чтобы максимально использовать его для реализации своих интересов, учитывая ее имперские амбиции.

Отличительной особенностью Венской системы также является появление в системе международных отношений транснациональных корпораций и коалиций государств. Если первые до XX века не играли

решающей роли, т.к. занимались исключительно торговлей, не вмешивались в политику, то вторые стремились найти способ управлять политическими процессами на международной арене, пытаясь извлечь максимальную выгоду для себя, перекроив карту Европы и уничтожив все изменения, внесенные Наполеоном.

Однако коалиции также не являются постоянным элементом международных отношений, т.к. они распадаются, изменяются в зависимости от ослабления или укрепления государств, входящие в них, а также целей, которые они преследуют. Конфликты вспыхивали и внутри коалиций, т.к. государства имели сильные расхождения во внешней политике. Для сохранения коалиций часто использовался внутренний или сконструированный извне интерес, который был обусловлен амбициями и желаниями отдельных монархических правительств [5, 289].

Впервые в рамках данной системы поднимается вопрос об образовании законных государств из "угнетенных" наций, не имеющих своих правителей, которые должны были стать вознаграждением для победителей, однако будут ли они обладать хотя бы ограниченным суверенитетом, зависело только от участников Венского конгресса, которые не считались с национальными интересами народов, кроили карту Европы исключительно в своих интересах, что создало основание для конфликтов на много лет вперед, предмет которых включал в себя и вопрос о спорных территориях.

Перекройка территорий заложила основу и привела к появлению первых конфедераций и федераций, наличие которых способствовало не разрешению территориальных конфликтов, а их "замораживанию" на какое-то время. При этом только 5 основных великих держав не могли подвергнуться расчленению или ликвидации, т.к. они принадлежали к "клубу избранных", что обеспечивало поддержание баланса сил, который был одним из важных принципов

Венской системы. Статья 6 заключительного акта Венского конгресса, подписанного 9 июня 1815 года, гласила о готовности великих держав, подписавших его, соблюдать мир и поддерживать неизменность территориальных границ, установленных ими [5, 299].

Наметившаяся тенденция к концу существования этой системы привела к изменению отношения к суверенитету и институту признания. В зависимости от политической конъюнктуры действовали разные теории. Как отмечает Н. Цвицинская [6, 150], в 1856 г. на Парижском конгрессе была применена конститутивная теория признания, которая предполагала, что государство обретает международную правосубъектность, если оно признано существующими государствами, точнее великими державами, как мы понимаем из исторического контекста, потому что количество стран, которые должны признать вновь образованное государство нигде не прописано. Следовательно, речь уже не идет о равенстве государств, которое предполагала предыдущая, Вестфальская система с доминирующей декларативной теорией признания. Более того, это объясняет, почему заявив о своих национальных требованиях венгры, поляки, чехи, словаки, хорваты, украинцы в середине XIX века так и не обрели свою государственность и независимость от Австрийской империи.

Тем не менее, важно отметить, что именно в конце XIX – начале XX века происходит волна национально-освободительных и революционных движений и войн, способствовавших возникновению новых государств, которые, обретая независимость, получили возможность для развития прогрессивных капиталистических отношений и в дальнейшем стали претендовать на то, чтобы занять свое место в системе международных отношений.

Особый интерес в контексте последующих систем представляют США, которые развивались под влиянием Промышленной Революции, произошедшей в Европе в XVIII

– начале XIX вв. Благодаря их способности умело воспользоваться тем, что именно Европа была в этот период объектом внимания большинства великих держав, которые занимались разрешением территориальных споров и продолжали вести свою экстенсивную политику, США получили полную экономическую и политическую независимость и захотели расширить сферы своего влияния.

Со времен правления Джорджа Вашингтона и по сей день не теряет актуальности его фраза о том, что "если в Европе возникнет конфликт, мы должны мудрым образом воспользоваться преимуществами, дарованными нам географией, и только тогда мы сможем, действуя осмотрительно, извлечь выгоду из их безумств" [7, 11]. Более того США одними из первых заговорили о праве народов на самоопределение, закрепив его в Декларации независимости, что уже в XX в. создало значительные проблемы, связанные с желанием тех или иных народов воспользоваться этим правом и обрести независимость, приобретя государственность.

Еще один документ, представляющий для нас интерес и показывающий зачатки доминирующих сегодня отношений США и Европы на международной арене, – "доктрина Монро", содержащая в себе, с одной стороны, принцип взаимного невмешательства стран Европы и Америки во внутренние дела друг друга, а с другой стороны, закладывающая возможности для экспансионистской политики США.

Еще одним интересным игроком в XIX веке на международной арене становится быстроразвивающаяся Германия, которая после своего объединения берет путь на развитие интенсивной политики, опираясь на передовой производственно-технологичес-

"ЕСЛИ В ЕВРОПЕ
ВОЗНИКНЕТ КОНФЛИКТ,
МЫ ДОЛЖНЫ
МУДРЫМ ОБРАЗОМ
ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ
ПРЕИМУЩЕСТВАМИ,
ДАРОВАННЫМИ НАМ
ГЕОГРАФИЕЙ, И ТОЛЬКО
ТОГДА МЫ СМОЖЕМ,
ДЕЙСТВУЯ
ОСМОТРИТЕЛЬНО,
ИЗВЛЕЧЬ ВЫГОДУ
ИЗ ИХ БЕЗУМСТВ"

кий опыт других стран, и занимает свое место в "Европейском концерте" вместо Пруссии. Это способствовало потенциальной угрозе существующей системе равновесия в Европе, что было обусловлено тем, что Германия начинает вести агрессивную внутри-европейскую политику, приведшую к столкновению ее интересов с интересами России, а также колониальную политику, которая основывалась на знаменитых идеях "Drang nach Osten" [8, 80], позволяющих оправдать ее жесткость.

Колонии необходимы были для развития промышленности и решения проблемы рын-

ков сбыта и сырья, которых ей не хватало. Более того интересно, что именно в этот период в Германии рождаются также и идеи о международном разделении труда между разными странами, в том числе и колониями. Эта идея в дальнейшем будет способствовать развитию глобализации.

По мере усиления Германии росли и ее амбиции, появилось стремление стать "мировой империей".

В данном контексте интересна фраза Вильгельма I: "С помощью силы и войны создана Германская империя, с помощью силы и войны она укрепила свое положение в Европе, с помощью силы и войны она должна завоевывать мировое господство" [8, 81]. А для этого Германия использует те же средства, что и США – умело пользуется противоречиями среди европейских держав, сталкивая их друг с другом, но в отличие от них она не просто создает инциденты для конфликтов, но и втягивается в них сама. Один из таких конфликтов произошел между Германией и Францией.

Франция, также как и Германия, начиная с середины XIX века является одним из быстроразвивающихся капиталистических

государств с империалистическими амбициями, которая тоже стремилась к господству, поэтому почти непрерывно вела захватнические войны [7, 356] с целью, с одной стороны, удовлетворения интересов крупных финансистов, промышленников, банкиров, которые были заинтересованы в новых рынках сбыта, источниках сырья и получении прибыли, а, с другой стороны, отвечали интересам Наполеона III, поддерживая существование монархии.

По мере того как развивались и укреплялись государства, усиливалась конкуренция и ужесточались способы борьбы с ней, поэтому даже малейшие политические просчеты приводили не просто к конфликтам, а к развязыванию длительных войн. Эта закономерность была и остается в развитии международных отношений. Неудачная попытка Наполеона III колонизировать Мексику вызвала сильнейшее недовольство Англии и США и привела к войне, которая имела тяжелые последствия для Франции, учитывая, что к концу 60-х гг. она испортила отношения с большинством европейских государств и фактически оказалась в состоянии полной внешней изоляции при нестабильной внутренней ситуации.

В 1871 г. Франция проиграла франко-прусскую войну, что привело к потере территории и усилению Германии на международной арене, а это, в свою очередь, заставило Францию искать новых союзников. Усиление империалистических настроений большинства стран "Европейского концерта" и невозможность их действовать самостоятельно способствовали созданию коалиций, столкновение интересов которых привело к Первой мировой войне и окончательному краху Венской системы, который был обусловлен тем, что на международную арену выходят новые игроки, мощные и уверенные, которые стремятся получить те территории, которые нужны им для дальнейшего капиталистического развития и понимающие, что другого способа кроме как развязывание войны у них нет.

Принципы взаимодействия ведущих акторов Версальско-Вашингтонской модели международных отношений

Версальско-Вашингтонская модель – самая недолговечная модель международных отношений, которая сложилась после окончания Первой мировой войны и была направлена на создание глобального, а не европейского равновесия, как это было ранее, что было обусловлено появлением США и Японии, стремящихся занять свое место в системе международных отношений.

Основными принципами, на которых основывалась данная модель были: принцип наций на самоопределение, принцип уважения территориальной целостности и политической независимости (принцип соблюдения государственного суверенитета), принцип контроля над вооружением (наличие вооружения только для защиты собственной территории), принцип гласности в международных отношениях, принцип коллегиальности, принцип справедливости и чести, принцип соблюдения предписаний международного права, принцип добросовестного соблюдения договорных обязательств и т.д. Появление новых и сохранение старых принципов, которые не отменялись в каждой последующей модели, но и не всегда проговаривались, не утверждались заново, зависело от конъюнктуры и было связано с оппортунистическим поведением стран, которые эту модель и составляли.

В Версальско-Вашингтонской модели, одной из первых, были заложены механизмы, направленные на соблюдение этих принципов, которые применяются и до сих пор – введение санкций, объявление бойкота, исключение из международных организаций, прекращение гуманитарных связей, разрыв отношений и т.д., что в условиях соблюдения принципа коллегиальности могло вывести тот ли иной субъект международных отношений на периферию системы, что было не выгодно.

Как и в предыдущей модели в Версальско-Вашингтонской в качестве субъектов помимо государств, также присутствовали и транснациональные корпорации, но их позиция изменялась. Развиваясь, они начали пытаться разделить рынки сбыта и диктовать ценообразование, однако пока, как и прежде, не представляли конкуренцию великим державам, т.к. вплоть до 80-х гг. XX века преобладало доминирование национальной капиталистической экономики и государственного вмешательства в нее, существовало ограничение на торговлю и потоки капитала в международной экономике.

После Первой мировой войны новые тенденции наметились в отношениях между самими государствами. На смену традиционному принципу равновесия, основанного на балансе сил и обеспечивающего международную стабильность, благодаря усилиям США, пришел принцип коллективной безопасности, основанный на формальном равенстве государств и признании права наций на самоопределение, т.е. по сути США внедрились и нормативно закрепили все те принципы, о которых упоминалось еще в период правления Джорджа Вашингтона. Однако, важно отметить, что США никогда не выступали гарантом международного порядка и стабильности, конфликты вдали от их собственной территории были им всегда выгодны для защиты их собственных интересов и расширения политического влияния.

В данном контексте интересным является предложение Томаса Вудро Вильсона о создании Лиги Наций, которая должна была стать гарантом нового международного порядка, разрешить "дилемму безопасности" благодаря постепенному сокращению вооружения и дальнейшему разоружению, а также строгому соблюдению установленных и принятых правовых норм, закрепленных в том числе и в международных договорах. Однако между функциями, которые Лига наций должна была выполнять и выполняла, была большая разница.

Прежде всего она сконцентрировала свое внимание не на помощи государствам и обеспечении глобальной безопасности, как ожидалось, а на улучшении условий жизни отдельных людей [9, 31], за что она также подвергалась критике как со стороны отдельных государств, так и со стороны общественности, которые усматривали в этом политический контекст. Хотя она и не была полноправным политическим игроком, а социальная и гуманитарная деятельность порой и доминировали над политической, будучи инструментом в большой геополитической игре и порой благодаря ее безмолвию, так и не удалось сформировать новый международный порядок и предотвратить начало новой полномасштабной войны.

Лига Наций политически не обладала ни самостоятельностью, ни эффективностью, т.к. зависела от поддержки ведущих держав, которые так и не смогли консолидироваться и выступить совместно в роли гаранта глобального послевоенного мироустройства и европейского порядка, чем и воспользовались США, которые с момента их образования последовательно проводили политику, направленную на достижение мирового лидерства и обеспечение ведущей роли в системе международных отношений путем использования слабых мест ключевых акторов международных отношений и ослабления их через втягивание в долгосрочную геополитическую борьбу, основанную на исторических противоречиях, которые не были к этому периоду разрешены.

Если внимательно изучить Устав Лиги Наций, то можно увидеть "лазейки", заложенные в формулировках, которые позволяли решать внутривнутриполитические задачи, не нарушая напрямую установленные правила. Например, статья 19 предусматривала возможность пересмотра действовавших договоров, если они входили в противоречие с новыми международными реальностями и могли стать угрозой всеобщему миру. А в статье 11 утверждалось, что в случае возникновения войны или ее угрозы Лига Наций

должна была прибегнуть к любым средствам, способным обеспечить мир [10, 15]. Однако у самой Лиги Наций не было таких средств.

Идея создания Лиги Наций была использована США для укрепления своего влияния в Европе. Сами они в нее так и не вошли, сохранив нейтралитет и свободу в выборе методов воздействия. Например, США помогли восстановлению Германии благодаря плану Дауэса, позволив ей избавиться от зависимости Англии и Франции и способствовав ее укреплению и, как следствие, подрыву континентального равновесия путем недопущения закрепления франко-британского доминирования в Европе. Параллельно с этим сами Англия и Франция также способствовали укреплению Германии в надежде столкнуть ее с СССР с целью повторить "Второй Версаль", поэтому они и не были заинтересованы в развитии Лиги Наций, эффективность которой напрямую зависела от готовности великих держав соблюдать изложенные в ее уставе принципы: принцип пацифизма, принцип территориальной целостности стран – членов Лиги Наций, принцип коллективной безопасности и т.д.

Однако соблюсти все эти принципы было не так-то и просто. Отношения между ведущими европейскими акторами в этот период были сложные, что было обусловлено как столкновением государственных интересов, так и идейно-политическими разногласиями. Объединяла великие европейские державы только одна цель – сохранить и закрепить свой статус в новой системе международных отношений. Но в то же время эта же цель создавала и предпосылки для их нового столкновения.

США в этот период оставались единственной страной, не втянутой в межгосударственные конфликты, которая переживала экономический подъем и была заинтересована в рынках сбыта. Но они использовали новую стратегию поведения, способствующую решению этого вопроса. Их в отличие

от европейских стран, не интересовали сами территории, поэтому они спокойно относились к проблеме суверенитета и праву наций на самоопределение, сделав ставку на экономические инструменты влияния.

Основу политики США составляет экономическая зависимость, которая способствует более быстрому и эффективному увеличению политического влияния. Поэтому им выгодно было расширение сфер сотрудничества в области образования, здравоохранения, торговли, коммуникации и других наиболее важных областях, что в дальнейшем позволило им через использование политики "мягкой силы" распространить свое влияние по всем регионам мира, что несмотря на охватывающие кризисы, давшей США возможность сохранить политическое влияние в отличие от европейских держав, сделавших ставку на геополитические и военно-стратегические цели.

Таким образом, создать прочный порядок на европейском континенте так и не удалось, напряженность нарастала прямо пропорционально росту недовольства послевоенным урегулированием стран, чьи интересы не были учтены (побежденные и вновь образованные). Стремление к сохранению своего места в ядре системы международных отношений, геополитического и военно-стратегического доминирования отдельных акторов, делали эту модель уязвимой. Таким образом, политические причины в совокупности с экономическим расколом, которые не позволили в полном объеме реализовать принцип коллегиальности, привели к краху Версальско-Вашингтонской системы и началу Второй мировой войны.

Принципы взаимодействия ведущих акторов Ялтинско- Потсдамской модели международных отношений

Ялтинско-Потсдамская модель международных отношений сложилась после окончания Второй мировой войны и была основана на новом соотношении сил – ослаблении позиций Франции и Англии (лишь номиналь-

но считающимися великими державами в силу традиции) и усилении международных позиций США и СССР, приведшего к формированию двух идеологических блоков, борющихся за мировую гегемонию через экономическое влияние, избегая прямых военных столкновений двух систем – капиталистической (США) и социалистической (СССР). Усиливаются позиции и Китая, который постепенно стремится занять свое "особое" место в новой системе международных отношений, которая утверждается уже как общемировая и глобальная.

В отличие от предыдущих моделей эта модель не имела четко выраженных принципов, на которых было основано межгосударственное взаимодействие, скорее выстроилась иерархическая система, верхушка которой, сохранив свой статус после Второй Мировой войны, основывалась на принципе разделения влияния и создании универсальной организации по содействию мира для защиты своих интересов и обеспечения возможности для формирования такого миропорядка, который им бы соответствовал.

Основным из центральных элементов данной модели в связи с этим становится Организация Объединенных Наций (ООН), созданная по инициативе СССР для обеспечения международной безопасности и сохранения мира, пришедшая на смену Лиге Наций. Ее учредителями была 51 страна-участница, 5 из которых – СССР, США, Великобритания, Франция и Китай, стали постоянными членами Совета Безопасности, обладающими "правом вето", являющимся одним из важных элементов системы сдержек и противовесов.

Хотя ООН, так же, как и Лига Наций, не обладает полной самостоятельностью и эффективностью, она все же имеет больше возможностей для недопущения третьей мировой войны, например, помимо Совета Безопасности и "права вето", она может использовать, имеющиеся у нее миротворческие силы. Однако в то же время обе органи-

зации – политически зависимы, поэтому цели и задачи, поставленные их основателями, так и не были в полной мере реализованы на практике.

В этом контексте особый интерес с политической точки зрения представляет роль ведущих мировых держав и сверхдержав – постоянных членов Совета Безопасности в деятельности ООН. Конкуренция и стремление к доминированию среди них прослеживаются и здесь, и только наличие "права вето" позволяет заблокировать решения, которые носят неконструктивный, конфронтационный и политически мотивированный характер [11, с. 130]. Данное право является важным защитным механизмом национальных интересов отдельных государств.

Полного единства между ведущими субъектами международных отношений в период существования Ялтинско-Потсдамской системы не было практически никогда. Сразу же после победы во Второй Мировой войне страны, выступающие союзниками, превратились в противников, которые находили точки соприкосновения только по вопросам, которые были связаны с реализацией их собственных национальных интересов или если что-то угрожало их безопасности. Это и обусловило согласие их на начальном этапе с целью принятия необходимых мер для искоренения истоков нацизма и милитаризма в немецком обществе.

Конфликт интересов среди великих держав, играющих главную роль на международной арене, часто разрешался только благодаря действию принципа разделения сфер влияния и принципа компромисса, основанного на "силе оружия" и инструментах, обеспечивающих такое политическое воздействие, чтобы к их мнению не просто прислушивались, но и действовали в соответствии с теми правилами, которые ими были установлены.

Однако характер соглашений, которые были заключены между акторами, как правило, носил декларативный характер, а острота противоречий между ними не позво-

ляла в полной мере реализовать их. Хотя Уинстон Черчилль и говорил, что "судьбы мира должны быть сосредоточены в руках сильных стран, которые полностью удовлетворены и не имеют никакого желания взять себе что-то еще" [12, 4], имея в виду СССР, США и Великобританию, но на практике оказалось, что политические амбиции не имеют пределов, поэтому борьба за политическое влияние продолжалась. Единство же их было обусловлено необходимостью окончательного разгрома противников и параллельно сосуществовало со стремлением не допустить усиления своих соперников в послевоенном мироустройстве.

Со временем разрыв во взаимоотношениях и коммуникациях между великими державами только усиливался, особенно между сверхдержавами США и СССР, что привело в последствии к формированию вокруг них военно-политических блоков НАТО и ОВД, чьи отношения можно охарактеризовать как соперничающие, антагонистические и, как следствие, бескомпромиссные при урегулировании разногласий и конфликтов, возникающих в борьбе за зоны политического влияния, разделенного между двумя блоками мира. Они имели разные стратегии поведения и инструменты для достижения желаемого.

Изначально США и поддерживающая их Западная Европа в 60-70-е гг. XX века сделали ставку на построение "государства благоденствия" с целью сохранения и укрепления своей системы, не желая внутренних социально-политических потрясений, тогда как Советский Союз занимался внешней политикой и распространением своего влияния за счет оказания безвозмездной материальной помощи разным странам мира с целью расширения своего социалистического лагеря. Достижение высокого уровня жизни внутри США и стран Западной Европы позволили им выйти на новый уровень экономического развития за счет поддержки транснациональных корпораций и расширения их роли, что постепенно способ-

ствовало снижению значимости национальных государств в мировой экономике, в том числе и СССР. В результате сложилось так, что социалистическая идеология, не подпитанная материально, привела к общественно-политическим изменениям в странах социализма, а стратегия США и Западной Европы оказалась более выгодной в долгосрочной перспективе.

Распад СССР же способствовал, с одной стороны, становлению однополярного мира под руководством США, которая стала единственной сверхдержавой, получившей возможность навязывать свое видение дальнейшего развития системы международных отношений и решать отдельные международные проблемы не просто по собственному усмотрению, не советуясь ни с кем, но и в своих национальных интересах, не считаясь с интересами других, в том числе и европейских государств, заложив основу для своего влияния на их решения на много лет вперед через использование мягкой и жесткой формы воздействия на них. Для закрепления своего глобального статуса США также стремились "по возможности усугублять разрыв между собой и остальными государствами" [13, 4], т.е. ослаблять их.

С другой стороны, после распада биполярной системы начинается очередной виток поиска новой структуры межгосударственных отношений. Казалось бы, на первый взгляд, этот виток не связан с международными вооруженными конфликтами или войнами, однако важно не забывать, что ему предшествовала Холодная война между США и СССР, поэтому исчезновение одного из субъектов противостояния означало необходимость пересмотра тех правил, по которым взаимодействовали до сих пор.

В связи с тем, что мир стал однополярным, новая модель взаимоотношений не сложилась, т.к. не с кем было договариваться, поэтому доминирование США было направлено на поддержание тех принципов международных отношений, которые соответствовали их оппортунистическому

поведению и действовали до тех пор, пока им не был брошен вызов со стороны быстроразвивающихся государств, стремящихся создать многополярный мир, что вновь спровоцировало конфликт интересов, последствия которого мы наблюдаем сейчас. Следовательно, уже закономерностью становится то, что смена принципов взаимодействия между ведущими акторами происходит в следствии стремления разрешить конфликт интересов и занять свое место на международной арене таким образом, чтобы стать актором, а не объектом влияния, и создать такие взаимосвязи, чтобы глобальные конфликты за передел мира были невыгодны ни одной стороне, однако эта идея утопична.

Интересную мысль в этом контексте высказал С.В. Юрченко о том, что "время существования той или иной модели мирового порядка ограничено двумя поколениями государственных деятелей, пока живы творцы системы и их последователи, она существует. С их уходом усиливается тенденция к пересмотру основ международной системы" [12, 4], которая, как правило, обусловлена сохранением конфликта интересов. Следовательно, соперничество и борьба за политическое влияние, власть и безопасность действующих акторов системы международных отношений была, есть и будет, потому что этому способствует сама среда. Однако те государства, которые будут стремиться занять лидерские позиции, должны не только выработать новые принципы межгосударственного взаимодействия с учетом интересов всех субъектов международных отношений, включая тех, кто находится политически на периферии, но и осознавать всю ответственность за мировое развитие, которая ляжет на их плечи тяжким бременем.

**"ВРЕМЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ
ТОЙ ИЛИ ИНОЙ МОДЕЛИ
МИРОВОГО ПОРЯДКА
ОГРАНИЧЕНО ДВУМЯ
ПОКОЛЕНИЯМИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ, ПОКА ЖИВЫ
ТВОРЦЫ СИСТЕМЫ
И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ,
ОНА СУЩЕСТВУЕТ"**

На протяжении всех периодов трансформации основные субъекты международных отношений сталкиваются с "дилеммой безопасности", когда государства следуют принципу "самозащиты", вооружаясь и усиливая свой потенциал в противовес другим государствам. Однако это приводило и приводит к тому, что все субъекты международных отношений оказываются менее защищенными, т.к. повышается уровень потенциальной угрозы для всех [14, 2]. Это

становится возможным в ситуации, когда происходит ослабление единой верховной международной власти, придерживающейся единых правил и формирование разных центров влияния, стремящихся подогнать эти правила под реализацию своих собственных интересов.

На протяжении всех моделей мы наблюдаем, что союзнические отношения на равных возможны только в военной области перед лицом общей угрозы или если есть заинтересованность и потребность в их наличии, реализовать которые таким образом выгоднее, т.к. издержки будут значительно меньше. В связи с этим, очевидно, что в условиях конфликта интересов складывающиеся правила имели и имеют только временное урегулирование, поэтому и каждая последующая система взаимодействия была и остается недолговечной, и каждый раз, возобновляясь вновь, противостояние в условиях вынужденного взаимодействия антагонистически настроенных столетиями друг против друга держав, государств, блоков, коалиций и т.д. ведет ко все более разрушительным последствиям.

Анархия, которая проявляется и становится очевидной невооруженному глазу в период трансформации, активизирует синергетический эффект, способствующий самоорганизации международной системы,

который проявляется на всех этапах трансформации международных отношений, начиная с 1648 года и до наших дней. Несмотря на возникшую тенденцию к деглобализации, запрос на региональную интеграцию в ближайшее время сохранится так же, как сохранятся и конфликты, потому что разрешить политические противоречия можно только на верхних уровнях системы международных отношений, а именно на уровне сверхдержав при поддержке великих держав, что пока не представляется возможным в силу их противостояния и нерешенности ряда исторических противоречий в борьбе за политическое влияние и реализацию собственных национальных интересов.

Важным в настоящее время является то, что необходимо досконально изучать основы развития системы международных отношений, которые могут помочь не допустить достижения крайних фаз эскалации конфликтов и превращения их в третью мировую войну, т.к. стратегии поведения в конфликте и политике у большинства игроков глобальной политики со временем не изменяются, а без знания прошлого, нет будущего.

Примечания:

1. Юрина Н.С. Неоинституциональный подход в политических исследованиях: теоретические предпосылки формирования / Н.С. Юрина // Вестник Московского университета. Серия 7. Филология. – 2016. – № 5. – С. 60-69.
2. Саямов Ю.Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня / Ю.Н. Саямов // Век глобализации. – 2018. – № 3. – С. 95-105.
3. Всемирная история: в 24 т. Т.12 Начало колониальных империй. – Мн.: Современ. литератор, 1999. – 592 с.

4. Зонина Т.В. Вестфальская система / Т.В. Зонина // Вестник МГИМО-Университета. – 2008. – № 1. – С. 78-80.
5. Всемирная история: в 24 т. Т. 16. Европа под влиянием Франции / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. – Минск : Современ. литератор, 1999. – 560 с.
6. Цвицинская Н. Эволюция института признания государства в международном праве / Н. Цвицинская // История и современность. – 2014. – № 2. – С. 147-161.
7. Всемирная история: в 24 т. Т. 17 Национально-освободительные войны XIX века / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. – Минск : Хорвест, 2000. – 560 с.
8. Ряполов В.В. "Колониальный вопрос" в Германии (1870-1880-е годы): в поисках национально-государственной идентичности // История: факты и символы. – 2016. – № 2. – С. 78-86.
9. Ходнев А.С. Лига Наций в международных отношениях 1919-1939 гг.: проблемы соотношения политической и гуманитарной деятельности / А.С. Ходнев // Ярославский педагогический вестник. – 1996. – № 2. – С. 28-33.
10. История Международных отношений. Т. II : Межвоенный период и Вторая мировая война / А.Ю. Борисов, Н.Е. Клейменова, М.М. Наринский, А.Ю. Сидоров. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 496 с.
11. Литвинов С.С., Крумина А.Д. Право вето в Совете Безопасности ООН: проблемы и пути их решения / С.С. Литвинов, А.Д. Крумина // Вестник науки. – 2019. – № 2. – С.129-132.
12. Юрченко С.В. Ялтинские принципы организации системы международных отношений как важнейший итог Второй мировой войны // Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (29). – С. 1-6
13. Крайнов Г.Н. Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе / Г.Н. Крайнов // Ученые записки Худжандского государственного университета им. Академика Б. Гафурова // гуманитарные науки. – 2015. – №1 (42). – С. 1-8.
14. Дробот Г.А. Системный подход к анализу мировой политики / Г.А. Дробот // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 1. – С. 1-21.

FORMATION OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF LINEAR AND NONLINEAR CONCEPTS: FROM ANTIQUITY TO MODERN TIME

Khudyakov Andrei Valerievich, PhD of Political sciences, chief specialist, Scientific and Practical Center for the Problems of strengthening law and order of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

The purpose of the study is to study the process of forming the theoretical and methodological foundations of key concepts describing processes in the political sphere. **The scientific novelty** of the research lies in the formation of ideas about their main stages of development and content. **The result** is the definition and characterization of the main stages in the formation of theoretical and methodological foundations of key linear and nonlinear concepts in the political sphere, their content.

Keywords: cyclic concept; linear concept; cyclic-wave concept.

EDN: FDFLRN; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.3

Цитировать: Худяков А.В. Формирование теоретико-методологических основ линейных и нелинейных концепций: от античности до новейшего времени // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 28-35. EDN: FDFLRN. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.3

УДК 323:316.4.051.2

БАК 5.5.1

© Худяков А.В., 2023

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ЛИНЕЙНЫХ И НЕЛИНЕЙНЫХ КОНЦЕПЦИЙ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Цель исследования заключается в исследовании процесса формирования теоретико-методологических основ ключевых концепций, описывающих процессы в политической сфере. **Научная новизна** заключается в формировании представлений об их основных этапах развития и содержании. **Результатом** является определение и характеристика основных этапов в формировании теоретико-методологических основ ключевых линейных и нелинейных концепций в политической сфере, их содержание.

Ключевые слова: циклическая концепция; линейная концепция; циклически-волновая концепция.

Чередование и повторение разного рода состояний и событий, которые происходят в природе или обществе, всегда представляло для мыслителей интерес, поскольку являлись одной из основ для прогнозирования. Вместе с тем в настоящее время не сложилось целостного представления об основных этапах формирования теоретико-методологических основ ключевых линейных и нелинейных концепций, описывающих процессы в политической сфере, их содержании.

Устранение указанного пробела предполагает анализ содержания линейных и нелинейных концепций. Методология исследования включает применение сравнительно-исторического и системного анализа.

В Древней Греции формирование циклической парадигмы происходило в русле природных и космологических представлений о "вечном круговороте" (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен) и воплотилось в модели "круг генезиса и трагического упадка" (Эмпидокл). Трактаты Аристотеля, Платона и Полибия послужили основой методологии изучения процессов в обществе.

ХУДЯКОВ Андрей Валерьевич, кандидат политических наук, главный специалист, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

Творчество Гесиода заложило основы линейной концепции "золотого века". Вместе с тем линейные модели в Древней Греции широкого распространения не получили и были представлены немногочисленными вариациями модели Гераклита.

В Древнем Риме формирование парадигм происходило в контексте представлений о природных явлениях и процессах, происходящих в обществе.

Первые лежали в основе как простейших моделей, определяемые влиянием божественного начала и космоса на все живое (Овидий, Плотин, Порфирий, Эпиктет), так и сложных, основу которых составляли физиологические характеристики живых организмов – "теория возрастов" (Флор, Цицерон).

Вторые, обусловленные процессами в обществе, были положены в основу теории "смены поколений" (Гораций, Цензорин), а также получили дальнейшее развитие в рамках концепции "золотого времени" (Лукреций, Саллюстий). Для периодизации применялось сравнение не только с металлами и минералами, но и представителями римского пантеона богов (Вергилий) и видами человеческой деятельности (Варрон).

В Средние века под влиянием библейской традиции сформировалась линейная модель Августина Блаженного, заложившая основы новой методологии оценки событий в обществе. Циклические концепции были представлены тремя основными концепциями: последовательное перерождение миров и души (И. Дамаскин, Г. Нисский); использование элементов астрологии и теории чисел пифагорейцев для объяснения и прогнозирования событий (Бозций, Кирик Новгородец); сопоставление Ветхого и Нового Завета в поиске параллельных мест (Ориген). Линейная концепция Й. Флорского ознаменовала собой новый подход, позволивший отойти от эсхатологического восприятия будущего. Влияние его триадной (стадиальной) модели прослеживается в трудах многих ученых из более поздних эпох.

Арабо-исламские мыслители, критически переосмыслив античное наследие, выдвинули новые, оригинальные концепции, сообразные потребностям современности. У аль-Мубашшира встречается одно из первых описаний содержания циклических фаз, связанных с развитием государства. Если у мыслителя изменения были обусловлены падением нравов, то Ибн Халдун и аль-Маварди добавили к ним цивилизационный и экономический фактор. В концепции Града, являющейся ответом на стремительно растущую городскую цивилизацию, Ибн Рушд так же затронул тему "золотого века".

Многочисленные описания цикличности в природе встречаются у средневековых белорусских мыслителей – Ефросиньи Полоцкой и Кирилла Туровского. Они обосновывали события в природе и социуме сезонными природно-космическими колебаниями циклического характера.

В эпоху Возрождения важное место в понимании циклических процессов заняли астрономические открытия. Переработав космологические учения античных мыслителей, в первую очередь пифагорейцев, Парацельс создал концепцию о взаимосвязи биологических и космических циклов. В работах Н. Макиавелли также прослеживаются циклические мотивы. Они затрагивают развитие государства, основанное на чередовании хаоса и порядка в обществе, а также круговорот форм государственного устройства.

Т. Кампанелла первым применил циклический метод для анализа религиозных процессов. Разомкнутые циклы у него отдаленно напоминают спиралевидные, что можно расценивать как своеобразный компромисс мыслителя между линейной концепцией развития (влияние церкви) и циклической.

Ж. Боден критически подошел к анализу мифа о "золотом веке" и исходил из того, что современный ему мир в общественном развитии и этическом плане превосходит прошлое. Мыслитель не просто изменил представление о "золотом веке", он изменил

его вектор: из прошлого в будущее. Схожие взгляды прослеживаются и у Ф. Бэкона, ставившего свершения своих современников выше доблести древних. Вместе с тем, он не распространил свой подход на циклические процессы в обществе.

Большие географические открытия обусловили не только к возвращению к линейной концепции Варрона, основанной на видах человеческой деятельности, но и заложили основы для новой периодизации в развитии общества: дикость, варварства и цивилизации.

Свобода мысли, важность просвещения, толерантности и интеллектуального плюрализма, были подняты такими белорусскими мыслителями эпо-

хи Возрождения, как С. Будный, А. Волан, Ф. Иевлевич, М. Литвин, А. Олизаровский, Ф. Скорина.

Они в разной степени использовали элементы линейных и нелинейных моделей, характерные для различных эпох. Так, были затронуты такие темы, как всемирный потоп с истоками в архаичной мифологии, "золотой век", "смена поколений", символика цифр, астрология. Встречаются у мыслителей элементы и новых нелинейных моделей, присущих для более поздних эпох: электоральный цикл и предвыборная кампания.

В эпоху Просвещения линейный подход получил новое развитие, что было обусловлено быстрым развитием науки и верой в прогресс. Суждения о линейном развитии общества доминировали в теории прогрессивного стадийного развития. Представителем ее идеалистической трактовки являлся О. Конт, а материалистической – Ж. Кондорсе, Л. Морган, А. Сен-Симон, Ж. Тюрго, А. Фергюсон. Линеарная модель, состоя-

щая из трех (четырех) фаз, открыла возможности для социального планирования.

Другой подход опирался на необходимость соотнесения развития общества и социальных изменений, происходящих в нем.

В его основе лежала циклическая концепция, заимствованная из античных и средневековых традиций. Представителями этого направления были Дж. Вико, Гельвеций, Ф. Кенэ, Т. Мальтус, Ж. Местр, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, Ф. Шатобриан.

Ф. Кенэ и Т. Мальтус заложили основы изучения циклических процессов в экономике. Ж.-Ж. Руссо предложил циклическую трехфазную регрессивную модель развития общества, допускавшую возвращение

к изначальному состоянию – "золотому веку". В качестве движущей силы перехода между этапами развития он рассматривал социальный конфликт. В рамках своей циклической концепции Дж. Вико показал в развитии нации три этапа, для которых характерны свои нравы, разновидности языка и способы государственного правления. Мыслитель не просто ввел метод сравнительных исследований, но и впервые осмыслил его как методологический принцип исследования. Гельвеций обратился к теме развития современного ему общества, используя положения теории возрастов, Ш. Монтескье – циркуляции форм правления, используя компаративный метод.

Труды ряда философов имели и практическую ценность: Ж. Местра – взаимосвязь повторяющихся событий с изменениями в политических институтах и социальной психологией [1]; Ф. Шатобриана – ретроспективный анализ больших циклов во французской революции [2]. При описании движущих сил развития общества философы Просвещения,

Ж.-Ж. РУССО ПРЕДЛОЖИЛ
ЦИКЛИЧЕСКУЮ
ТРЕХФАЗНУЮ
РЕГРЕССИВНУЮ МОДЕЛЬ
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА,
ДОПУСКАВШУЮ
ВОЗВРАЩЕНИЕ К
ИЗНАЧАЛЬНОМУ
СОСТОЯНИЮ –
"ЗОЛОТОМУ ВЕКУ". В
КАЧЕСТВЕ ДВИЖУЩЕЙ
СИЛЫ ПЕРЕХОДА МЕЖДУ
ЭТАПАМИ РАЗВИТИЯ
ОН РАССМАТРИВАЛ
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ.

как правило, ограничивались упоминаниями о случайностях и стечении обстоятельств.

С проникновением на белорусские земли либеральной идеологии увеличилось число сторонников идеи реформирования общества, возрос интерес к идеям Ж. Тюрго и Ж. Бодена. Белорусские мыслители стремились не только теоретически обосновать возможность построения идеального общества, но и предприняли попытки реализовать свой замысел на практике – К. Калиновский. Яркий след в отечественной философско-политической мысли оставили А. Мицкевич, Ф. Бохвиц, К. Нарбут.

В Новое время интерес к прогрессу оставался доминирующим. Вместе с тем у немецких философов по-прежнему можно было встретить отголоски античного мифа "золотом веке". И. Фитхе в отличие от предшественников рассмотрел развитие государства в рамках функционального подхода, как средство достижения более совершенной формы "золотого века".

У некоторых мыслителей прослеживалась конкуренция идей прогресса и религии. Так, в осмыслении мироздания, в том числе роли и места в нем божественного, И. Кант рассмотрел цикличность как естественный элемент этого процесса. Вместе с тем развитие общества философ рассматривал как линейный, стадийный процесс, с восходящим развитием.

Ф. Шеллинг в линейной концепции развития общества попытался воедино связать две модели: "золотого века" и трехступенчатой И. Флорского. Если средневековый богослов развитие связывал со Святым Духом, то немецкий философ – с Богом.

Используя диалектический метод, Г. Гегель рассмотрел исторический процесс в рамках единой системы. Для его концепции характерны следующие ключевые аспекты: линейность развития общества; источник развития общества кроется во внутренних противоречиях; значимая роль божественного начала; невозможность прогнозирова-

ния развития. В учении об отрицании отрицания Г. Гегель раскрыл обобщенную структур цикла, его философскую модель.

В Новое время были разработаны и другие подходы к объяснению процессов в обществе. И. Гердер рассмотрел развитие истории с точки зрения "биологической" концепции. В своей многофакторной модели он попытался совместить циклическую концепцию с глобально-стадийным подходом. В рамках разработанной эволюционной теории, Г. Спенсер рассмотрел развитие государства как волнообразный процесс, обусловленный динамикой нарушения и восстановления и социального равновесия.

Логику необратимого и линейного прогресса восприняли представители марксистской концепции: Ф. Энгельс, В. Ленин, Л. Украинка, Э. Дембовский. В книге "Капитал" К. Маркс подошел к анализу циклических процессов в экономике на двух разных уровнях: логическом и историческом [3, с. 52]. Усилиями К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина свое дальнейшее развитие получила спиральная концепция Г. Гегеля. Российский философ выдвинул и обосновал положение о спиральевидности как форме циклического процесса.

В Новейшее время в советской науке линейная концепция, в целом, не являлась предметом отдельного изучения, что обуславливалось господством теории общественно-экономической формации. Линейные модели развития общества, которые разрабатывали западные ученые, рассматривались как не отвечающие содержанию марксистского учения. Они подвергались критике как со стороны советских ученых, так и из социалистических стран (Н. Ирибаджак, В. Мишин, М. Нарта, Г. Розе, Ю. Семенов, Г.Х. Шахназаров). Критический подход был характерен и для белорусских ученых (В.И. Бовш, С.Я. Вольфсон, М.А. Директоренко, И.А. Степанов).

В контексте исследования наследия белорусской философской и социальной мысли отдельные аспекты линейной концепции

затронули А.А. Бирало, Г.П. Давидюк, Э.К. Дорошевич, Н.Н. Мохнач, М.Ф. Лозовская, И.Н. Лущицкий, С.Ф. Сокол, С.А. Подокшин, В.М. Пузиков.

Тема линейного прогресса и регресса нашла отражение в диссертационных исследованиях советских и российских ученых, затронувших теоретико-методологические основы (А.Н. Федин [4]), критически оценивших потенциал существовавших моделей (К.А. Кавеев [5], В.В. Коньков [6], Я. Рось [7], А.Ф. Сивак [8]), рассмотревших отдельные аспекты (О.С. Аржанов [9], М.А. Котляров [10], Н.В. Кривовяз [11]).

Изучение линейного прогресса проходило не только в рамках марксистской концепции, но и гуманистической (Г. Маркузе, Э. Фромм), технократической (Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, К. Поланьи) и постиндустриальной (Д. Белл, В. Иноземцев, У. Росту).

Тема деления в развитии общества на "до" и "после" знакового события, поднятая в трудах средневековых теологов, свое дальнейшее развитие получила в линейной концепции "осевого времени" К. Ясперса и "волновой" теории Э. Тоффлера. В каждой из них описана точка дискретности, знаменующая собой переход к новому этапу.

Волновая теория как "волны демократизации" получила свое развитие у С. Хантингтона. Отдельные аспекты учения Э. Тоффлера и С. Хантингтона были рассмотрены советскими, а позже и российскими учеными: Н.А. Игнатовым, А.Н. Никитченко, Н.С. Товмасыном и другими.

В XX в. в рамках дифференциации науки появились новые отрасли, в рамках которых исследователи стремились объяснить циклические процессы, а также применить разработанную методологию для изучения нелинейных процессов в жизни общества.

Важный вклад в понимание циклических процессов внес П. Сорокин. Значительную часть книги "Социальная и культурная динамика" он посвятил рассуждениям о типах циклических, линейных и смешанных концепций социальных, культурных, космических, биологических процессов [12].

В острой конкуренции с линейным подходом циклизм претерпел трансформацию. Через призму "биологической концепции" были рассмотрены процессы в обществе. На ее основе сформировалась концепция "локальных цивилизаций" (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Дж. Даймонд) и "пассионарного толчка" (Л.Н. Гумилев).

В советской научной литературе слово "цикл" широко использовалось только для обозначения завершенной формы движения отрицаний. Под влиянием негативного отношения к "реакционным буржуазным" теориям цикличности долгое время общественными науками в оборот не вводилось, а содержание ее не исследовалось. Одним из первых соотношения понятия цикличность и закона отрицание отрицания начал исследовать С.Т. Мелюхин [13]. В 1980-х годах в СССР сложились необходимые предпосылки для создания концепции цикличности. Однако они не завершились созданием самой теории, что отрицательно сказалось на обобщении конкретно-научного материала, фиксирующего циклические процессы в жизни общества.

В рамках исследования нелинейной динамики процессов, происходящих в политической сфере, западными учеными активно применялся инструментарий гуманитарных и естественных наук. При анализе факторов, влияющих на формирование международной мощи государств, конфигурацию отношений между мировыми державами, специалисты использовали достижения исторических, географических, экономических и военных наук.

Результаты исследований нашли воплощение в циклических концепциях таких авторов, как К. Органски – "перехода власти", Ч. Доран – "цикл силы", Дж. Модельски – "длинного цикла", Дж. Гольдстейна – "гегемонистские циклы", Р. Галпина – "гегемонистской стабильности", "цикл Ф. Клингберга", П. Тейлор – "геоэкономический" и других авторов.

Новое наполнение "теория поколений" получила стараниями К. Манхейма, Х. Ор-

тега-и-Гассета, А. Шлезингер, рассмотревших смену поколений как детерминанту политических процессов; П. Самуэльсона – создавшего модель пересекающихся поколений для анализа динамики сложных систем в условиях неопределенности; У. Штрауса и Н. Хоу – установивших четыре циклически повторяющихся типа поколений. Отдельные аспекты теории затронули Е.К. Егоров, В.Д. Дамбаева, С.М. Каланова, А.М. Оникий, другие.

Формирование целостной теории циркуляции элит было положено такими учеными, как Р. Миллсем, Р. Михельсем, Г. Моска, В. Парето, Й. Шупетером. Отдельные ее аспекты получили дальнейшее развитие стараниями как зарубежных специалистов (В. Домхоф, Р. Путнам, Ж.Т. Тощенко, Г. Эндрувайт), так и белорусских (И.А. Кузнецова и Т.С. Решетникова).

Общие подходы к изучению цикличности электорального поведения на выборах различного уровня рассмотрены Я. Г. Ашихминой, Ч. Джеффри, М. Фрейтагом. В ряде трудов затронуты отдельные аспекты данной темы: изменения политических предпочтений избирателей (А. Гельман); поддержка президентской партий до и после выборов (А. Кемпбел, В. Кей); связь характера избирательной системы и содержание электорального цикла (Р. Таагепера).

Итогом ряда исследований явилось создание прикладных моделей: циклически сменяющиеся четыре типа президентов США (С. Сковронек); циклический характер изменений в обществе ценностей (Дж. Наменвирс); изменения в электоральной риторике в ходе избирательных кампаний по выборам президентов США (Дж. Барбер).

Зависимость реализации правящей партии внутриэкономического курса и поддержки избирателей легла в основу теории "политического бизнес-цикла" М. Калецко-го и В. Нордхауса. Дальнейшее развитие данная тема получила у Т. Брауна, Г. Табилини, К. В. Трemasова, В. Томсона, других.

Взаимосвязь политических и экономических циклов в рамках механизма социальной эволюции затронул Т. Парсонс. Важное место в развитии общества он отвел процессу взаимного обмена между политической и экономической подсистемами, как основы системы мобилизации ресурсов, необходимых для дальнейшего развития общества.

Тема развитие общества как совокупность различных по уровню развития локальных систем получила развитие у представителей мир-системного подхода (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Дж. Гольдстайн, А. Франк).

Принцип цикличности лежит в основе ряда концепций, описывающих процессы в политической сфере: функционирование политической системы – Д. Истон, К. Дойч, Н.А. Антанович; принятие политического решения – Дж. Дьюи, Г. Саймоном, Г. Лассуэл, А.А. Дегтярев, Д.В. Сосунов, С.В. Решетников; политический анализ – У. Данн, Ю.Г. Кальниш, Л. Пал.

Ритмы и циклы в развитии общества, факторы их детерминирующие, рассмотрены Ф.А. Айзатовым, А.В. Верле, Г.А. Карцевой, Г.Ю. Ситнянским, Н.С. Розовым, К.Е. Рыбаком, А.В. Шубиным и другими авторами.

Теоретические конструкции, применяемые в исследованиях нелинейных процессов в политической сфере, проанализированы В.В. Васильковой, А.В. Мазиным, В.Л. Миллером, применение цикличности для оценки характера изменений в менталитете нации – М.В. Сапроновым и В.В. Малявиной, влияние внешних факторов на динамику развития страны – Ю.Н. Мельниковым, В.Б. Пастуховым, К.Г. Холодовским, В.Л. Цым-бурским.

В исследованиях детерминант, определяющих цикличность политических процессов, российскими специалистами проанализированы географические, демографические и религиозные факторы, рассмотрена динамика космической активности, жизненный цикл человека и многие другие факторы (Г.А. Аванесов, Н.С. Анисимов, А.В. Алехин,

И.П. Гетманов, Т.С. Горина, К.В. Кантор, С.А. Нефедов, Ю.Ю. Сенелина, Б.А. Филиппов, В.И. Якунин и другие).

Отдельные аспекты линейных и нелинейных концепций разработаны белорусскими учеными: Е.М. Бабосовым, В.В. Бущиком, С.Н. Князевым, В.А. Мельником, И.С. Симановским, В.В. Шимовым, В.И. Чушовым.

В отдельное направление необходимо выделить исследования, которые связаны с экономическими циклами. Среди основоположников теории этих нелинейных процессов Н.Д. Кондратьев, С. Кузнец, В. Митчел, М.И. Туган-Барановский, Е. Хансен, Й. Шумпетер. Современные тенденции в изучении нашли отражение у зарубежных (А.А. Акаев, А.С. Гальчинский, С.М. Меншиков) и белорусских ученых (И.М. Абрамов, Л.П. Зенькова, К.В. Рудой).

Дальнейшее развитие циклические, линейные и спиралевидные подходы получили в циклически-волновой концепции. Российские ученые В.И. Пантин и В.В. Лапкин, систематизировав материал, затрагивающий наиболее важные политические, экономические, социальные процессы, конфликты и кризисы, предложили целостную модель, объясняющую эволюцию международной политической системы.

Вопросы разработки и практического применения циклически-волнового подхода рассмотрены В.В. Виноградовой, О.В. Герасимовой, В.К. Карнаухом, Ю.Н. Соколовым, Е.Н. Струк, А.Т. Тертышным, Ю.В. Яковцом и другими. Имплементация подхода в различных научных сферах обусловила институциональное оформление этой методологии в отдельное направление.

Анализ системных кризисов проведен Д. Арриги, И.Е. Бекешкиной, Е.Н. Бикейкиным, А.Н. Ватутиным, О.Г. Даниляном, Ю.Ж. Шайгородским. С позиции бифуркации политических систем А.В. Ванниковым, С.О. Вовк и Л.В. Мироновой рассмотрена гражданская война и революция. Результаты подобных исследований способствовали дальнейшему развитию теории кризиса,

использование которой представляется перспективным для объяснения динамики переходных состояний политической системы.

Одним из важных направлений дальнейшего развития концепций нелинейной динамики является их адаптация для практического применения. Сценарный подход для прогнозирования политических процессов использовали таких ученых, как А.С. Ахиезер, В.В. Ильин, Ю.В. Громыко, В.О. Корниенко, И.С. Семененко, А.А. Панарин, другие.

Проведенный анализ свидетельствует, что нелинейные и линейные концепции присутствуют во многих науках. Это объясняется стремлением исследователей понять типологически схожие этапы развития процессов, в том числе и политических, подвергнуть их сравнительному анализу. Мотивация современных апологетов линейных и нелинейных концепций развития соотносится с идеями, сформулированными еще в период античности.

Вместе с тем основу современных концепций образует качественно иная методологическая база. Для комплексного многоаспектного познания явлений в политической сфере используется широкий познавательный инструментарий. Особое внимание уделяется выявлению объективных факторов.

Применение нелинейных концепций позволяет выделить и исследовать специфические повторяемости, которые не всегда прослеживаются при формировании традиционных подходов. Вместе с тем при всей важности проблемы цикличности самой по себе, при широком использовании понятия "цикл", вплоть до последнего времени не было специальных работ, в которых в рамках политических наук исследовалась природа цикличности, содержание понятия "цикл", сферы его применения и способы методологического использования. Понятие цикл не было осознанно и вычленено как политологическая категория. С учетом того, что повторяющиеся события в политичес-

кой сфере образуют основу для прогнозирования, данный вопрос требует своего дальнейшего комплексного исследования.

Таким образом, проведенный анализ позволил определить и охарактеризовать основные этапы в формировании теоретико-методологических основ ключевых линейных и нелинейных концепций в политической сфере, их содержание, которое рассматривалось в рамках доминирующего мировоззрения эпохи.

Литература:

1. Местр Ж.М. Рассуждения о Франции / Ж.М. Местр. – М.: РОССПЭН, 1997, – 216 с.
2. Шатобриан Ф.Р. Замогильные записки / Ф.Р. Шатобриан. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 736 с.
3. Худяков А.В. Формирование теоретико-методологических основ циклических концепций в политической сфере: на примере трудов ученых Нового времени / А. В. Худяков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – № 4 (73). – С. 48-54.
4. Федин А.Н. Общее и особенное в теоретико-методологических основаниях исследования идеи социального прогресса и регресса : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / А.Н. Федин. – Саранск, 2014. – 196 с.
5. Кавеев К.А. Политические факторы социального прогресса социалистического общества : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.02 / К.А. Кавеев. – Ленинград, 1984. – 175 с.
6. Коньков В.В. Социальный прогресс : критерии, противоречия, парадигмы : дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / В.В. Коньков. – М., 2012. – 149 с.
7. Рось Я. Общественный прогресс: анализ и критика современных западных концепций : дис. ... канд. философ. наук: 09.00.02 / Я. Рось. – Ростов-на-Дону, 1984. – 148 с.
8. Сивак А.Ф. Политический прогресс: сущность и содержание : дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.01 / А. Ф. Сивак. – Ленинград, 1978. – 194 с.
9. Аржанов О.С. Единство исторического процесса и общественный прогресс : дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.01 / О.С. Аржанов. – Горький, 1976. – 205 с.
10. Котляров М.А. Социалистическая теория прогресса в России второй половины XIX – начала XX в. : историко-философский анализ : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.03 / М.А. Котляров. – Екатеринбург, 2011. – 139 с.
11. Кривовяз Н.В. Природа и потенциал синергетических эффектов управления в коммуникативном обществе // KANT. – 2020. – №3(36). – С. 133-138.
12. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. – СПб.: Астрель, 2006. – 1176 с.
13. Мелюхин С.Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии / С.Т. Милохин. – М.: Мысль, 1966. – 383 с.

A PRESENT-DAY "LONE WOLF" TERRORIST: A NEW HEROSTRATUS OR MIMICRY OF INTERNATIONAL TERRORISM?

Berladir Julia Vladimirovna, PhD of Jurisprudence, Associate Professor, Head of the Situation Analysis Group of the Department of Situational Analysis, Threat Monitoring and preparation of draft solutions at the Commonwealth of Independent States Anti-Terrorism Center, Moscow

Kharichkin Igor Konstantinovich, DSc of Philosophical sciences, Professor, Department of Political Science of Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow

The article analyzes such an actual theoretical and practical problem of the modern post-industrial society's social life as the presence of the need to develop measures to counteract such a form of terrorism as lone terrorism on a number of countries' political agenda. The aim of this article is to identify the phenomenon of a lone terrorist and its origins, as well as to outline the main ways to struggle against it. The work proposed a definition of the political phenomenon "lone terrorism" is proposed. Approaches to understanding the origins of lone terrorism are presented. Moreover, the author notes the difficulty of identifying the intentions of lone terrorists that is connected with weak demonstration or absence of an "information trace" in comparison with terrorist attacks prepared and carried out under the leadership of a terrorist organization. The article identifies various categories of lone terrorists. The author also notes the reasons for the radicalization of lone terrorists; for example, social marginalization, disappointment (in religion, society, family, etc.), and psychological frustration.

Keywords: terrorism; international terrorism; violence; man; lone terrorist; lone terrorism.

EDN: DWIEZO; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.4

Цитировать: Берладир Ю.В., Харичкин И.К. Террорист-одиночка сегодня: новый Герострат или мимикрия международного терроризма? // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 36-45. EDN: DWIEZO. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.4

36

УДК 327
БАК 5-5.4

ТЕРРОРИСТ-ОДИНОЧКА СЕГОДНЯ: НОВЫЙ ГЕРОСТРАТ ИЛИ МИМИКРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА?

© Берладир Ю.В., 2023
© Харичкин И.К., 2023

В статье рассматривается актуальная теоретическая и практическая проблема общественной жизни современного постиндустриального общества: присутствие в политической повестке деятельности ряда стран мира необходимости выработки мер по противодействию такой форме терроризма, как терроризм одиночек. **Цель исследования** – выявить феномен террориста-одиночки, его истоки, наметить основы борьбы с ним. В работе предложено определение политического феномена "терроризм одиночек", представлены подходы к пониманию истоков терроризма одиночек. Отмечена сложность выявления намерений терроризма одиночек, что связано со слабой выраженностью или отсутствием "информационного" следа в сравнении с терактами, подготовленными и совершаемыми под руководством террористической организации. Выявлены различные категории террористов-одиночек. Определены причины радикализации террористов-одиночек: социальная маргинализация, разочарованность (в религии, в социуме, в семье и т. д.), психологическая фрустрация.

Ключевые слова: терроризм; международный терроризм; насилие; человек; террорист-одиночка; терроризм одиночек.

Введение

Острая проблема современных международных отношений, затрагивающая огромное количество стран, международных организаций, – борьба с терроризмом. Определенные успехи в этой борьбе достигнуты мировым сообществом, которое, изучив формы организации террористов, их способы действий, нано-

сит по ним чувствительные удары. Однако и террористические организации в своих способах не стоят на месте, пытаются прибегнуть к новым методам действий либо реанимировать апробированные на практике старые формы. Одной из таких форм является терроризм одиночек. Именно поэтому терроризм одиночек привлекает к себе все большее внимание как со стороны ученых, изучающих проблему борьбы с терроризмом, так и работников правоохранительных органов, непосредственно осуществляющих противодействие данному политическому явлению.

В научной литературе, посвященной изучению проблемы борьбы с терроризмом с разных позиций, освещается это явление. Так, в трудах В.В. Меркурьева, К.Ф. Загоруйко, А.Е. Михайлова, В.Е. Петрищева, М.А. Григорьевой, Н.А. Чернядьевой [3-6; 10; 13] при глубоком анализе проблемы терроризма не уделяется внимание террористам-одиночкам. В свою очередь, О.Н. Новикова [8], М.Ю. Павлик и К.В. Боричев [9], А.А. Смирнов и Н.Г. Андрюхин [11], Б. Тузмухамедов [12], С. Асямов [2] посвятили свои работы именно этой проблеме. Однако и при этом проблема террористов-одиночек остается малоизученной, хотя как явление временами становится особенно распространенной, что и порождает необходимость дальнейшего его изучения и выработку наиболее эффективных способов борьбы с ним.

Подходы к определению понятия "терроризм одиночек"

В настоящее время в научной литературе можно встретить несколько определений понятия "террорист-одиночка", в рамках которых данный феномен приобретает различные, иногда противоположные, сущностные черты. Для придания предмету данного исследования определенности предлагается сформулировать исходное понятие термина "террорист-одиночка" на основе общих признаков данного явления, наиболее полно раскрывающих его сущность и отличия, выделенных из имеющихся определений¹, а также с учетом результатов анализа практики деятельности правоохранительных органов в данной сфере.

Как отмечают исследователи, под террористом-одиночкой в терминологии, употребляемой Контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН, понимается "индивид, совершающий преступный акт насилия в политических целях, действуя независимо, без явной связи с руководством террористической организации и / или вне организационной иерархии" [12].

В свою очередь, в международном междисциплинарном исследовании, подготовленном под эгидой британского Королевского объединенного института оборонных исследований (RUSI), под терактом, совершаемым в одиночку, понимается "угроза или

БЕРЛАДИР Юлия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, начальник группы анализа обстановки отдела ситуационного анализа, мониторинга угроз и подготовки проектов решений Антитеррористического центра государств-участников СНГ, Москва

ХАРИЧКИН Игорь Константинович, доктор философских наук, профессор, кафедра Политологии, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Москва
ORCID: 0000-0003-4478-0865

¹ Обоснованность и допустимость самих определений в данной публикации не исследуется.

применение насилия отдельным злоумышленником (или небольшой ячейкой), чьи действия движимы не чисто личными, материальными причинами, а преследуют цель оказания влияния на значительную группу лиц, также предпринимаемые без непосредственной посторонней поддержки в планировании, подготовке и осуществлении нападения, и чье решение приступить к действиям не обусловлено указаниями со стороны какой-либо группы или других индивидов (при том что может быть ими инспирировано)" [12].

В политологической литературе по данной тематике можно найти иные определения, например, такие:

– "лицо, формально не входящее в состав ячейки террористической организации и самостоятельно совершающее террористический акт вследствие саморадикализации" [11];

– "индивид, совершающий предумышленный насильственный акт, скрытно следующий утвердившейся идеологии, исповедуемой организацией. Одиноким волк может иметь неустойчивые связи с формально признанной террористической организацией, или группой ненависти, но может действовать и вне связи с кем-либо" [12].

Сущностные черты террориста-одиночки

Исходя из представленных подходов к определению данного явления, можно выделить сущностные черты террориста-одиночки как субъекта террористической деятельности.

1. Количественный состав субъектов – от одного до трех человек. Наиболее очевидный признак, прямо вытекающий из смысловой трактовки самого термина, однако имеющий несколько расширенное толкование, позволяющее относить к данному явлению не одного террориста, а малую группу до трех человек. Отнесение к террористическим актам, совершенным террористами-одиночками, тех из них, которые совершены группой 2-3 чел., будет коррек-

тным при условии соответствия остальным признакам одиночного терроризма (политическая направленность акта, наличие идеологических убеждений, саморадикализация, самостоятельность планирования и исполнения террористического акта).

Так, например, в декабре 2015 г. в Сан-Бернардино (штат Калифорния, США), семейная пара – 28-летний уроженец США Файед Сарук и его супруга, 27-летняя уроженка Саудовской Аравии, Ташфин Малик – открыли огонь в здании центра для людей с ограниченными возможностями, где проходило мероприятие департамента здравоохранения округа. В результате 14 чел. погибли, 17 чел. получили ранения². Как выяснилось впоследствии, супруги были "вдохновлены" пропагандой международной террористической организации "Исламское государство" (далее – Исламское государство, ИГИЛ³). В приведенном примере присутствуют такие признаки одиночного терроризма, как наличие идеологических установок вследствие саморадикализации, самостоятельность планирования и исполнения террористического акта, что в целом позволяет отнести группу тесно связанных между собой исполнителей теракта к террористам-одиночкам.

2. Наличие идеологических убеждений, сформированных в том числе вследствие саморадикализации, как отличительный признак террориста-одиночки. При этом саморадикализация представляет собой процесс принятия идей политического, религиозного или другого экстремизма, в рамках которого формирование у лица психологической готовности к совершению теракта и принятие радикальной идеологии происходят в ходе самостоятельного поиска и изучения

² Бойня в Сан-Бернардино: семейная пара расстреляла 14 человек [Электронный ресурс] // Вести.-Ру. URL: <https://www.vesti.ru/article/1792744> (дата обращения: 23.07.2021).

³ "Исламское государство" (ИГИЛ) - террористическая организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

информации, в том числе экстремистской и террористической направленности, под влиянием иных обстоятельств и их самостоятельной субъективной оценки, но не в ходе вербовочных мероприятий или обработки лица в составе террористической организации. Так, в 2021 году в Калининградской области был задержан саморадикализировавшийся гражданин России, который планировал теракт на объекте энергетики. Как установило следствие, мотивом была ненависть к действующей власти. Дома у задержанного нашли самодельную бомбу, инструкции по ее изготовлению и компоненты для синтезирования взрывчатки. Также у мужчины изъяли "материалы оскорбительного содержания в отношении российских органов исполнительной и законодательной власти". Кроме того, он вербовал людей для участия в атаках⁴.

Зачастую первооснову действий террориста-одиночки могут составлять идеи, родственные идеологии устойчивой структуры, – признанной террористической организации или какой-либо группы ненависти (Hate Group).

Как отмечают современные исследователи, у террориста-одиночки может быть своя собственная идеологическая концепция, которая состоит из нескольких, зачастую разных идеологий [9, с. 108]. На практике довольно сложно отследить момент окончательного формирования идеологии террориста-одиночки, т. к. идеологические установки он может черпать из различных источников и в процессе осмысления дополнять собственными соображениями. В процессе формирования у террориста-одиночки собственной идеологической (религиозной, политической и т. д.) картины мира встречаются случаи тесных контактов с террористическими организациями, в том числе и случаи взаимодействия с идеологами

МТО, неудачные попытки выезда в зоны конфликтов и т. д.

Однако все это может являться всего лишь эпизодами в процессе идеологических поисков, частью витиеватого пути саморадикализации. Как показывают авторитетные исследования, лишь треть террористов-одиночек поддерживали отношения с группами, так или иначе оправдывающими право применять насилие в рамках защиты идеологии, в то время как остальные (две трети) никогда не являлись членами экстремистских группировок [14, с. 24].

Анализ случаев одиночного терроризма последних лет в Европе и на пространстве СНГ показывает, что в большинстве из них террористы-одиночки в числе своих мотивов имеют религиозные убеждения и праворадикальные взгляды. При этом большинство лиц, осуществивших указанные акции, саморадикализировались под воздействием пропаганды идей терроризма и экстремизма в Интернете, что вполне естественно, учитывая широту распространения материалов, пропагандирующих идеологию терроризма в сети Интернет, именно в целях бессистемного повсеместного вовлечения лиц в террористическую деятельность.

Доступность различных материалов, пропагандирующих террористическую идеологию в сети Интернет, их распространенность, а зачастую завуалированность под религиозные сайты, компьютерные игры могут вызывать "случайную" саморадикализацию, когда человек сначала ознакомился с подобными материалами из любопытства, затем стал искать ответы на возникшие вопросы среди других источников радикальных идей и, постепенно втягиваясь в этот процесс, сформировался в качестве террориста-одиночки. Распространяя идеологию терроризма в сети Интернет, международные террористические организации рассчитывают в том числе и на подобное бессистемное вовлечение в террористическую деятельность и спонтанную саморадикализацию отдельных лиц.

⁴ ФСБ предотвратила теракт в Калининградской области. URL: <https://ria.ru/20210304/terakt-1599874049.html>

При оценке такого признака, как саморадикализация, целесообразно делать акцент на самостоятельности в принятии лицом решения о совершении теракта (т. е. самостоятельном достижении психологической готовности к его совершению). Следует учитывать, что в современном мире человек практически никогда не находится в информационном вакууме и процесс коммуникаций с приверженцами похожей идеологии, с лицами, разделяющими его взгляды, в том числе членами террористических организаций, является естественным процессом коммуникации с единомышленниками.

В любом случае наличие идеологии как системы идей и взглядов политического, религиозного, национально-этнического, экономического и иного содержания, обосновывающих необходимость и допустимость террористической деятельности лица, является отличительным признаком одиночного терроризма от других видов насильственных преступлений (из соображений мести, корысти, в результате психического расстройства).

В свете этого спорным является отнесение к одиночному терроризму насильственных действий лица, в основе совершения которых (в мотивации) отсутствует какая-либо идеология, а само лицо движимо чувством неудовлетворенности, личного разочарования, стремлением к справедливости в его понимании, но при этом не выдвигает каких-либо требований, не имеет политической, религиозной или иной идеологической мотивации.

Следует отметить, что перечисленным признакам не соответствует так называемый "колумбайн" или акции "школьных стрелков" – насильственное удержание и / или расстрел школьников их одноклассниками, в большинстве случаев из соображений мести за причиненные обиды, ложного осознания собственного превосходства и вседозволенности.

При этом, как справедливо отмечает Б. Тузмухамедов, если стрельбе будет предше-

ствовать выдвижение требований к органам образования, например о внесении изменений в учебную программу, о введении или исключении определенных предметов, осуществлении неких ритуалов, скажем, ежедневной коллективной молитвы, исполнения гимна страны, подъема и спуска государственного флага, или, напротив, отказе от их совершения [12], то такие действия могут быть отнесены к актам одиночного терроризма.

Показательна в этом смысле история американского рабочего Джорджа Метески, который на протяжении 16 лет с 1940 по 1956 гг. терроризировал бомбами Нью-Йорк, руководствуясь идеями возмездия энергетической компании Эдисона за полученную им травму⁵. Несмотря на то, что Метески зачастую называют террористом, он руководствовался исключительно мотивами личного возмездия, а по результатам психиатрической экспертизы был признан недееспособным и направлен на принудительное лечение в психиатрическую клинику для душевнобольных преступников.

Следует согласиться с исследователями, отмечающими, что некоторые акты насилия бывают вовсе не связаны с собственной судьбой преступника, а мотивированны исключительно процессом его самоидентификации с определенной социальной, этнической или религиозной группой [8, с. 191]. Однако ключевым моментом здесь является мотивация террориста-одиночки – мотивы террориста должны быть иными, чем преследование только личного или материального интереса.

3. Отсутствие формальных связей⁶ с членами террористических организаций.

⁵ "Унабомбер № 1" Джордж Метески и полицейский психоанализ [Электронный ресурс] // Толкователь. URL: <https://www.tolk.ru/?p=23533> (дата обращения: 27.09.2021).

⁶ Под формальными связями в данном случае понимаются связи субординации и координации, регулируемые в соответствии с принятыми в террористической организации правилами, направленными на достижение ее задач и целей.

Следует иметь в виду, что сам по себе факт одиночного исполнения теракта является первичным признаком для его отнесения к категории совершенных террористом-одиночкой. Такой признак, как наличие либо отсутствие у лица (малой группы лиц), совершившего террористический акт, формальных связей с террористической организацией, не известен на момент его совершения и выясняется уже в дальнейшем. В отдельных исследованиях⁷ приводится определенного рода статистика по террористическим атакам, совершенным одиночками, однако качественная и количественная оценка террористов-одиночек среди исполнителей иных террористических актов затруднена.

Данный признак подлежит оценке в совокупности со следующим – самостоятельность лица при принятии решения и совершении террористического акта. Установление наличия данного признака является в некоторых случаях проблематичным, например, в отношении лиц, ранее входивших в состав террористической организации либо поддерживающих регулярные контакты с ее членами, при условии, что такое членство или контакты не оказали непосредственного влияния на принятие решения о проведении конкретного террористического акта, т. е. были совершены не по указанию и не под руководством террористической организации. При этом мы поддерживаем мнение А.М. Арефьева в том, что "...возвращение лиц из зон террористической активности неразрывно связано с переносом того деструктивного потенциала, который был аккумулирован этими гражданами в ходе пребывания

в рядах тергруппировок, на территорию стран возвращения" [1, с. 15]. Данные лица могут в дальнейшем стать на путь одиночного террора вне связи с террористической организацией.

4. Самостоятельное совершение террористического акта. Данный признак непосредственно связан с предыдущими. Под ним понимается отсутствие какой-либо информационной, финансовой, материальной и иной прямой внешней помощи либо руководящих указаний террористу-одиночке при принятии решения, планировании, подготовке и совершении им террористического акта. Исполнитель самостоятельно без чьих-либо указаний принимает решение о подготовке и совершении террористического акта, включая выбор объекта нападения, времени и способа совершения террористического акта, самостоятельно приискивает необходимые средства, получает нужную ему информацию, в том числе о тактике действий правоохранительных органов и т. д. При этом наличие в сети Интернет доступной информации о методах и средствах совершения террористических атак, которыми мог бы воспользоваться террорист-одиночка в целях совершения террористического акта, не следует расценивать в качестве подобной помощи. Наличие такого рода информации является внешним фактором, способствующим совершению террористического акта, что будет рассмотрено ниже.

Следует добавить, что на практике встречаются ситуации, когда террористическая организация присваивает себе ответственность за нападение одиночки даже в отсутствие какой-либо связи между ними в реальности либо, наоборот, сам исполнитель оставляет определенные свидетельства приверженности идеям, целям и методам такой организации, что затрудняет квалификацию содеянного в качестве теракта террориста-одиночки. В этой связи роль террористической организации при совершении теракта и каких-либо контактов с

⁷ Так, есть некоторые статистические данные по США и Европе: "...в США до 2001 г. волки-одиночки совершили 39 нападений (0,6 атаки в год), ...с 2001 по 2016 гг. – 84 (5,6 атаки в год). В Европе за 30 лет с 1970 по 2000 гг. количество терактов одиночек возросло на 412% – с 8 до 41. С 2000 по 2014 гг. было совершено еще 72 атаки. С 1968 по 2010 гг. атаки одиночек составляли лишь 1,8% от общего количества терактов". Однако их достоверность требует проверки.

террористом-одиночкой устанавливается в ходе дальнейшего расследования.

Отдельно следует оговориться, что в данном исследовании не рассматриваются особенности терроризма смертников, поскольку данная разновидность терроризма представляет собой обособленное явление. Кроме того, террористы-смертники наиболее часто выступают не как полностью самостоятельные носители политической воли, направленной на достижение своих целей путем насилия, а как инструмент террористических организаций, используемый для совершения террористических актов. В этой связи данный феномен требует проведения отдельного исследования.

Сложность выявления намерений террориста, как отмечалось выше, связана со слабой выраженностью или отсутствием "информационного" следа в сравнении с терактами, подготовленными и совершаемыми под руководством террористической организации.

Таким образом, в наиболее общем виде терроризм одиночек представляет собой одну из разновидностей терроризма – индивидуальный терроризм, при котором террористический акт непосредственно планируют, готовят и совершают от одного до трех человек, руководствуясь определенными идеологическими убеждениями, предъявляя политические требования к государству (группе государств, международным организациям), за принятием решения о совершении теракта и действиями которых не стоит какая-либо террористическая или иная организация.

Исходя из этого, к различным категориям террориста-одиночки могут быть отнесены лица (от 1 до 3 чел.):

– не состоящие в связи с какими-либо экстремистскими или террористическими организациями, принимающие решение о совершении террористического акта на основе собственных взглядов и убеждений (включая взгляды, схожие с идеологическими установками каких-либо экстремистских или террористических организаций

либо сформированные под влиянием таких установок), планирующие и совершающие его полностью самостоятельно;

– утратившие на момент совершения теракта связь с террористической организацией (в том числе ранее состоявшие в ней, вернувшиеся из зон вооруженного конфликта, поддерживавшие регулярные онлайн-контакты с террористической организацией, ее членами, и т. д.), имеющие радикальные взгляды и установки, принимающие на их основе решение о совершении террористического акта, планирующие и совершающие его полностью самостоятельно;

– находящиеся на связи с террористической организацией (через социальные сети, мессенджеры и т. д.), полностью разделяющие либо в целом поддерживающие ее идеологические установки, но не получающие помощи или каких-либо специальных указаний от террористической организации о совершении теракта, принимающие решение о совершении, планирующие и совершающие его полностью самостоятельно.

Наибольшие сложности вызывает выявление и пресечение терактов,готавливаемых лицами первой категории ввиду их большей обособленности и отсутствия какой-либо информации, которая могла бы привлечь к ним внимание правоохранительных органов и спецслужб.

Противодействие террористам-одиночкам

Выделение одиночного терроризма в самостоятельный вид имеет значение для политической практики органов власти так и в деятельности правоохранительных органов в связи с тем, что данное явление, как показывают перечисленные признаки, имеет повышенную опасность ввиду изолированности преступника, отсутствия либо незначительной выраженности "информационного следа", свидетельствующего о сформированном намерении совершить террористический акт, его планировании, подготовке и, как следствие, ограниченности возможностей заблаговременного выявле-

ния готовящегося террористического акта правоохранительными органами и специальными службами.

Часто до момента совершения террористического акта правоохранительным органам ничего не известно об одиночных террористах, они не состоят на каких-либо специализированных учетах, в том числе с окраской "экстремизм / терроризм". Более того, как отмечают специалисты, даже если спецслужбы располагают информацией о потенциальной террористической опасности лица, сам момент перехода террориста-одиночки от планов к действиям отследить чрезвычайно трудно [7]. Показательным в этом случае является теракт, совершенный в Лондоне в марте 2017 г. Халидом Масудом, в результате которого погибло 5 чел. и было ранено 49 чел.⁸, несмотря на то, что британская MI-5 знала о его потенциальной террористической опасности, но не смогла своевременно отследить момент перехода террориста к действиям.

Однако утверждение о столь значительной изолированности террористов-одиночек от общества преувеличены. Подавляющее большинство из них имеют "стандартный" набор социальных связей: поддерживают контакты с родственниками, друзьями, единомышленниками, в том числе и в социальных сетях, обращаются в социальные службы, посещают религиозные организации.

Как правило, незадолго до совершения террористического акта происходят определенные изменения в поведении террористов-одиночек. Они могут высказывать радикальные взгляды, оговориться о своих намерениях, вступать в полемику с идеологическими оппонентами в социальных сетях и на форумах и т. д. К сожалению, подобные действия практически всегда остаются незамеченными, либо близкие

люди боятся акцентировать на подобном поведении внимание, дабы не вызвать подозрений спецслужб.

Можно встретить целый ряд исследований, посвященных построению социально-го и психологического портрета террориста-одиночки⁹, что связано не только с научным интересом, но и с поиском путей заблаговременного выявления лиц, вынашивающих подобные намерения, и предупреждения совершения ими террористических актов.

Сформировать собирательный психологический и социальный портрет террориста новой формации непросто. Анализ последних атак, совершенных джихадистами-одиночками, позволяет оценить, насколько разнообразны саморадикализовавшиеся лица – по возрасту, социальному статусу, семейному положению.

Как отмечает Томас Ренар, эксперт по безопасности из бельгийского Института им. Эгмонта, личностные характеристики и мотивация террористов в каждом конкретном случае различаются, что затрудняет работу спецслужб¹⁰. К примеру, преступник, совершивший теракт в Вене в октябре 2020 г., был сторонником ИГИЛ¹¹. В прошлом он собирался отправиться в Сирию, чтобы воевать там на стороне этой организации, однако был задержан и в апреле 2019 г. приговорен к 22 месяцам тюрьмы за участие в деятельности террористической организации. В декабре 2019 г. его досрочно освободили. О его тесных связях с террористической организацией говорит и тот факт, что

⁹ См. подробно "В Евродиснее джихада": французский журналист Давид Томсон рассказал, как и почему выходцы из Франции становятся джихадистами [Электронный ресурс] // Профиль. 11 декабря 2015 г. URL: <http://www.profile.ru/politika/item/102225-v-evrodisnee-dzhikhada> (дата обращения: 12.12.2015).

¹⁰ Террорист-одиночка не так уж и одинок... [Электронный ресурс] // Посреди России. URL: <https://posredi.ru/terrorist-odinochka-ne-tak-uzh-odinok.html> (дата обращения: 06.10.2021).

¹¹ ИГИЛ – террористическая организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

⁸ Лондонский террорист Масуд устроил нападение без сообщников [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/555353> (дата обращения: 23.07.2021).

эта группировка взяла на себя ответственность за теракт в Вене.

В свою очередь, преступник, совершивший в 2020 г. нападение в Ницце, меньше контактировал с исламистами в реальной жизни и, как предполагается, приобщился к радикальной идеологии в Интернете.

Можно предположить, что именно так саморадикализировались граждане Таджикистана 23-летний Рахмонов Мехроб и 24-летний Эшон Аминзод совершившие террористический акт 15 октября т.г. в Белгородской области. В ходе проведения занятия по огневой подготовке с лицами, добровольно изъявившими желание участвовать в специальной военной операции России, террористы открыли огонь из стрелкового оружия по личному составу подразделения. 11 человек получили смертельные ранения, еще 15 человек с ранениями различной степени тяжести госпитализированы ¹².

Во многих подобных случаях ответственность за атаку не берет на себя ни одна террористическая организация.

Как показывает практика, в большинстве случаев мотивами совершения/подготовки преступлений наряду с идеологической основой (например, джихад против неверных) являлось возмездие представителям органов власти и правоохранительных структур за преследование по религиозным признакам, а также другие жизненные проблемы, в основе которых лежат социально-экономические и бытовые противоречия, индивидуально-психологические особенности личности.

В числе причин радикализации значительной части террористов-одиночек можно отметить определенный уровень социальной маргинализации, разочарованность (в религии, в социуме, в семье и т. д.), следующую за этим в ряде случаев психологическую фрустрацию. При этом радикальная идеология с успехом отвечает на вопросы о

причинах их неудач и наполняет их жизнь смыслом.

В этой связи следует комплексно подходить к противодействию терроризму одиночек. Необходимо выявлять склонных к маргинализации лиц, уделять внимание их проблемному положению в обществе, искать и устранять причины их перехода в аутсайдеры. К вопросу одиночного терроризма нельзя подходить только с позиции работы спецслужб и правоохранительных органов. Помимо оперативной работы и постоянного мониторинга Интернет-пространства на предмет выявления информационных признаков готовящегося террористического акта, оптимальным представляется взаимодействие правоохранительных органов и спецслужб с социальными службами, службами психологической поддержки, образовательными организациями в вопросах предотвращения либо раннего выявления радикализации террористов-одиночек.

Заключение

Таким образом, отметим, что наиболее важными признаками одиночного терроризма являются количественный состав и самостоятельное совершение террористического акта. В свою очередь, такие признаки, как саморадикализация и отсутствие формальных связей с террористической организацией, имеют неоднозначное толкование, сложны в фактическом установлении их наличия и подлежат оценке в совокупности с остальными.

Полная изоляция и "выключенность" из общественных и информационных связей террориста-одиночки невозможны. В большинстве случаев совершению террористического акта могут предшествовать определенные действия лица, будь то поиск соответствующего контента в сети, изменение в поведении незадолго до совершения теракта либо действия, оставляющие иной "информационный" след.

Учитывая непрекращающуюся деятельность международных террористических организаций по распространению и обес-

¹² Теракт на военном полигоне в Белгородской области: названы убитые и виновные // EurAsia Daily (Россия) ; 17.10.2022 10:13

печению доступности информации радикального характера в сети Интернет, в том числе с целью бессистемного вовлечения отдельных лиц в террористическую деятельность путем привития им идеологии терроризма, а также общее влияние культуры информационного общества на нарастание цивилизационного конфликта, можно предположить, что терроризм одиночек сохранится как эпизодическое проявление угроз террористического характера преимущественно в странах, на территории которых не дислоцированы и не ведут активных действий террористические организации.

В этой связи выделение терроризма одиночек в отдельную категорию необходимо для более детального изучения особенностей данных лиц, поисковых признаков, специфики приемов и способов совершения терактов, причин и условий, способствующих их радикализации, и в конечном счете для совершенствования тактики действий правоохранительных органов по заблаговременному выявлению и пресечению совершаемых ими терактов.

Литература:

1. Арефьев А.М. Возвращение граждан из зон террористической активности: гуманизм vs безопасность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2020. – Вып. 3 (840). – С. 9-17.
2. Асямов С. Террористы-одиночки – психически нездоровые люди [Электронный ресурс] // Юридическая психология. URL: <http://yurpsy.com/files/fakt/213.htm> (дата обращения: 18.09.2020).
3. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы: монография / под общ. ред. В.В. Меркурьева; Университет прокуратуры Российской Федерации. – М.: Проспект, 2019. – 680 с.
4. Григорьева М.А. Феминность и терроризм: ломая стереотипы / под науч. ред. д-ра полит. н., проф. Г.В. Косова, вс. ст. С.И. Грачева. – Ставрополь: Ставролит, 2012. – 224 с.
5. Загоруйко К.Ф. Международный терроризм: поиски его правового определения; формы и способы борьбы с ним (аналитический обзор) // Международный терроризм и право: современные зарубежные исследования : сб. обзоров и рефератов / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. правоведения; отв. ред. Алферова Е.В. – М., 2017. – 195 с.
6. Михайлов А.Е. Проблемы понимания международного терроризма: общетеоретический аспект: монография. – М.: Прометей, 2019. – 120 с.
7. Наследники "халифата": главное о терроризме в Европе [Электронный ресурс] // Seldon.News. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/240201471> (дата обращения: 06.10.2021).
8. Новикова О.Н. Терроризм "одиноких волков" / Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 4. – С. 188-207.
9. Павлик М.Ю., Боричев К.В. Терроризм одиночек: основные тенденции и особенности противодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 106-112.
10. Петрищев В.Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. – М.: КРАСАНД, 2018. – 464 с.
11. Смирнов А.А., Андрюхин Н.Г. Терроризм одиночек как современная форма террористической деятельности // Международная жизнь. – 2018. – № 9. – С. 91-109.
12. Тузмухамедов Б. Индивидуальный терроризм: поиск дефиниций и подходов к противодействию [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/terror-odinochek> (дата обращения: 23.07.2021).
13. Чернядьева Н.А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия: монография. – М.: Проспект, 2020. – 336 с.
14. Lone-actor terrorism: Analysis paper / Ellis C., Pantucci R., de Roy van Zuijdewijn J. [et al.] // Countering loneactor terrorism. Royal united services institute for defence and security studies. L., 2016. February, No. 4. P. 22-26.

RESEARCH ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CPC'S INTRA-PARTY REGULATIONS AND NATIONAL LAWS AND THEIR CONNECTION AND COORDINATION *

Xuguang Liu, DSc of Judicial sciences, Department for Ideological and Political Education, visiting scholar, School of Marxism, Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China

The purpose of the study is to explain the relationship between the intra-party regulations of the CPC and national laws, especially the realization of their connection and coordination. The article focuses on the summary of the relevant research results of the Chinese domestic academia since the 18th National Congress of the Communist Party of China, and in-depth analysis of which is not lack of tit-for-tat argument. Through this study, it is believed that the CPC's intra party legal system with the Party Constitution as the core and the socialist legal system with the Constitution as the core are unified in the socialist legal system with Chinese characteristics. Through the scientific top-level design of the inner-party regulatory system and the construction of a normative mechanism for discourse conversion between inner-party regulations and national laws, the effective connection and coordination between the two can be promoted.

Keywords: Communist Party of China (CPC); Intra-party regulations; National laws; the socialist legal system with Chinese characteristic; connection and coordination.

EDN: KDVPFD; DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.5

Цитировать: Сюгуан Лю. Внутрипартийные регламенты Коммунистической партии Китая и национальные законы: взаимосвязь и согласованность // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 46-55. EDN: KDVPFD. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.5

УДК 32.321
БАК 5.5.2

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ РЕГЛАМЕНТЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И СОГЛАСОВАННОСТЬ **

© Сюгуан Лю, 2023

Цель исследования – объяснить взаимосвязь внутрипартийных регламентов Коммунистической партии Китая и национальных законов, а в частности то, как осуществляется их связь и координация. Основное внимание в статье уделяется краткому изложению результатов исследований, проведенных китайскими учеными после 18-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Автор считает, что внутрипартийная правовая система Коммунистической партии Китая с Уставом партии в качестве ядра и социалистическая правовая система с ядром в виде Конституции объединены в социалистическую правовую систему с китайской спецификой. Научное проектирование системы внутрипартийного регулирования и создание нормативного механизма преобразования дискурса между внутрипартийными регламентами и национальными законами может способствовать их эффективной связи и координации.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая (КПК); внутрипартийные регламенты; национальные законы; социалистическая правовая система с китайской спецификой; связь и координация.

СЮГУАН Лю, доктор юридических наук, руководитель отдела по идеологическому и политическому образованию, Колледж марксизма, Шанхайский университет политики права, Шанхай, Китай

Введение

Внутрипартийные регламенты Коммунистической партии Китая вместе с национальными законами и общественными

* General Project of Shanghai Educational Science Research (Project No.: C2-2020114); And the general project of Shanghai social science planning, "Research on the Basic Experience of the Construction of intra-party laws and regulations since the 18th National Congress" (Project No.: 2020BKS009).

** Исследование выполнено при поддержке проекта Шанхайского научного исследовательского центра в области образования (проект № C2-2020114) и проекта "Исследование базового опыта построения внутрипартийных законов и правил после 18-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая" (проект № 2020BKS009).

нормами составляют институциональную основу "китайской системы" и "китайского управления". Китайская Народная Республика уже долгое время находится под руководством Коммунистической партии Китая. Партия не только формулирует внутрипартийные регламенты, под ее руководством также происходит разработка общегосударственных законов. Внутрипартийные правила и национальные законы должны соответствовать друг другу с точки зрения содержания, отражать как волю партии, так и волю народа. Система внутрипартийных правовых норм, основанная на внутрипартийных регламентах, система правовых норм, основанная на национальных законах, а также система обеспечения и контроля за соблюдением законности в совокупности образуют социалистическую правовую систему с китайской спецификой. Таким образом, внутрипартийные регламенты и национальные законы – это две разные категории. Отношения между партией и законом являются ключевым вопросом верховенства закона в Китае, а отношения между внутрипартийными правовыми нормами и национальными законами – основная проблема отношений между партией и законом. В этой связи генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркивает, что "необходимо придерживаться верховенства закона, а также системы управления партией и правил управления партией комплексно и как единым целым". [1, с. 12] Он также отмечал, что "необходимо совершенствовать институциональный механизм формирования внутрипартийных правовых норм, ориентироваться на их сближение и согласование с национальными законами, выстраивать систему внутрипартийных правовых норм на основе Устава партии, с опорой на внутрипартийные правовые нормы, а также совершенствовать контроль за выполнением внутрипартийных правовых норм". [2, с. 6] В первой части данной статьи представлен обзор актуальных исследований, проведенных китайским научным сообществом после 18-го

Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая; во второй части рассматривается достижение согласованности и гармонизации между внутрипартийными регламентами и национальными законами.

Обзор актуальных исследований, проведенных китайскими научным сообществом после 18-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая

Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркивал, что "для всестороннего продвижения верховенства права необходимо стремиться к формированию модели, в которой национальные и внутрипартийные законодательные и нормативные акты дополняют и поддерживают друг друга, обеспечивают взаимное соблюдение". [3, с. 53] "Внутрипартийные и национальные законы и нормативные акты одинаковы по существу и являются отражением общей воли партии и народа". [4, с. 155] Поэтому, начиная с 18-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, в академическом сообществе Китая практически не было разногласий по поводу взаимосвязи между внутрипартийными правилами и национальными законами и необходимости их эффективной согласованности. Основной вопрос обсуждения – способы обеспечения связи, согласованности и гармонизации внутрипартийных регламентов и национальных законов.

Во-первых, обсуждается вопрос соотношения внутрипартийных регламентов и национальных законов. Являются ли внутрипартийные регламенты законами, и если да, то какими законами они должны быть? Если нет, чем они отличаются от национальных законов? К настоящему времени сформировались два основных взгляда на то, являются ли внутрипартийные регламенты законами или нет.

Теоретической базой для аргумента о том, что внутрипартийные регламенты не являются законом, считается теория национального права, утверждающая, что вне на-

ционального права нет закона. Так, профессор Лю Чанцю подверг критике взгляды многих представителей академического сообщества, выступающих за возвышение внутривнутрипартийных правил до уровня национального законодательства, утверждая, что "различия между внутривнутрипартийными регламентами и национальными законами делают неприемлемым повышение уровня внутривнутрипартийных регламентов до национальных законов; они должны, насколько это возможно, придерживаться своих собственных границ, содействовать национальным законам и работать вместе как неотъемлемая часть социалистической правовой системы Китая, принимая участие в управлении государством". [5, с. 140] Исследователь Цзян Гохуа исходит из теории особого соотношения сил в административном праве, которая может "служить основой легитимности внутривнутрипартийных регламентов, а также обеспечивать теоретическую основу для сферы их применения и границ их действия. Именно на основании особого соотношения сил внутривнутрипартийные регламенты имеют право существовать независимо от национальной правовой системы; Исходя из особого соотношения сил, сфера применения внутривнутрипартийных регламентов должна быть ограничена, и их эффективность не должна выходить за рамки "соотношения сил" ". [6, с. 70] В данной статье проясняется граница между внутривнутрипартийными правовыми нормами и национальной правовой системой.

Согласно другим взглядам, внутривнутрипартийные регламенты являются законами. Теоретической основой для этого мнения становится теория правового плюрализма, выступающая за широкое понимание права. Практически все нормы, в том числе и национальное законодательство, можно называть законами. По словам исследователя Чжоу Вана, с точки зрения сущности и позиционирования, внутривнутрипартийные регламенты и национальные законы соотносятся с параллелями "мягкое право" – "жесткое право", социальное право – национальное

законодательство. Он также подчеркивает, что "исходя из реалий современного Китая, позиционирование внутривнутрипартийных правил как законов также в большей степени способствует выравниванию отношений между партией и правом". [7, с. 25] Профессор Цзян Минъань утверждает об особом правовом характере внутривнутрипартийных регламентов Коммунистической партии Китая и отмечает, что, прежде всего, разделение "закона" и "внутривнутрипартийных правил" нужно именно для того, чтобы регламентировать поведение и деятельность партийных организаций всех уровней законом, дабы избежать явления "партия есть закон, а закон есть партия". Кроме того, разделение "внутривнутрипартийных регламентов" и "закона" предполагает четкое указание на то, что внутривнутрипартийные регламенты стоят ниже Конституции и законов в ранге закона. Это аналогично пониманию того, что административные регламенты Государственного совета, даже названные законом, ниже Конституции и законов в ранге закона. [8, с. 115] Также считается, что базовая природа "внутривнутрипартийных регламентов" принадлежит социальному праву и "мягкому праву". Однако ввиду особого руководящего положения Коммунистической партии Китая, установленного Конституцией Китая, корректировка внутривнутрипартийных регламентов Коммунистической партии Китая по делам партии неизбежно затрагивает и влияет на государственные дела. Таким образом, внутривнутрипартийные правила Коммунистической партии Китая имеют одновременно определенные элементы государственного права и "жесткого права". [8, с. 109] Некоторые ученые считают, что рассматривание внутривнутрипартийных регламентов в качестве нормативной системы, противопоставленной национальной правовой системе, свойственно дуалистической структуре мышления, не способствующей единству правовых норм государства и нормальному развитию внутривнутрипартийных регламентов. На самом деле, с точки зрения основной части формулиров-

ки – воплощение воли и принудительная сила реализации – внутрипартийные регламенты имеют характеристики правовых норм, должны быть включены в национальную правовую систему, а их формулировки должны регулироваться и контролироваться в соответствии с требованиями законодательства. [9, с. 56]

Обобщая, можно сказать, что исследования о взаимосвязи между внутрипартийными регламентами и национальными законами, проведенные после 18-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, как правило, включают обе эти категории в дискурс социалистической правовой системы с китайской спецификой. Главный спорный момент заключается в том, как именно наладить и согласовывать эту взаимосвязь. Выдвигаются разные мнения, в числе которых следующие: "партийные регламенты строже, чем национальное законодательство, а национальное законодательство выше, чем партийные регламенты", "партийные регламенты и национальное законодательство внутренне согласованы, но отличаются внешне", "партийные регламенты и национальные законы содействуют друг другу и являются взаимными гарантиями", и "отношения между внутрипартийными регламентами и национальными законами типизированы". [10, с. 125-129]

Во-вторых, вместо того, чтобы откладывать дискуссию о различиях между внутрипартийными регламентами и национальными законами, необходимо вернуться к дискурсу социалистической правовой системы с китайской спецификой и исследовать способы достижения сближения и согласования между внутрипартийными регламентами и национальными законами. Ученый Ван Жуолэй обсуждает взаимосвязь между партийными регламентами и национальными законами в трех аспектах: координация содержания, связь механизмов и взаимная защита. С точки зрения координации содержания, он различает два типа внутрипартийных регламентов: "внутрипар-

тийные регламенты", касающиеся исключительно внутренней работы партии и регулирующие деятельность партийных организаций и поведение членов партии, и "нормативные документы партии" в виде резолюций, решений, заключений и других форм, связанные с внешним управлением правящей партией, но в основном имеющие нормативное воздействие на внутрипартийные организации и членов партии. Исходя из этого, предлагаются два направления содержательной связи и согласования внутрипартийных нормативных актов с национальными законами. Первый – "согласованность и последовательность" в содержании, т. е. отсутствие конфликта между содержанием внутрипартийных регламентов и национальных законов "в области совместных действий"; второй – "взаимная трансформация" норм, то есть переход партийных принципов, выработанных внутри партии, в национальные законы, что по существу относится к вопросу о том, как партия выстраивает законотворческую деятельность. Эти направления являются двусторонними: партийные регламенты соответствуют национальным законам, а партийная политика воплощается в законах. [11, с. 138] Считается, что "согласованность содержания партийных регламентов и национальных законов должна быть обеспечена за счет систем достижения согласования; кроме того, на микроуровне должны быть усовершенствованы конкретные механизмы, а на макроуровне роль верховенства права при формулировании партийных регламентов должна постоянно расти". В частности, за счет создания и совершенствования механизмов и мер (например, "совершенствование механизма проверки партийных регламентов", "совершенствование механизма проверки соблюдения правовых норм партийных регламентов до их утверждения", "совершенствование механизма регистрации партийных регламентов", "совершенствование центральных внутрипартийных регламентов по работе системы общих собраний"

и "совершенствование стандартизации совместного выпуска партийных и государственных нормативных документов") может быть достигнута эффективная координация между внутрипартийными регламентами и национальными законами. [11, с. 141-143] С изданием пересмотренного и обновленного "Положения о формировании внутрипартийных регламентов Коммунистической партии Китая", "Положения о регистрации и пересмотре внутрипартийных регламентов и нормативных документов Коммунистической партии Китая" (2019) и вновь сформулированного "Положения Коммунистической партии Китая о системе ответственности за исполнение внутрипартийных регламентов", исследования связи и согласования внутрипартийных регламентов с национальными законами вышли на новый этап с нормативной базой. Основное внимание уделяется реализации п. 5 ст. 7 "Положения о формировании внутрипартийных регламентов Коммунистической партии Китая", а именно, как понять конкретные требования "связи" и "координации". [12, с. 62-65]

Элементы реализации связи и соответствия внутрипартийных регламентов и национальных законов

Внутрипартийные регламенты, национальные законы и социальные нормы в совокупности составляют институциональную основу "китайской системы" и "китайского правления". 16-17 ноября 2020 года Центральный комитет Коммунистической партии Китая провел в Пекине рабочее совещание по всеобщему верховенству закона, на котором генеральный секретарь Си Цзиньпин предложил "способствовать институционализации руководящей роли партии и верховенства закона и гарантировать эффективную реализацию политики партии посредством верховенства закона". [13, с. 3] Он также указал, что "необходимо придерживаться построения социалистической правовой системы с китайской спе-

цификой. Социалистическая правовая система с китайской спецификой является средством продвижения всеобщего верховенства права. Необходимо ускорить формирование целостной нормативно-правовой системы, эффективной системы правоприменения, строгой системы контроля, системы обеспечения законности и целостной системы внутрипартийного регулирования". [13, с. 6]

Кроме того, Си Цзиньпин подчеркнул, что "нужно в первую очередь придерживаться законодательства, координировать параллельные реформы, отмену и толкование законодательства, ускорить совершенствование системы законов, административных регламентов и местных правил, а также совершенствовать систему социальных норм, в том числе гражданские соглашения, местные правила и положения, отраслевые правила и уставы групп, чтобы обеспечить основные руководящие принципы всестороннего продвижения верховенства закона". [14, с. 119] Очевидно, что как внутрипартийные регламенты, так и национальные законы являются необходимыми компонентами социалистической правовой системы с китайской спецификой. Внутрипартийная правовая система с внутрипартийными регламентами в качестве ядра, внутрипартийная правовая система с ядром в виде национальных законов и система социальных норм составляют систему норм в соответствии с представлениями социалистической правовой системы с китайской спецификой.

Необходимо отметить, что между внутрипартийными регламентами и национальными законами имеются существенные различия с точки зрения предмета и процедуры формулировки. Основными органами, занимающимися разработкой внутрипартийных регламентов, являются Главное управление партии, Центральная комиссия по проверке дисциплины, центральные рабочие органы партии, партийные комитеты провинций, автономных районов и городов под непосредственным управлением центральным правительством. Разработкой

национальных законов занимается специальный национальный законодательный орган под руководством партии, наделенный установленной законом законодательной властью, предоставленной Конституцией и законами. Согласно Конституции и закону "О правотворчестве", в него могут входить: Всекитайское собрание народных представителей, Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей, Госсовет, его министерства и комиссии, Народный банк Китая, Национальное контрольно-ревизионное управление, связанные административные учреждения, Центральная военная комиссия и ее штабы, военные службы и округа, провинции, автономные районы, муниципалитеты, находящиеся в прямом подчинении центральному правительству, а также собрания народных представителей крупных городов, провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, национальных автономных округов крупных городов (автономных районов, префектур и провинций) и их постоянные комитеты. Разница между внутрипартийными регламентами и национальными законами четко видна. Первые сосредоточены в основном в партийных организациях всех уровней, а вторые – в собраниях народных представителей и государственных органах всех уровней. Что касается процедуры разработки, внутрипартийные регламенты должны в первую очередь соответствовать Уставу Коммунистической партии Китая, "Положению о разработке внутрипартийных регламентов" и другими соответствующими положениями. Национальные законы придерживаются Конституции как основополагающего принципа, разрабатываются в соответствии с положениями Конституции и закона "О правотворчестве".

Во-вторых, они имеют разное воплощение воли и сферу применения. Являясь важным элементом партийного управления, а также в целях институционализации, верховенства закона и стандартизации руководящей роли

партии, внутрипартийные регламенты отражают единую волю Коммунистической партии Китая; масштаб их применения также ограничивается руководством партией и деятельностью по партийному строительству, которая распространяется на партийные организации их членов на всех уровнях и в других соответствующих областях. Национальное право отражает национальную волю правящего класса, а в Китае – волю народа под руководством Коммунистической партии. В сферу его применения входят государственные органы, вооруженные силы, политические партии и социальные группы, предприятия, учреждения, организации и граждане. [12, с. 22] Очевидно, что вышеупомянутые внутрипартийные регламенты также должны действовать в рамках Конституции и законов, и ни одна организация или гражданин не имеют права их нарушать.

В-третьих, различается основа гарантии реализации полномочий внутрипартийных регламентов и национальных законов. Согласно "Положению о формировании внутрипартийных регламентов Коммунистической партии Китая", выполнение внутрипартийных регламентов основано на партийной дисциплине. В соответствии с "Положением Коммунистической партии Китая о системе ответственности за исполнение внутрипартийных регламентов", в целях совершенствования исполнения внутрипартийных регламентов установлена четкая система ответственности. Под централизованным руководством Центрального Комитета партии устанавливается и совершенствуется единое руководство, координация работы Главного управления (канцелярии), руководства отделов, сотрудничество соответствующих подразделений, и строгий контроль выполнения партийной дисциплины. Также разъясняются субъекты реализации различных внутрипартийных регламентов в системе внутрипартийного регулирования. Так, например, местные партийные комитеты всех уровней

несут ответственность за реализацию внутрипартийных регламентов в соответствующих регионах, а Главное управление Комитета партии отвечает за координацию исполнения внутрипартийных регламентов в регионах. Можно сказать, что исполнение внутрипартийных регламентов имеет очень строгую системную структуру. Исполнение национальных законов, обязательных для всех членов общества, обеспечивается принудительной силой. Существуют конкретные методы и принципы исполнения, от самого высокого уровня – конституции до реализации основных национальных законов, административных регламентов и местных постановлений.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин отмечал, что "необходимо совершенствовать институциональный механизм формирования внутрипартийных регламентов, ориентироваться на их сближение и согласование с национальными законами, выстраивать систему внутрипартийных правовых норм на основе Устава партии, с опорой на внутрипартийные правовые нормы, а также совершенствовать контроль за выполнением внутрипартийных правовых норм". [2, с. 6] Как уже упоминалось выше, существует неотъемлемое единство между внутрипартийными регламентами и национальными законами. Сущность и ценность этих двух видов правовых норм отражаются в соответствии единой воли партии волеизъявлению народа и страны. Несмотря на то, что существуют различия в их роли и в том, как осуществляется их реализация, и внутрипартийные регламенты, и национальные законы придерживаются линии партии и главной позиции, что основой является народ. Кроме того, система внутрипартийного регулирования и национальная правовая система являются важными компонентами социалистической правовой системы с китайской спецификой, они закладывают основу для продвижения всеобщего верховенства права, строгого партийного управления, достижения единства закона, управления страной

на основе закона, управления партией на основе правил и управления партией на основе системы. Поскольку национальная система управления изначально состоит из набора систем, внутрипартийные регламенты, следующие Уставу партии как фундаментальному принципу, и национальная правовая система, возглавляемая Конституцией, являются незаменимыми базовыми институциональными системами. Эти две основные институциональные системы совместно обеспечивают институциональные гарантии модернизации национальной системы управления и совершенствования потенциала управления. Начиная с 18-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, к настоящему времени была наработана обширная практика по достижению органичной связи и согласования внутрипартийных регламентов с национальными законами. Опыт, заслуживающий внимания, представлен ниже.

Во-первых, системное выстраивание внутрипартийных правовых норм должно повысить уровень научности разработки, предотвратить избыточность внутрипартийных регламентов и добиться их координации в рамках социалистической правовой системы с китайской спецификой. Таким образом, сфера применения внутрипартийных законов и правил должна иметь четкие границы. Некоторые представители академического сообщества заметили так называемый "эффект распространения". [15, с. 2] Очевидно, что внутрипартийные регламенты в основном относятся к партийным организациям и членам. Однако в условиях социалистической системы с китайской спецификой, руководство Коммунистической партии Китая является отличительной чертой социализма: "партия, правительство, военные, граждане и студенты востока, запада, юга, севера и центра – партия ведет всех". Поэтому внутрипартийные регламенты, регулирующие деятельность партийного руководства и партийное строительство, и отражающие единую волю партии, исходя

из руководящей позиции партии, должны иметь опосредованное влияние на беспартийные массы и организации. Это влияние реально существует. Партия руководит народом в управлении страной, формулируя принципы и политику, а также превращает волю народа под руководством партии в волю страны посредством национальных законов. По этой причине, в соответствии с принципом независимости внутрипартийной нормативно-правовой системы и нормативного характера национальной правовой системы, необходимо повысить научность проектирования на высшем уровне, чтобы предотвратить чрезмерное распространение внутрипартийной системы и избежать замены национальных законов внутрипартийными регламентами. Нормативные документы, совместно изданные партией и правительством, являются нормативным текстовым воплощением отношений сотрудничества между партией и правительством Китая. В пределах, установленных Конституцией и законами, партийные организации и административные органы могут издавать руководящие указания и решения по отдельным политическим, экономическим, культурным, социальным и другим вопросам. В п. 2 ст. 13 "Положения о формировании внутрипартийных регламентов Коммунистической партии Китая" четко указано, что "если при разработке внутрипартийных регламентов затрагиваются вопросы, входящие в компетенцию и полномочия правительства, они могут быть сформулированы партийными и государственными органами совместно". Также, в данном пункте статьи представлены специальные положения о механизме регистрации, согласования и оценки внутрипартийных нормативных актов. В целях содействия сближению и согласованию внутрипартийных регламентов и национальных законов был создан связующий механизм регистрации и рассмотрения с совместным участием Главного управления ЦК, Правовой рабочей группы Постоянного комитета Всекитайского собра-

ния народных представителей и Управления по правовым вопросам Государственного совета. "Обращение внимания на связь и координацию между внутрипартийными регламентами и национальными законами – это важный способ и канал, позволяющий внутрипартийным правовым нормам участвовать в национальном верховенстве закона". Нормативные документы, совместно изданные партией и правительством, должны быть включены в систему внутрипартийных регламентов, таким образом осуществляя интеграцию внутрипартийных регламентов и национальных законов. Некоторые ученые также активно исследовали такие вопросы, как регистрация и рассмотрение нормативных документов, совместно издаваемых партией и правительством. [16, с. 87-97]

Таким образом, внутрипартийные регламенты, будучи специальными нормами и правилами, регулирующими партийное руководство и деятельность, в принципе не должны регулировать содержание, касающееся области национальных законов. Эффект распространения, создаваемый внутрипартийными нормами на уровне их конкретного применения, как раз и является проявлением согласованности между внутрипартийными регламентами и национальными законами. Кроме того, включение правил и постановлений, совместно изданных партией и правительством, во внутрипартийную систему правовых норм способствует совершенствованию научности системы внутрипартийных регламентов, а также может предотвратить их избыточность.

Во-вторых, это создание нормативного механизма преобразования дискурса между внутрипартийными регламентами и национальными законами и достижение эффективной связи между двумя институциональными системами. Понимается, что определенные нормы внутрипартийного регулирования могут предоставить ресурсы для формирования национального законодательства, а содержание национальных

законов может также способствовать институциональному развитию внутрипартийных регламентов. С точки зрения существующей системы внутрипартийных законов и правил, ядром которой является Устав партии, и национальной правовой системы, ядром которой является Конституция, между ними существует явление связи и конвергенции. Соответствующие положения Устава Коммунистической партии признаются Конституцией и законами и трансформируются в элементы Конституции и законов. Устав партии закрепляет общее содержание (характер партии, руководящая идеология, программы и задачи, основные направления, принципы и политика), а также конкретное содержание (организационная структура партии, организационная система, условия, права, обязанности и дисциплина членов партии), которое представляет цель и кодекс поведения членов политической партии. Основное содержание часто воплощается в различных формах в основном законе – Конституции. Можно заметить, что все предыдущие поправки конституции восходят к пересмотру Устава партии. В социалистической правовой системе с китайской спецификой целый ряд законов прямо ссылается на Устав партии. Например, вторая половина п. 1 ст. 39 "Закона Китайской Народной Республики о высшем образовании" гласит: "Первичный комитет Коммунистической партии Китая в высших учебных заведениях руководит работой заведения в соответствии с Уставом Коммунистической партии и соответствующими положениями...". В ст. 19 "Закона Китайской Народной Республики о компаниях" говорится, что "в компании создается организация Коммунистической партии Китая для осуществления деятельности партии в соответствии с Уставом Коммунистической партии Китая. Компания должна обеспечить необходимые условия для деятельности партийной организации". Ст. 7 "Закона Китайской Народной Республики о частных предприятиях" предусматривает, что "чле-

ны Коммунистической партии Китая из числа работников индивидуальных частных предприятий должны вести свою деятельность в соответствии с Уставом Коммунистической партии Китая". Кроме того, "руководящая роль партии" как основная идея внутрипартийных регламентов также признается национальным законодательством и становится его неотъемлемой частью. Изложенные организационные и рабочие принципы признаны национальным законодательством и фактически стали частью закона.

Литература:

1. Научно-исследовательский отдел партийной истории и литературы Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. Выдержки из рассуждений Си Цзиньпина об управлении партией в соответствии с правилами. – Центральное литературное издательство, 2022.
2. Си Цзиньпин. Ускорение построения социалистической страны, управляемой законом // QIUSHI. – 2015. – №1.
3. Решение Центрального Комитета Коммунистической партии Китая по ряду основных вопросов всестороннего укрепления законности. – Народное издательство, 2014.
4. Регламентное бюро Главного управления Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. Толкование "Положения о формулировании партийных регламентов и соответствующих положений Коммунистической партии Китая". – Юридическое издательство, 2020.
5. Лю Чанцю. О понятии и атрибутах внутрипартийных регламентов и о том, почему они не должны быть повышены до разряда национальных законов // Исследования по марксизму. – 2017. – №10.
6. Цзян Гохуа. Законность, власть и границы, юридическая наука // Журнал Северо-Западного университета политики и права. – 2019. – № 1.
7. Чжоу Ван. О соотношении внутрипартийных правил и национальных законов // Теоретическое исследование. – 2018. – № 1.
8. Цзян Минъань, Природа и функции внутренних регламентов Коммунистической партии Китая // Журнал Пекинского университета (философия и социальные науки). – 2012. – № 3.
9. Ван Чунье. О внутрипартийных регламентах национальной правовой системы // Журнал Тяньцзиньского педагогического университета. – 2016. – № 3.
10. Чжан Чжиюань. Об оригинальной теории внутрипартийных регламентов. – Издательство "China Legal Publishing House", 2020.

11. Ван Жуолэй. Три аспекта взаимосвязи между партийными регламентами и государственными законами: координация содержания, согласованность механизмов и взаимная гарантия // Журнал Шанхайского университета политики и права (Трактат о верховенстве права). – 2019. – № 5.

12. Сун Гундэ, Чжан Вэньсянь. Внутрипартийные законы и регламенты. Издательство высшего образования. – Пекин, 2020.

13. Си Цзиньпин. "Твердое следование пути социалистического правового государства с китайской спецификой в целях обеспечения гарантии верховенства закона для всестороннего построе-

ния современной социалистической страны". // QIUSHI. – 2021. – № 5.

14. Си Цзиньпин об управлении. – Том 2. – Издательство "Foreign Languages Press", 2017.

15. Хоу Цзябинь. Определение и легитимность эффекта избыточности внутрипартийных нормативно-правовых актов // Исследования по теории нормативно-правовых актов Коммунистической партии Китая. – 2019. – № 2.

16. Сюй Сингуй. О регистрации и рассмотрении документов, совместно издаваемых партией и правительством // Теория и реформа. – 2020. – № 3.

Smirnov Pavel Pavlovich, Lecturer, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev, Republic of Belarus

The purpose of the review is a political science study of the New Economic Policy of the 1920s. The scientific novelty lies in the disclosure of the role of socio-political institutions in the formation and implementation of the new economic policy. The result is the consideration of the NEP as a new stage of state and party building in the USSR, which made it possible to rethink the role and place in it of representatives of various social strata of the population, to determine the main reasons that necessitated the implementation and curtailment of reforms.

Keywords: new economic policy; party building; nomenclature; corruption.

EDN: KPEQRJ; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.6

Цитировать: Смирнов П.П. Новая экономическая политика: политологический анализ // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 56-62. **EDN:** KPEQRJ. **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.6

УДК 323:332.1

БАК 5.5.2

© Смирнов П.П., 2023

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ *

Цель обзора заключается в политологическом исследовании новой экономической политики 1920-х годов. Научная новизна состоит в раскрытии роли социально-политических институтов в формировании и реализации новой экономической политики. Результатом является рассмотрение НЭП как нового этапа государственного и партийного строительства в СССР, что позволило по-новому осмыслить роль и место в нем представителей различных социальных слоев населения, определить основные причины, обусловившие необходимость проведения и сворачивания реформ.

Ключевые слова: новая экономическая политика; партийное строительство; номенклатура; коррупция.

56

СМИРНОВ Павел Павлович,
преподаватель,
Могилевский институт
Министерства
внутренних дел
Республики Беларусь,
Могилев, Республика
Беларусь

Среди научных работ, ключевой проблематикой которых является новая экономическая политика, исключительно мало политологических исследований. Подобная ситуация отражает сложившуюся в науке практику, что исследование процесса, сопутствующих ему проблем, а также оценка результатов экономических реформ 1920-х годов, являлась прерогативой экономической и исторической науки. Сложившийся подход не учитывал политической составляющей Новой экономической политики (далее – НЭП), важной роли политических институтов в осуществлении реформ. Вместе с тем, тема НЭПа за прошедшее столетие не утратила своей актуальности, как пример сочетания рыночного и административного подхода в управлении экономическими процессами.

Исследование включает применение сравнительно-исторического и системного метода, авторский обобщений, выводов. Новая экономическая политика является интегральным научно-теоретическим понятием и многоаспектным явлением, которое охватывает ряд концептуальных проблем, связанных с исследованием политических, социально-экономических и идеологических и вопросов развития общества.

* Обзорная статья.

Для анализа проблемно-тематической направленности современного изучения проблематики НЭПа недостаточно ее сопоставления с работами советских ученых, акцентировавшей внимание на руководящей роли коммунистической партии в реформах 1920-х годов [1]. Требуется рассмотрение трудов обобщающего характера постсоветской эпохи, специальных исследований, материалов научных конференций, определение приоритетов для дальнейших исследований.

Реализация новой экономической политики, провозглашенной в марте 1921 г. на X съезде РКП(б), была направлена на реформы в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, финансах, а также в политической сфере. Эти направления и стали основными в работах современных ученых.

Современные исследователи, преимущественно, рассматривают НЭП как предмет научного исследования, поэтому в формулировках научных тем встречаем определение "НЭП в Воронежской губернии", при этом, не редки случаи, когда новая экономическая политика превращается в пассивный объект изучения.

Данный подход использовался С.В. Кульчицким для переосмысления сущностных признаков и функциональных задач НЭП. В книге "УССР в эпоху новой экономической политики (1921-1928 годов)" среди основных проблемно-тематических приоритетов автора можно выделить следующие: причины и условия введения реформ; НЭП как переход от концепции "мировая революция" к "капиталистическому окружению"; "государственный капитализм"; НЭП в "командных высотах народного хозяйства"; сворачивание реформ [2]. Отдельно ученым рассмотрены вопросы о тактике и стратегии реформ в контексте политического развития советского государства.

В работах белорусских ученых (Л.А. Довнар, С. Ю. Лалаева) вопросы, поднятые С.В. Кульчицким, в различной степени так же нашли свое отражение. Авторы затронули экономические и политические аспекты,

обусловленные не столько развитием НЭПа, сколько общим историческим развитием БССР, статусом республики в составе СССР.

Стоит также отметить, что изначально в постсоветской научной литературе присутствовал незначительный интерес со стороны ученых-экономистов к теме новой экономической политики (В.И. Гринчуцкий, Э.Л. Лортикян), которой преимущественно занимались историки (Г.А. Григорьев, И.С. Котов, Е.И. Микула).

К этому периоду относятся диссертации, авторы которых продолжили традиционное для советской науки рассмотрение новой экономической политики как пассивный объект изучения: И.И. Каспрук, Е.С. Лученкова, А.В. Скрыпников, другие. Так, И.И. Каспрук задался целью комплексно изучить и обобщить опыт реформ в Украинской ССР в 1921-1923 годах. Названия разделов его работы выражают стремление автора показать всю многогранность феномена, вместе с тем, не все задачи ему удалось в полной мере решить.

И.И. Каспрук [3] и А.П. Бакуменко в своих работах затронули политические аспекты НЭПа. Анализ вопросов, связанных с классовой борьбой, ученые выстроили на применении марксистской методологии.

Проблематика крестьянства и развития сельского хозяйства была поднята А.И. Ганжой, В.М. Лазуренко, С.Н. Ходиным, С.В. Корновенко. Исследования имеют общие и отличительные признаки. Если А.И. Ганжа только затрагивает тему налоговой политики, выделив проблему в специальный параграф, то другие авторы рассмотрели сложности, с которыми столкнулась советская власть в ходе проведения реформ.

А.И. Ганжа в контексте становления командно-административной системы рассмотрела особенности осуществления экономической политики. Два раздела ее работы посвящены участию партийных, советских и общественных организаций села в проведении реформ, моральному облику и злоупотреблениям со стороны представителей советской власти.

В свою очередь, исследованию политических и экономических вопросов развития крестьянских хозяйств посвящена книга Ю.В. Котляра [4]. Автор рассматривает особенности перехода от "военного коммунизма" к новому курсу, развитие крестьянских хозяйств, деятельность советских и общественных организаций на селе.

Ученый полагал, что "военный коммунизм" способствовал ликвидации у представителей партийной номенклатуры сдерживающих мотивов поведения, формированию у них чувства безнаказанности. Ситуация усугублялась их низким культурным уровнем, негативным отношением к закону, а также круговой порукой, царившей в номенклатурной среде. "У них выработалась уверенность, что получаемые материальные блага от занимаемого поста – заслуженное вознаграждение победителя" [4, с. 64].

В обобщающее исследование особенностей НЭП в украинской деревне вошли тематические разделы о теоретических аспектах нового экономического курса: развитие кооперации, зарождение и функционирование сельской номенклатуры, деятельность профсоюзов и молодежных организаций, комитетов малоимущих крестьян.

Общественно-политические отношения в белорусской и российской деревне 1920-х годов с позиции социально-исторического подхода рассмотрели Д.А. Борисов, М.А. Беспалая, Г.А. Вандышева, Г.К. Елизарова, Д.Е. Курило.

Взаимоотношения власти и крестьянства нашли отражение в трудах Ю.В. Котляра, Г.Т. Капустян, М.С. Дорошко, а также в диссертационных работах А.В. Лесных, А. Трубенюк, Б.И. Хорошуна и других. Исследования разрушают стереотипы о "золотой эпохе" НЭПа, показывают особенности формирования административно-командной системы, ментальность партийной номенклатуры, затрагивают тему коррупции.

Ученые не рассматривают трудности, с которыми столкнулась советская власть при проведении реформ. Основное внимание

они обращают на особенности функционирования общественно-политических институтов, анализируют результаты реализации нового политико-экономического курса.

Характерная для советской науки трактовка деятельности общественных организаций как форпостов диктатуры пролетариата приобрела в постсоветских исследованиях иную направленность – продвижение коммунистической идеологии. На таковых теоретико-методологических началах написана работа о деятельности украинских профсоюзов в 1920-х годах [5], автор которой одним из первых обратил внимание на социально-трудовые конфликты периода НЭПа. Данная тема затронута и в серии публикаций белорусского исследователя А.А. Дубовик.

Формирование института предпринимательства, функционирование торговли также относятся к приоритетным темам проблематики изучения новой экономической политики. В работе А.О. Сушко рассмотрены вопросы развития частного предпринимательства в 1921 – 1928 годах. Автор поднял следующие проблемы: частный капитал и политический режим, формирование системы частной торговли и предпринимательства в промышленности, коррупция.

Частнопредпринимательская деятельность "новой буржуазии" долгое время изучалась Ю.П. Волосником. Перечень затронутых им проблем дает основания говорить о комплексном исследовании кредитно-финансового предпринимательства. Он затронул тему "теневого рынка частного кредита", регулирование "валютных отношений", коррупции в период в НЭП.

Политико-экономический аспект новой экономической политики поднят в монографии Ю.Н. Голанда о валютном регулировании в годы НЭП [6]. Ученый проанализировал кризисы 1925 и 1927 годов, приведшие к сворачиванию большевиками реформ. Ю.Н. Голанд полагает, что в основе кризисов лежало совпадение политических и экономических факторов.

Политический фактор модернизации советского общества доминирует в монографии Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова, которые, опираясь на теоретические достижения Н. Бухарина, проанализировали развитие и перспективы НЭП в СССР [7].

Основную концепцию новой экономической политики и ее основные черты попытались донести до читателей авторы коллективного труда по истории России XX века. "В политической области НЭП оказался авторитарным однопартийным режимом", – такое мнение о реформах выразил один из авторов В. Дмитренко [8, с. 58].

На рубеже XX – XXI вв. на постсоветском пространстве ученые начали применять методологические модели познания процессов в обществе, основанные на достижениях зарубежной науки. В частности, появились работы, ключевой теоретико-методологической основой которых стал принцип модернизации. Так, Т.Ю. Красовицкая полагала, что проводимый в 1920-х годах руководством страны политический курс был направлен на модернизацию советского общества.

В рамках данного подхода в книге П.А. Малиновского рассмотрена и "советская цивилизация" [9]. Оригинальной по теоретико-методологической направленности является монография А.Г. Вишневого о "консервативной модернизации" в СССР [10]. Автор применил системный подход к анализу экономической политики советского государства, в частности, в 1920-х годах.

Политическая история СССР в контексте уяснения феномена командно-административной системы стала доминирующей для современной российской науки. Предметом научных изысканий являются не только борьба большевиков с оппозицией в своих рядах, но и отношение к НЭПу различных политических сил, мятежу в Кронштадте, крестьянскому восстанию в Тамбовщине.

Среди ключевых политических факторов, повлекших введение НЭПа, фигурирует недовольство крестьян продразверсткой,

в частности, и политикой "военного коммунизма", в целом. Отдавая должное В.И. Ленину в осуществлении перехода "военного коммунизма" к новой экономической политике, исследователи не идеализируют ее последствия для советского общества, указывая на факты ущемления интеллигенции, свободомыслия [11].

А.Я. Левшин рассматривает НЭП как причину установления шаткого компромисса между властью и обществом, а его коллега Н.С. Симонов – стратегический маневр, позволивший большевикам удержать власть.

Е.Г. Гимпельсон, рассматривая взаимное влияние политической системы и новой экономической политики, отметил, что хотя она и была введена под давлением крестьян, но этим не затронула "политико-идеологические основы правящей партии" [12]. Экономические реформы не сопровождались реформированием советской "военно-пролетарской" политической системы. Непоследовательность, половинчатость в проведении экономических реформ Е.Г. Гимпельсон назвал одной из причин их неэффективности, особенно в части преодоления бюрократизма.

В книге "НЭП и советская политическая система. 20-е годы" [13] Е.Г. Гимпельсон рассмотрел ключевые проблемы, с которыми столкнулась советская власть при проведении реформ, обосновал их хронологические рамки, раскрыл причины сворачивания. Автором была затронута тема должностных преступлений среди представителей номенклатуры [13, с. 96-97].

Стоит отметить, что труды Г.Е. Гимпельсона, с одной стороны, отличаются большим объемом фактического материала, с другой – отсутствием теоретических обобщений и критики в адрес коммунистической партии.

Характер отношений власти и общества в контексте функционирования партийной номенклатуры затронули А.Г. Авторханов, И.В. Павлова, Б.В. Павлов, В.Н. Бровкин. В частности, И.В. Павлова, анализируя лите-

ратуру, выделила основные подходы российских ученых к изучению этого феномена: абстрагирование от политики и идеологии, замена истории сверху историей снизу повествовательный характер изложения событий [14, с. 49].

Несмотря на распад советского государства в научной среде появились авторы, которые не только рассматривали тему "альтернативности" НЭПу, но и отмечали значение реформ для страны, и противопоставляли их формированию административно-командной системы [15].

Так, отдельные аспекты политики "военного коммунизма" и НЭПа затронуты в отрывке книги В.П. Дмитренко [16]. Хронологические рамки одного из разделов охватили период от перехода к "военному коммунизму" и "выхода из НЭПа". Ученый стремился показать "сущность каждой из двух систем", выявить закономерности политического процесса, опираясь на "марксистскую теорию" и "эволюционный" опыт партии. В.П. Дмитренко рассмотрел исходные условия введения НЭП – формирование административно-командной системы на основе идеологии военного коммунизма, сдержавшей развертывание реформ. Инициатором НЭПа, по убеждению ученого, был В.И. Ленин, но принципы, формы, методы, отрасли и принципы жизнедеятельности всего общества – стали объектом активного коллективного обсуждения в партии. Ее руководство, имея монополию на власть в обществе, сделало невозможным любую либерализацию политической системы.

Концептуально автор воспроизводит теоретическую конструкцию политического и социально-экономического развития советского общества 1920-1930-х годов: курс на индустриализацию, развитие кооперации и культурную революцию. Поэтому новая экономическая политика в интерпретации В. Дмитриенко – это очередная, хотя и своеобразная, фаза построения социализма.

В книге С.А. Павлюченкова "Россия неповская" [17] освещены наиболее характер-

ные аспекты новой экономической политики. Значительная часть книги посвящена рассмотрению политической системы, культурному развитию, внешней политики. Затронуты в издании и тема должностных преступлений среди партийно-советской номенклатуры. Структура монографии построена по способу хронологии, отражающему своеобразную периодизацию самого НЭПа.

С проблематикой НЭП неразрывно связана и тема партийного строительства и формирования советской командной-административной системы. Процесс становления коммунистической партии в первое десятилетий советской власти в качестве основного элемента государственного управления исследовал Б.В. Павлов.

Формирование системы советской номенклатуры раскрыли такие исследователи, как М.С. Восленский, В.Б. Макаров, Н.В. Саранцев, Г.Л. Олех. Они подробно установили иерархии власти, привилегиях правящего класса, а также затронули различные аспекты жизни его представителей. Не оставили без внимания авторы тему злоупотреблений властью.

Упоминание о неблагоприятных поступках представителей советской номенклатуры встречаются в публикациях материалов высших органов партийной и государственной власти [18].

Теоретико-методологические проблемы изучения НЭПа, которые в большей степени обсуждались на конференциях, теоретических семинарах, были воспроизведены в сборниках статей, в отдельных публикациях. К ним следует отнести научные исследования Г.С. Алексеевой, В.Д. Камышина, Г.А. Кулагина, С.В. Белова.

Последний отметил ярковыраженный идеологизированный подход к новой экономической политике в годы "перестройки", что было обусловлено поиском альтернативы командно-административной системе, а также необходимостью выхода из политико-экономического коллапса, в который попала страна в конце 1980-х годов.

Реализация советской властью НЭП привело не только к возникновению в сельском хозяйстве, промышленности и торговли проблемных вопросов, требовавших своего скорейшего решения, но и выработки мер контроля за экономической жизнью страны. В условиях функционирования смешанной рыночной экономики под жестким контролем государства роль ВЧК-ОГПУ являлась заметной и весомой.

В своей работе, посвященной новой экономической политике, С.В. Кульчицкий немало внимания уделил ВЧК-ОГПУ в ее осуществлении, проанализировал систему отношений представителями партий и органами государственной безопасности, вопросам борьбы с должностными преступлениями [19].

Монография "ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921-1928)", является одной из первых крупных научных работ с глубоким анализом мер советской власти по борьбе с коррупцией [20]. Авторы исследовали организацию деятельности органов, проводивших борьбу с коррупцией, определили роль партии и правоохранительных органов в выработке антикоррупционных мер и их реализации на всех уровнях власти и управления.

Широкий круг проблем, затрагивающий вопросы функционирования советских органов государственной безопасности, нашли отражение в работах В.Т. Окипнюка, А.М. Плеханова, Р.В. Подкура, Л.П. Рассказова: борьба с оппозицией; противодействие коррупции; контроль за партийной и хозяйственной номенклатурой.

Стоит отметить ряд диссертационных работ, посвященных борьбе правоохранительных органов и специальных служб с экономическими преступлениями в годы НЭП: О.Д. Джиникаевой, С.В. Лясковской, М.С. Тошевой, В.П. Скрипчука и других.

В работах О.Д. Джиникаевой и М.С. Тошевой затрагиваются не только вопросы организации противодействия должност-

ным преступлениям, но анализируются породившие их причины

С.В. Лясковской исследуется деятельность органов ЧК – ОГПУ в области экономики в годы НЭПа. Автор анализирует борьбу органов государственной безопасности с коррупцией, бесхозяйственностью, хищением государственного имущества, растратами государственных средств. Она исследовала работу ВЧК – ОГПУ в негосударственном секторе народного хозяйства, их участие в регулировании цен на частном рынке, борьбе со спекуляцией и попыткам частных и иностранных концессионеров нанести ущерб экономике государства. Автор показывает роль экономических структур органов государственной безопасности в реализации политического курса страны в годы НЭПа.

Исследования показали, что органы ВЧК – ОГПУ играли существенную роль в регулировании экономической жизни страны. Борьба с коррупцией являлась одним из приоритетов в их деятельности на всем протяжении осуществления НЭП. Вместе с тем, деятельность органов государственной безопасности, при всей ее значимости, не способствовала устранению причины этих явлений и давала только временный результат.

Таким образом, исследование круга вопросов, касающихся новой экономической политики, свидетельствует о том, что данная проблема по-прежнему актуальна для отечественной политической науки. Многоаспектность реформ 1920-х годов с учетом современных реалий порождает появление новых оттенков известных проблем, что также вызывает необходимость продолжения научного поиска. Рассмотрение НЭП как нового этапа государственного и партийного строительства в СССР позволило по-новому осмыслить роль и место в нем представителей различных социальных слоев населения, определить основные причины, обусловившие необходимость проведения и сворачивания реформ.

Литература:

1. Елин Д.Г. НЭП как политика построения социализма : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Д.Г. Елин; Ин-т повышения квалификации преподавателей маркс.-ленинизма при Моск. гос. ун-те. – М., 1954. – 16 с.
2. Кульчицкий С.В. УСРР в добу нової економічної політики (1921-1928 рр.) : Спроба побудови концептуальних засад реальної історії / С.В. Кульчицкий. – Киев: Ін-т історії України НАНУ, 1995. – 204 с.
3. Каспрук І.І. НЕП на Україні у 1921-1923 рр. (історико-політичний аналіз) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07. 00.01 / І.І. Каспрук; Київ. нац. ун-т. – К., 1994. – 18 с.
4. Котляр Ю.В. Селянство Півдня України: доба нової економічної політики (1921-1929 рр.) / Ю.В. Котляр. – Одеса : ТОВ ВІД, 2004. – 354 с.
5. Мовчан О.М. Українські профспілки в компартійно-радянській системі влади (20-ті рр.) / О.М. Мовчан. – Киев: Ін-т історії України НАНУ, 2004. – 418 с.
6. Голанд, Ю.Н. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа / Ю.Н. Голанд. – 2-е изд. – М.: Начала, 1998. – 154 с.
7. Пути развития: дискуссия 20-х годов: Е.А. Преображенский, Н.И. Бухарин. – Л.: Лениздат, 1990. – 253 с.
8. История России. – Ч. 3.: XX век: выбор моделей общественного развития / М.М. Горинов, В.П. Данилов, В.П. Дмитриенко. – М.: Знание, 1994. – 191 с.
9. Малиновский П.А. Советская цивилизация.: Непреходящие ценности и причины ее разрушения. Будущее России / П.А. Малиновский. – М.: Грааль, 2003. – 108 с.
10. Вишневский А.Г. Серп и Рубль: консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
11. Драма Российской истории: большевики и революция / под общ. ред. А.Н. Яковлева. – М.: Новый хронограф, 2002. – 449 с.
12. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы 1917-1923 гг. / Е.Г. Гимпельсон. – М.: Наука, 1995. – 232 с.
13. Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы / Е.Г. Гимпельсон. – М.: ИРИ РАН, 2000. – 440 с.
14. Павлова И.В. Власть и общество в СССР в 1930-е годы / И.В. Павлова // Вопросы истории. – 2001. – № 10. – С. 46-56.
15. Секушкин В.И. Отторжение нэпа и командно-административная система / В.И. Секушкин. – Л.: Лениздат, 1990. – 96 с.
16. Дмитренко В.П. "Военный коммунизм", НЭП... (История советского общества. Краткий очерк (1917-1945 гг.) / В.П. Дмитренко // История СССР. – 1990. – № 3. – С. 3-25.
17. Павлюченков С.А. Россия нэповская / С.А. Павлюченков. – М.: Новый хронограф, 2022. – 468 с.
18. Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах // Сост., предисл. С.С. Крюковой. – М.: РОССПЭН, 2001. – 232 с.
19. Кульчицкий В.С. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919 – 1928 рр.) / В.С. Кульчицкий. – К.: Основи, 1996. – 396 с.
20. Епихин А.Ю. ВЧК – ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921-1928): моногр. / А.Ю. Епихин, О.Б. Мозохин. – М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. – 528 с.

Ter-Avanesova Irina Nikolaevna, Lecturer, North-Caucasus Federal University, Stavropol

The study is devoted to the search for and substantiation of a definition that most fully reflects the specifics of modern society. The accuracy, capacity and functionality of the categorical apparatus is of great importance for the development of sociological sciences, where the terminology cannot be static and unchanged, but must be flexible and adaptive in order to best reflect social changes and choose the most optimal strategy for the development of society. The actual reality, saturated technically and informationally, tends to change quickly and unpredictably, which inevitably leads to a rethinking of existing theories. The author systematizes the main driving forces (drivers) of social development and analyzes approaches to understanding the technologically enriched "picture of the world" that are emerging as society realizes key transformations. Noting the strengths and shortcomings of the analyzed concepts, the author proposes a functional concept – "digital architectonics" and its comprehensive definition.

Keywords: digitalization; post-industrial society; Information society; network society; digital economy; digital civilization; the concept of sustainable development; convergence; regionalization; segmentation; collective regional digital identity; digital socio-cultural identity; dynamic model of the digital society; egress; culture; digital architectonics.

EDN: LBDZDS; DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15-7

Цитировать: Тер-Аванесова И.Н. Цифровая архитектоника – к определению понятия // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 63–71. EDN: LBDZDS. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15-7

ЦИФРОВАЯ АРХИТЕКТОНИКА – К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

УДК 316.4
ВАК 5.4.6

© Тер-Аванесова И.Н., 2023

Исследование посвящено поиску и обоснованию определения, наиболее полно отражающего специфику современного общества. Точность, емкость и функциональность категориального аппарата имеет большое значение для прогресса социологических наук, где терминология не может быть статичной и неизменной, но должна быть гибкой и адаптивной, для наилучшего отражения социальных изменений и выбора наиболее оптимальной стратегии развития. Актуальная действительность, насыщенная технически и информационно, склонна изменяться быстро и непредсказуемо, что неизбежно приводит к переосмыслению существующих теорий. Автор систематизирует основные движущие силы (драйверы) общественного развития и анализирует подходы к пониманию технологически обогащаемой "картины мира", складывающиеся по мере осознания обществом ключевых трансформаций. Отметив сильные стороны и недочеты проанализированных концепций, автор предлагает функциональное понятие – "цифровая архитектоника" и его комплексное определение.

Ключевые слова: цифровизация; постиндустриальное общество; информационное общество; сетевое общество; цифровая экономика; цифровая цивилизация; концепция устойчивого развития; конвергенция; регионализация; сегментация; коллективная региональная цифровая идентичность; цифровая социально-культурная идентичность; динамическая модель цифрового общества; эгресс; культура; цифровая архитектоника.

Уникальные условия функционирования современного общества актуализируют проблему выбора оптимальной стратегии его развития. Последствия общемирового эпидемиологического кризиса, болезненно отразившиеся на уровне национальных сегментов в условиях экспоненциального и трансграничного социально-технологического симбиоза, все чаще ставят перед исследователями новые проблемы, эффективное разрешение ко-

**ТЕР-АВАНЕСОВА
Ирина Николаевна**,
преподаватель, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

торых требует точного понимания сути актуальной социальной реальности.

Современная "картина мира" формируется под воздействием комплекса эволюционно-непрерывных и революционно-дискретных факторов, анализ которых позволяет выявить основные движущие силы, формирующие "общество нового типа". Совокупное длящееся воздействие первичного научно-технического драйвера (влияния на общество технологических средств и инструментов, формирующих цифровую среду) и постепенное проявление вторичных – социальных драйверов (изменение структуры социального пространства, трансформация механизмов социального взаимодействия и личностной адаптации, влекущие объективно обусловленные институциональные изменения) на протяжении длительного времени корректировали доктринальные представления о сущности нового мироустройства. Исследователи формулировали концепции: "постиндустриального" общества или "общества знаний"; сетевого, цифрового или "смарт-общества"; провозглашали эру "электронно-цифровой цивилизации", или "Общества 5.0" – супер-интеллектуального, нацеленного на использование кибер-физических технологий, социума. Каждая теория, безусловно значимая на соответствующей фазе научного прогресса, развивала приоритетную, для своего исторического контекста, доминанту, переосмысливала имеющийся категориальный аппарат, диагностировала проблемы дальнейшего развития и аккумулировала взгляды для следующих концепций, преодолевающих эти вызовы.

Одна из первых, объясняющих преобразование мира, концепция *постиндустриального общества* – отмечает нарастающую роль научного знания в "определенной систематической форме, вплоть до "источника стоимости" [1] и развивает понятие "информация", становящееся ключевым в меняющейся парадигме. Примечательно, что выбор Д. Белла между терминами: "об-

щество профессионалов", "общество знания", или "информационное общество", несмотря на то, что "каждый из этих терминов описывает значимые черты нарождающегося состояния" [1], произошел в пользу постиндустриального, как наиболее точно отражающего результат воздействия на общество первичного драйвера – технологического развития. Несомненно, в наши дни концепция, созданная в 1960-1970-х годах, когда информационные технологии только начинали свой путь, несколько устарела. Сегодня важны не только знания, но и умение применять их на практике в условиях неопределенности и быстротечности изменений. Этот простой факт выдвигает на первый план недооценённую Д. Беллом формулировку "информационное общество", делая ее наиболее распространенным объяснением современного мироустройства, что показывает, в частности, анализ запросов Google-trends [2]. Но является ли самое популярное объяснение самым оптимальным?

Первые упоминания терминологии, этимологически близкой рассматриваемой конструкции, исследователи находят в работах Т. Умесао (статья "Joho sangyo ron" – "Об информационных индустриях"); Ю. Хайяши ("Johoka Shakai: Hado no Shakai Kara Sofuto no Shakai e" – "Информационное общество: от жёсткого к мягкому обществу") и Й. Масуды ("Joho Shakai Nyumon" – "Введение в информационное общество"). Семантические особенности языка оригинала, в котором оборот "joho shakai", подразумевал "информацию" как организующую общество социальную силу, а конструкция: "johoka shakai" (в англ. варианте: "the computer mediated communication society") первоначально описывала "общество, связанное посредством компьютерной коммуникации" [3], были постепенно нивелированы, сформировав универсальную, но лишённую отличительных признаков, "слишком не точную, чтобы принять ее в качестве научной дефиниции" [4] конструкцию. Сегодня "информационное общество" скорее расхожий

языковой штамп, дающий отсылку на интенсивность использования в обществе информационных технологий, но оставляющий за скобками последствия воздействия социальной составляющей эволюционно-непрерывных факторов развития. Между тем, именно они выразительно подчеркивают происходящие перемены.

Появление и стремительное развитие инструментов для обмена информацией и координации деятельности людей и социальных сообществ, повсеместность мобильных устройств, приложений и глобальной сети, опосредуют новый формат межличностных взаимодействий кардинально преобразая привычную антропологическую систему координат. М. МакЛюэн описывает общество, в котором "технологии, становясь способом расширения человеческого тела" [5], изменяют границы возможностей и функциональные характеристики каждого индивида, превращая современный мир в глобальную, существующую в виртуальном пространстве, сеть взаимодействий. В результате технического обогащения социальных процессов формируется специфическое гибридное социальное пространство, заполненное "ризоматическими" множествами децентрализованных и гибких динамических связей, обрабатывающих возрастающий поток данных и направленных на то, чтобы "колонизировать социальные отношения, замкнув их на приеме-передаче" [6, 254] этого потока. Концепция сетевого общества в своей идеальной трактовке предполагает высокую степень децентрализации и гибкости структурных составляющих особой культурной конструкции, использующей сетевые технологии для создания новых форм социального взаимодействия и связанных с ними практик. Это приводит к возникновению новых социальных и политических движений, переносу акцентов в системе – люди/идеи/власть,

"КАЖДАЯ НОВАЯ
ТЕХНОЛОГИЯ
СОПРОВОЖДАЕТСЯ
КОМПЕНСАТОРНОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ
РЕАКЦИЕЙ"

но обращает внимание на проблемы устойчивости этой динамической структуры, институциональной стабильности и адаптивности вовлеченных элементов.

Постановка указанных проблем и объективная необходимость их разрешения наглядно демонстрирует: даже самая высокая степень децентрализации не означает реального отсутствия организующего элемента. Сетевое общество представляет собой

сложную и динамичную систему, особое значение в которой приобретает роль институтов гражданского общества и комплекс неформальных регуляторов культурной сферы, осмысливающей социальные последствия глобальных тех-

нических новаций и являющейся в условиях трансформирующегося общества его эгрессивным [7] центром, отсеивающим нежелательные установки и формирующим сдерживающие механизмы для облегчения адаптации включенных элементов. Система социальных "сдержек и противовесов", создаваемая за счет централистической культурной связи – "эгрессии", обеспечивает устойчивое функционирование общества, когда "каждая новая технология сопровождается компенсаторной гуманитарной реакцией" [8]. Изменения механизмов личностной адаптации, в новых средовых условиях гибридного социального пространства, порождают новые формы идентификации, транслируемые и воспринимаемые через цифровые образы и реализуемые в цифровых формах идентичности. Помимо цифровой идентичности отдельных индивидуумов приобретает остроту вопрос ее коллективной формы, а также проблема развешествления значимых для устойчивого функционирования общества механизмов, а порой и целых институтов. Так, К. Омае охарактеризовал "химеризацию" краеугольных экономических процессов как "главный парадигмальный сдвиг последнего десятилетия"

[9], доходящий порой до крайней степени в условиях "реальной виртуальности", когда "деньги уже не "кровь" (как формулировал Т. Гоббс), а "язык жестов" [10].

Концепция сетевого общества, подметившая специфическую мобильность и повышение скорости взаимодействия, хоть и не заостряет внимание на сбалансированности институциональных изменений, но закладывает основу *концепции цифровой экономики*. Формируя исторически первое ее определение, Д. Тапскотт оперирует понятием: "эпоха сетевого интеллекта" (Age of Networked Intelligence) – "взаимодействие людей посредством сетевых технологий, объединивших "интеллект, знания и творчество для совершения прорыва в создании общественного капитала и благополучия" [11]. Данный подход комплексно отражает последствия цифровой трансформации общества как на микроуровне – отмечая изменения в ключевом механизме социального взаимодействия; так и на макроуровне, подчеркивая сетевой характер новых форм интеракций, раскрывающийся не только посредством информационных технологий, но и через глобальную взаимозависимость экономических и социальных процессов.

К сожалению, большой потенциал этой концепции привел к критической неопределённости мнений относительно содержания титульного термина и противоположным практикам: чрезмерно широкой или напротив, ограниченной его трактовки. Конструирование унифицированного подхода к пониманию сущности "нового социотехнического мироустройства" через расширенное понимание "цифровой экономики" неизбежно подменяет понятие на смежное, но не совпадающее: "цифровая трансформация", в котором теряется акцент на фундаментальность институциональных изменений в базовой сфере человеческой жизнедеятельности. Ошибочен и противоположный подход, ограничивающий социотехнические трансформации только пределами экономической цифровой сферы и

игнорирующий культурные или политические факторы.

Попытка комплексного анализа институциональных трансформаций взаимосвязанных сфер общественной жизнедеятельности предпринимается в *концепции цифровой цивилизации*, которая связывает процессы глобализации, информатизации и цифровизации в контексте культурного смыслового комплекса. Данная теория, изначально трактующая цивилизацию как "материальную и социотехническую оболочку культуры, состоящей из ноосферы, аксиосферы и нормативно-регулятивной сферы", представляет цифровую ее форму через существование человека в "информационно-коммуникативном универсуме" [12]. Такое понимание дополнительно подчеркивает ключевую и организующую – эгрессивную роль культурных конструктов в формировании новой реальности. Приведем для сравнения определение, не содержащее подобного акцента, гласящее, что цифровая цивилизация – это "планетарная цивилизация, которая строится на идентичности информационно-коммуникационных технологий во всём мире и базируется на вычислительных процедурах различного масштаба и различной точности, позволяющих создавать образы реальности в кодовом виде" [13]. Несмотря на претенциозную глобальность оно вызывает закономерный вопрос: считать ли объективно существующее количество "интернет неимущих" выброшенными за пределы планетарной цивилизации?

Проблема максимальной включенности всех членов общества в глобальные процессы и обеспечения им равных возможностей в целях достижения экономической и социальной устойчивости находит отражение в *концепции устойчивого развития*, получающей в наши дни новое прочтение. Сегодня, сложившийся с 1950 г. подход к трактовке устойчивого развития общества, в основе которого лежит представление о трех его измерениях: экономическом, экологи-

ческом и социальном, обращает большее внимание к разработке социальной составляющей, на первый план выдвигается задача превращения цифровых технологий в инструмент содействия устойчивому развитию. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН "Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года" (Повестка 2030) среди основных задач в этой области называет: содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям, создание нормативного регулирования и формирование среды для функционирования стойкой инфраструктуры, обеспечение режима благоприятствования технологиям и равного доступа к ним и отмечает, что глобальное подключение сетей и научно-технические инновации "в столь разных областях, как медицина и энергетика" [14] представляют огромные возможности для ускорения человеческого прогресса. Комплексность заявленных мер обосновала практическую значимость внедрения элементов Повестки-2030 в национальные стратегии развития [15], но неоднозначные формулировки, в частности стремление "поддерживать разработки, исследования и инновации в сфере отечественных технологий в развивающихся странах, в том числе путем создания благоприятствующего политического климата" [14] и вмешательство революционно-дискретного драйвера – мировой пандемии, сформировали два полярных подхода к ее реализации.

Первый *подход конвергенции*, в рамках которого цифровое социальное пространство трактуется как трансграничная надгосударственная система, отрицает возможность сегментированного управления инфраструктурой информационного пространства под угрозой потенциальной "цифровой изоляции от глобального мира" [16]. Диаметрально противоположная *концепция регионализации* – предполагает возможность "подчинить потоки данных национальным юрисдикциям" [17] путем распространения на цифровое

пространство принципа территориальности и формирования коллективной региональной цифровой идентичности. Отметим, данные подходы прослеживаются при анализе научных работ и ярко отражают изменения, происходящие в современном обществе в геополитическом контексте, но на сегодняшний день не нашли отражения в комплексном определении, отражающем его сущность.

Обобщив наиболее масштабные социальные изменения и проанализировав наиболее популярные теории, акцентирующие внимание на отдельных ключевых особенностях современного общества, можно констатировать: формирование дефинитивного понятия, содержащего все ключевые признаки исследуемого явления, попросту невозможно, в силу длящегося воздействия комплекса социотехнических драйверов эволюционного характера и непредсказуемостью проявления революционных факторов. Существующие определения и терминологические обороты, при всех достоинствах, недостаточно четко отражают закономерности и динамику развития, особенности функционирования, или структурные взаимосвязи актуальной социальной реальности. Тем не менее, проблема, затронутая нами в начале нашего исследования, требует своего разрешения. Необходимо формирование надлежащего понятия, одинаково эффективно отражающего сложность внутренних связей на уровнях преобразования научного знания, выстраивания и структурирования социального пространства, усложнения механизмов социального взаимодействия, внутренний рефлексии и самоидентификации, институциональных, в том числе, культурных "проходящих через все сферы человеческой деятельности" [18] особенностях.

Сложность поставленной задачи требует перейти от "понятия о вещах" к "понятию об отношениях", отыскивая такое, которое "содержит в себе всеобщую схему и образец, по которому создано современное понятие о природе в его прогрессивном историчес-

ком развитии". Э. Кассирер отмечал: "настоящая функция понятия заключается в том, что оно содержит в себе закон отношения, посредством которого только и создается новая и своеобразная связь многообразия" [19] и предполагал высокую практическую значимость "функционального понятия" в котором субстанциональный анализ (выражение простого существования) заменяется функциональным анализом (выражением определенного порядка), происходит синтез всеобщего и особенного и осуществляется объединение элементов за счет "мысленного координирования, с помощью которого мы связываем в одно систематическое единство совершенно различные сами по себе элементы" [19].

Объединение всех заявленных уровней возможно в термине "архитектони-

ка", понимание которого парадоксально проходит через все перечисленные аспекты. Семантический анализ составных частей термина "архитектоника": "archi" (греч) – высшая степень, старшинство или главенство, и "tektonikos" (греч) – построение конструктивного целого из отдельных структурных деталей – дает нам представление об интегральной категории, на протяжении всей истории научной мысли, приобретавшей как философский, так и междисциплинарный смысл.

И-Г. Ламберт, определял архитектуру как искусство установления структуры метафизического знания и его одновременного обогащения новыми понятиями и математическими принципами: "для архитектуры [метафизики] я беру простое и первичное в каждой части человеческого познания: принципы, которые являются причинами, взятыми из формы; аксиомы, которые должны быть взяты из материи, и постулаты, указывающие на всеобщие и безусловные возможности соединения и связи простых понятий" [20]. И. Кант считал наиболее

ценным искусство конструирования системы науки на основе идеи архитектурной целостности: "идея целого – первое, что нужно видеть и искать в науке" [21], выстраивая "архитектуру чистого разума" [22] (architektonik der reinen vernunft) – "телеологию разума", переходя от идеи целого к структурным частям, прирастающим и динамически взаимосвязанным. Исследователи отмечают, что и сама философия И. Канта, выстраивается по провозглашенному им же архитектурному принципу: "напоминает живой организм, развива-

ющийся во времени. В нем происходят "возрастные изменения", но всегда присутствует, остается нечто изначальное, что позволяет сохранять идентичность намерений и целого" [23].

Термином "архитектоника", для "научного удоб-

ства и практической продуктивности" построения системы социологии, оперировал П.А. Сорокин, представляя архитектуру социологии, как совокупность следующих структурных частей: "сущее" – теоретическая социология (социальная аналитика от простейших социальных явлений до сложных систем взаимодействия, социальная механика и социальная генетика) и "должное" – практическая социология (социальная политика) [24].

Г.-В.Ф. Гегель применял данный термин, характеризуя процесс обогащения физического социального пространства многообразием создаваемых человеком искусственных форм: "человек создает архитектурно целостное свое окружение, которое можно рассматривать как "вторую природу" [25].

М.М. Бахтин использовал его для описания архитектурного строения внутреннего сознания человека ("пространство самого человека – вот ключ, который через искусство открывает новые пути в осмыслении реального мира. Единство мира эстетического видения есть конкретно-архитек-

тоническое единство, он расположен вокруг конкретного ценностного центра, который и мыслится, и видится, и любится. Этим центром является человек, все в этом мире приобретает значение, смысл и ценность лишь в соотношении с человеком" [26]) и архитекtonику поступка – структуру взаимодействия ("высший архитектурный принцип действительного мира поступка есть конкретное, архитектурно-значимое противопоставление "я" и "другого" (я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого)"). Примечательно, что идеи М. Бахтина, вначале воспринятые структуралистской и постструктуралистской философией, по прошествии времени получили наибольшее развитие в социологии и психологии, при этом особую популярность в западном научном дискурсе приобрели вопросы интерпретации социально-культурной идентичности, количественных и качественных оценок динамической природы личности [27]. Так, К. Кларк и М. Холквист, в труде, посвященном М.М. Бахтину, условно обобщают его взгляды из нескольких незавершенных работ в категорию "архитектоника ответственности" и отмечают: "важность такой архитектуроники состоит в ее способности установить временное и пространственное положение, дать определение мириадам изменений, действиям, которые одновременно определяют "меня" [28].

Большой интерес представляет разработка архитектурных идей в сфере современных культурно-цивилизационных исследований. Например, И.В. Кондаков, анализирует "архитектонику культуры" как феномен "сложнейшей чересполосицы" пластов "снятого", "актуального" и "потенциального" содержаний смысловых уровней каждой культурно-исторической эпохи, не смешивающихся друг с другом, но постоянно "перекликающихся" между собой" [29], трансформирующегося одновременно на трех уровнях своего содержания в двух направлениях – горизонтально, как культурно историческая динамика системы, и

вертикально – как ценностно-смысловой рост многослойного культурного содержания. Данное мнение обрело популярность у современных отечественных представителей цивилизационного подхода, которые выделяют архитекtonику цивилизационного развития российского общества, как "сложную подвижную конфигурацию базовых компонентов: социальной структуры, культуры, институтов, субъектности (или агентности) каждый из них включает множество исторически унаследованных, привлеченных извне и новаторских способов, форм и моделей жизнедеятельности" [30].

Отечественные исследователи продолжают эти линии, применяя термин "архитектоника" для анализа, интерпретации и оценки сложных комплексных явлений, подразумевающих наличие внутренней иерархии смыслов, не исключающих динамических, многоуровневых трансформаций, например, В.Ф. Юлов конструирует "архитектонику чувственной психики", а Б.И. Иванов "архитектонику технoзнания". Наиболее общее определение приводит С.В. Норенков: архитектоника – это "целостность многообразных творимых человеком форм и явлений, формирующих универсальное средовое поле на эстетическом, этическом и социокультурном уровнях" и дополняет это определение значимым, в контексте нашего исследования, замечанием: "архитектонический принцип, максимально учитывает взаимодействие сред и миров, сфер и полей, будучи соединен с высокими интеллектуальными технологиями, позволяет добиваться наибольшей продуктивности от всех проявлений деятельности человека, проявляясь наиболее конструктивным образом в социальных преобразованиях: от локальных технических систем до глобальных урбанизированных ареалов" [31].

Признавая ценность проанализированного выше функционального понятия, возможно сформулировать комплексное определение, отражающее многоуровневые трансформации, происходящие в современном обществе, следующим образом.

Цифровая архитектура – динамическая эрессивная система критически важных сфер жизнедеятельности, получающих цифровую оболочку под воздействием эволюционно-непрерывных и революционно-дискретных факторов, формирующая личностные и коллективные (региональные) формы цифровой социально-культурной идентичности в условиях структурированного цифрового социального пространства.

Применение данного функционального понятия и комплексного определения делает возможным выявление и анализ структурно-функциональных закономерностей развития социума, как в контексте диагностирования текущих проблем в институциональном регулировании, так и для выявления потенциальных угроз и способов их предотвращения, и приобретает высокую значимость для формирования стратегии устойчивого, поступательно-прогрессивного развития общества в изменяющихся условиях.

Примечания:

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества. Сокращ. перев. Ю.В. Никуличева // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П.С. Гуревича. – М., 1988. – С. 330.
2. Google-trends статистика запросов. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=all&q=Information%20society,Digital%20society,post-industrial%20society>
3. Науменко Т.В. Методологический анализ концепции информационного общества / Т.В. Науменко // Информационное общество. – 2018. – № 2. – С. 4-9. – EDN YBMSEX.
4. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
5. МакЛюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.; Жуковский: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2003.
6. Григорьева М.А. Расщепление коммуникативного поля на шум и молчание: трудности диалога и разобщение // KANT. – 2020. – №4 (37). – С. 253-260. EDN: ASCPWC. DOI: 10.24923/2222-243X.2020-37-54. – С. 254.
7. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. Издание третье, заново переработанное и дополненное. – М., 1989. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 07.10.2010. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/5909>

8. Нейсбит Д. Мегатренды / пер с англ. М.Б. Левина. – М.: АСТ; Ермак. 2003. – 380.
9. Ohmae K. The borderless world, power and strategy in the interlinked economy. London, 1990.
10. Иванов Д. В. Постиндустриализм и виртуализация экономики // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Том 1. – № 1.
11. Tapscott D. (1996) The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York, NY: McGraw-Hill.
12. Дзялошинский И.М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакommunikаций: монография / И.М. Дзялошинский; под ред. Л.К. Лободенко. – Челябинск: ЮУрГУ, 2020. – 551 с. – (Сер. "Цифровая цивилизация. Медиакommunikации. Интернет-маркетинг")
13. Кирсанов К.А., Попова С.А. Цифровая цивилизация // Мировые цивилизации. – 2020. – №1-2.
14. Резолюция ГА ООН 25 сентября 2015 года A/RES/70/1 Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Электронный ресурс. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf
15. Elmassah S. Mohieldin M. (2020) Digital transformation and localizing the Sustainable Development Goals (SDGs) // Ecological Economics. V. 169. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106490>
16. Mueller M. Will the Internet Fragment?: Sovereignty, Globalization and Cyberspace. 2017; Malden, MA: Polity.
17. Polatin-Reuben D., Wright J. An Internet with BRICS Characteristics: Data Sovereignty and the Balkanisation of the Internet // 4th USENIX Workshop on Free and Open Communications on the Internet (FOCI 14). – 2014.
18. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992.
19. Кассирер Э. Познание и действительность. – СПб., 1912 (репринтное издание).
20. Штининг Г. От математической к критической метафизике природы. Ламберт и Кант // Кантовский сборник. – 2022. – Т. 41. – No 2. – С. 42-67. DOI: 10.5922/0207-6918-2022-2-2
21. Kant I. (1900). Gesammelte Schriften, hrsg. von der Preußischen (Deutschen) Akademie der Wissenschaften. Berlin: Reimer (Walter de Gruyter). Электронный ресурс. Режим доступа: https://archive.org/details/bub_gb_mL8LAAAAIAAJ
22. Кант И. Критика чистого разума. – М., 1964.
23. Барбашина Э. В. Учение Канта об архитектонике как способ аутентичного понимания его философии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. – 2014. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 151-156.
24. Сорокин П.А Система социологии: [Т. 1-2] / Питирим Сорокин. – Петроград : КОЛОС, 1920. – 2 т.

URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008564661

25. Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика: в 4 т. – Том 3. – М.: Искусство, 1971.

26. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. – М., 1986. – С. 80-160.

27. Гаспарян Д.Э. Понятие социальной идентичности в западной рецепции М.М. Бахтина: от "Arts & Humanities" к "Social Studies" // Наука. Искусство. Культура. – 2021. – №4. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsialnoy-identichnosti-v-zapadnoy-retseptsii-m-m-bahtina-ot-arts-humanities-k-social-studies> (дата обращения: 13.04.2023).

28. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. – Harvard University Press, 1984. – 398 p. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://archive.org/details/mikhailbakhtinookate>

29. Кондаков И.В. Архитектоника российской цивилизации // Культурология: история культуры России: курс лекций. – М., 2003.

30. Российское общество: архитектура цивилизационного развития: монография / Р.Г. Браславский, В.В. Галиндабаева [и др.]; отв. ред. В.В. Козловский; ФНИСЦ РАН. – М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. – 340 с.

31. Норенков С. В. Архитектоника и синархия: концептуальное проектирование и моделирование: монография. Часть 1 / С. В. Норенков – Н. Новгород: Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т, 2005. – 268 с. ISBN 5-87941-396-9

BUILDING SOCIAL IMMUNITY IN ORGANIZATIONAL RELATIONSHIPS

Bikmetov Evgeniy Yurevich, DSc of Sociological sciences, Professor

Galikhanov Rinat Radikovich, Undergraduate student

Golikov Sergey Vladimirovich, PhD of Sociological sciences, Associate Professor

Kuznetsova Elena Vladimirovna, PhD of Sociological sciences, Associate Professor

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Republic of Bashkortostan

The purpose of the study is to analyze the factors of social immunity formation in organizational relations, including resistance, professional stress resistance, in a technocratic society in which the forces of social interactions are weakened. Social immunity contributes to the resistance to external threats, the source of which is the weakening of the mental and spiritual layer of culture. Modern Russian society must preserve its own layer of spiritual culture, which is eroded by technocratic spirit and values. The article substantiates the idea that social resistance is the ability to withstand external risks, threats of social environment factors. Social resistance allows an employee's personality to resist the pressure of internal and external organizational conditions and factors, to overcome professional stress, to prevent burnout. This problem is also connected with social immunity, which provides preservation of spiritual qualities of a person, social organization and society.

Keywords: social immunity; organizational relations; social resistance; stress resistance; social and emotional burnout; spiritual layer of culture.

EDN: NERNTB; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.8

Цитировать: Бикметов Е.Ю., Галиханов Р.Р., Голиков С.В., Кузнецова Е.В. Формирование социального иммунитета в организационных отношениях // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 72-77. **EDN:** NERNTB. **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.8

УДК 316.628

БАК 5.4.4

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

© Бикметов Е.Ю., 2023

© Галиханов Р.Р. и др., 2023

БИКМЕТОВ Евгений

Юрьевич, доктор
социологических наук,
профессор

ГАЛИХАНОВ Ринат

Радикович,
магистрант

ГОЛИКОВ Сергей

Владимирович,
кандидат социологических
наук, доцент

КУЗНЕЦОВА Елена

Владимировна,
кандидат социологических
наук, доцент

Уфимский университет
науки и технологий,
Уфа, Республика
Башкортостан

Цель исследования – анализ факторов формирования социального иммунитета в организационных отношениях, включая резистентность, профессиональную стрессоустойчивость, в технократическом обществе, в котором силы социальных взаимодействий оказываются ослабленными. Социальный иммунитет способствует противостоянию внешним угрозам, источником которых является ослабление душевного и духовного пласта культуры. Современное российское общество должно сохранить свой пласт духовной культуры, который размывается технократическим духом и ценностями. В статье обоснована мысль, согласно которой социальная резистенция есть умение противостоять внешним рискам, угрозам факторов социальной среды. Социальная резистентность позволяет личности работника противостоять давлению внутри и внешнеорганизационных условий и факторов, преодолевать профессиональный стресс, препятствовать выгоранию. Данная проблема также связана с социальным иммунитетом, который обеспечивает сохранение духовных качеств личности, социальной организации и общества.

Ключевые слова: социальный иммунитет; организационные отношения; социальная резистентность; стрессоустойчивость; социальное и эмоциональное выгорание; духовный пласт культуры.

Социальная резистентность связана с потенциалом личности, социальной группы, общества противостоять внешним обстоятельствам и угрозам экономических, социальных и духовных рисков. Человек обладает способностью повысить свой потенциал сопротивления деструктивным влияниям, чем фор-

мирует социальный иммунитет, позволяющий воспроизводить элементы общества. При этом осознанный иммунитет проявляется в умении бороться с социальным и эмоциональным выгоранием, так как связан с преодолением стрессовых ситуаций, поддержанием духовных и душевных качеств человека и общества в условиях социально-экономической и культурной поляризации, давления факторов глобализации и информатизации, размывания духовного пласта культуры технократическим духом. На актуальность рассматриваемой проблемы указывают опубликованные результаты научных исследований [1; 2; 3].

Анализ тенденций в общественном сознании показывает стремление придать положительное значение происходящему. Резистентность человека представляет собой разные способы сопротивления инородным влияниям, проявляющимся в поведении, имеющим следствием или целью изменение действий, чувств, мыслей других по отношению к стимулам (проблеме, продукту, действию) [4, 16]. Гражданская субъектность человека, предполагающая сознательную и автономную активность в проектировании собственной жизни, в том числе и профессиональной, во многом зависит от его резистентности.

Социальные отношения всегда регулировались нормами, различными запретами. Но культура человеческих взаимоотношений не сформировала бы духовное бытие человека без условия, при котором влияние человеческого бытия на социальную жизнь не противодействовало бы таким явлениям, как манипулирование общественными силами, имитация реальной деятельности. Нам думается, что человечность общения способствует повышению способности к сопротивлению деструктивным влияниям. А это обстоятельство повышает социальный иммунитет, способствуя выстраиванию траекторий личностного развития, конструированию смыслов своей жизни. Именно данное обстоятельство создает необходимость

подключения в инструментарий социогуманитарного знания понятия "резистентность". Современный человек, пребывая в состоянии социальной апатии, становится индифферентным к общественным ценностям. Утверждающийся в обществе узкопрагматический дух деформирует мышление человека, его социальную активность.

С одной стороны, человек стремится к устойчивости своей жизнедеятельности. Но воспроизводство сущностных сил человека, как правило, наталкивается на его свободу стать другим. Жизненный мир человека связан с формированием самого себя. Этот мир связан с возрастанием социальной ответственности за свой выбор, свою жизнь. Социальная резистенция проявляется в способности человека к сопротивлению деструктивным влияниям, связана с проблемой духовного выгорания и уходит своими корнями в утрату оценочной и компенсаторной деятельности социального субъекта. Душевная культура, мотивированность деятельности общественного субъекта нуждаются в постоянной энергетической "подпитке".

Современное российское общество имеет в своем запасе силы, способные противостоять влиянию прагматических тенденций. Личность связана в той или иной мере с творческой деятельностью, обладает духовным потенциалом. Человечность действий сопряжена с наличием ценностей и смыслов. Человек, постоянно находясь в движении к социальному благу, испытывает духовное выгорание. Страх потерь ведет к утрате душевной устойчивости, выгоранию в социально-трудовых отношениях, профессиональным стрессам. В настоящее время в управленческой деятельности необходимы интеллектуальные и материальные инвестиции в профилактику синдромов стресса в целях не только сохранения, но и воспроизводства человеческих ресурсов.

Механизм формирования социального иммунитета связан с введением в общественный оборот экономических и духовных

средств в организационно-управленческие профилактические программы. На противостояние моральному выгоранию влияют управляемая рабочая нагрузка, мягкое регулирование духовной автономии работника, командная работа, базирующаяся на чувстве общности членов социального коллектива, разделяемых ими ценностях. Эти факторы снижают проблему социального дистанцирования личности и повышают личную стрессоустойчивость.

Однако, как показывают исследования, такой подход к работе своих сотрудников существует в относительно небольшом количестве компаний. В большинстве организаций распространены "авралы" в рабочем процессе, ресурсозатратная внутренняя конкуренция, конфронтации "руководитель-подчиненный", агрессивные усилия видоизменить социальную ситуацию. Технократически ориентированные менеджеры предпочитают реализовывать бизнес-проекты в ущерб духовному, душевному, а иногда и физическому здоровью персонала, который находится в состоянии постоянного профессионального стресса, что в итоге приводит к духовному и социальному выгоранию. Чтобы как-то нивелировать эту проблему, в кадровой политике находят проявление установки эйджизма, скрытая, а иногда и открытая возрастная дискриминация. На необходимость формирования устойчивости к стрессу, овладения динамичным комплексом компетенций как факторам организационной жизнеспособности персонала обращают внимание исследователи [5]. Физическая, духовная перегрузка персонала, рост неудовлетворенности выполняемой работой отмечалась и в нашем исследовании [6].

Наши рассуждения подкрепляются опросом россиян о влиянии стрессовых ситуаций, проведенным ВЦИОМ в 2022 г. Исходя из полученных ответов, основной причиной стресса в России является работа (22%). При этом наиболее подверженной является возрастная категория 25-44 года, которая и

экономически, и творчески является самой активной частью населения, но еще не обладают повышенной резистентностью и, как следствие, у них не сформирован окончательно социальный иммунитет. Зачастую, стремление этой категории к стабильности в жизни вступает в противоречие с политической менеджмента компаний, что, несомненно, приводит к стрессу. Не у всех получается справиться с нагрузкой и в личной жизни, и в профессиональной деятельности, что и приводит к эмоциональному и социальному выгоранию. Интересно, что согласно данному опросу наибольшей стрессоустойчивостью обладают люди старшего возраста (за 60) – 42%, что позволяет говорить о высоком уровне социального иммунитета у данной категории населения, который у них сформировался, скорее всего, во время тяжелых социальных потрясений 1990-х годов [7].

Важнейшим качеством в профессиональном психологическом портрете работника являются развитые навыки психофизиологической саморегуляции [8, 253]. Разумное применение различных методов саморегулирования эмоциональной устойчивости (аутотренинг, релаксация, дыхательная гимнастика [9]) может позволить человеку снизить негативные последствия стресса и создать условия для морально-духовного восстановления. Уровень эффективности саморегуляции личности зависит от ее волевых качеств, эмоциональных процессов, темперамента и множества других влияющих факторов. Саморегулятивные действия человека можно считать начальным звеном формирования социального иммунитета. Вместе с тем необходима внешняя поддержка эмоционального состояния работников – организационная профилактика стресса, которую многие руководители считают излишними затратами ресурсов (финансовых и временных). Менеджер, заботящийся о морально-духовной составляющей трудовой деятельности подчиненных, должен понимать необходимость применения методов

комплексной профилактики профессионального стресса – от приглашения социального психолога и проведения сеансов "психологической разгрузки" до такого специфического инструмента, как "метод электротранквилизации".

Выработке социального иммунитета на социетальном уровне общественной организации способствует повышение качества жизни населения, расширение в досуговой деятельности форм творческой, интеллектуальной активности, совершенствование ее инфраструктуры. Но это требует корректировки программ, в которых регулируется отношение государства к бюджету времени, в том числе к свободному времени, различных социальных групп. Исследования показывают, что доля досугового времени в сравнении со всем рабочим и нерабочим временем у занятых групп населения незначительна. Стремление посредством трудовой активности материально обеспечить свою жизнедеятельность, решить бытовые проблемы, достигнуть чисто количественных показателей доминирует во всех социальных группах, что ускоряет процесс социального выгорания. В уже упомянутом выше опросе ВЦИОМ, респонденты отвечали на вопрос, связанный с досуговыми поведенческими практиками противостояния стрессовому состоянию. Первое место занял ответ "общение с друзьями и близкими" – 28%, что вполне согласуется с российским менталитетом. На втором месте – 20% ответов респондентов – ответ "занятие спортом", что свидетельствует о преобладании положительных практик в социальной резистентности россиян. Разумеется, существуют и негативные практики – курение, алкоголизм, употребление антидепрессантов, но у них гораздо более низкий процент ответов. Надо заметить, что такая западная, связанная с идеологией протестантизма, практика формирования социального иммунитета, как "посещение психолога" до сих пор не получила в России широкого распространения – 7% респондентов [7]. Занятие спортом

свидетельствует о физической активности в борьбе людей со стрессом, но данный опрос не затрагивает интеллектуальную резистентную активность. Единственное, есть ответ "ничего из перечисленного" с высоким показателем ответов (27%) [7], который позволяет предположить, что есть довольно многочисленные социальные группы россиян, которые стремятся реализовывать социальную резистентность с помощью духовно-интеллектуальных средств – посещения концертов и театральных постановок, музеев, чтения научной и художественной литературы. Мы можем предположить, что интеллектуальные практики являются более устойчивыми в процессе формирования социального иммунитета, чем физические.

В настоящее время социальный иммунитет человека сталкивается с проблемой социального выгорания, во многом ускоряемого неопределенностью ситуации, требующей от человека принимать решения в условиях постоянного риска. Человек стремится отыскать в информационной среде материальную и духовно-эмоциональную помощь. Социальное выгорание человека в организационных отношениях связано с его усилиями придать положительное усилие происходящему, стремлением к интерпретации трудностей в положительных терминах. Менеджер, работник ощущает обций дискомфорт. При этом он отказывается от стратегии планирования своих целей, стремится избежать проблемных ситуаций и признать свою роль в порождении социальных проблем. Значительной части населения свойственно ожидание лучшего будущего, однако оно не видит алгоритма действий по его достижению. В результате переживания такого состояния человек попадает в экзистенциальный вакуум. Этот вакуум проявляется не только в российском социуме. Помимо различных угроз он связан с ослаблением духовного пласта культуры, выгоранием социальных сил деятельности.

До тех пор, пока ведущими общественными ценностями остаются понятное и удобное, связанные с прагматическими стремлениями, будет заявлять о себе экзистенциальная фрустрация, влияние экзистенциального вакуума, разрушающего смыслы человека. Следует учитывать экзистенциальную потребность в социальной идентификации, самоутверждении, которая сопряжена с проявлениями духовной искренности, честности.

Экзистенциальные и исторические дихотомии человека связаны с характером личности. Типы характера человека сопряжены с неплодотворными ориентациями: рецептивной, эксплуататорской, стяжательской и рыночной [10, 65-84]. Исследователи обращают внимание на эмерджентные свойства социального характера в стабильных и нестабильных социальных ситуациях [11]. Но человек лишь в том случае проявляет способность к сопротивлению внешним влияниям и формированию своего неосознанного иммунитета, когда жизненные обстоятельства выступают в качестве преград. В результате иммунными характеристиками осознающего самого себя человека и общества выступают рефлексия, плодотворное мышление, ориентация на гармоничное сочетание материальных и духовных ценностей в процессе организационной социализации.

Гуманная совесть не связана с "интериоризованным голосом авторитета" (Э. Фромм). По сути дела, речь идет о позиции ответственности, которая не зависит от внешних санкций и поощрений. Чтобы сохранить социальный иммунитет, необходима эмоциональная устойчивость человека к воздействию факторов стресса. Профилактика стресса, по-видимому, сопряжена с определенными трудностями. Человек осознает расхождение между знаниями и эмоциями. Эмоциональная природа человека занимает особое значение в его деятельности. Освоенные знания являются устойчивыми, если пропускаются через чувства. Эмо-

ция обеспечивает человеку устойчивость к стрессам и связана с опасением утратить ценные для него объекты. Именно данное обстоятельство обеспечивает социальный иммунитет, означает сдержанную позицию к росту морального истощения и социального выгорания. Нарушение чувственной природы человека ослабляет его иммунитет. Человек утрачивает силу к сопротивлению деструктивным влияниям. Потребность, желание направляет эмоциональную и интеллектуальную деятельность. Мысль выступает в качестве единства интеллектуального и эмоционального. Однако образы объективной действительности могут не соответствовать понятиям о ней. В связи с этим иммунитет имеет достаточно неустойчивую природу. Противопоставление эмоций рациональному познанию можно проводить лишь условно, только в том случае, когда речь идет об иммунитете, который связан с сохранением словесно-логического механизма формирования социума, где образы объективной действительности состыкуются с понятиями о ней.

Таким образом, ориентации человека играют ключевую роль в процессе организационной социализации. Обществу необходима система нравственных ориентаций, разрушающая агрессивные устремления. Люди не могут существовать в условиях симбиотической зависимости, когда один человек, хотя и связан с другими, но утрачивает свою независимость. Социальный иммунитет в организационных отношениях лишь в том случае является сильным, когда человек перестает рассматриваться как вещь для использования и эксплуатации другим человеком, государством, когда он выступает целью, а не средством получения выгод. Личность всегда включена в социальный и организационный контекст. Взаимодействие в рамках сплоченной группы, проникновение "духом" командной работы и атмосферой доверия требует овладения соответствующими компетенциями, опирающимися на личностные и групповые цен-

ности [12, 29]. Это обстоятельство выступает условием формирования социального иммунитета в организационных отношениях, который предохраняет личность от всякого рода угроз. Эти угрозы связаны с воспроизводством поведения, которое ослабляется нарушением душевного слоя культуры. Необходимо понимать, что не все то истинно, что является выгодным человеку и обществу. Такая мировоззренческая установка сопротивляется обеднению ценности существования человека, социальной организации и общества.

Литература:

1. Бирюкова А.В. Социальный иммунитет молодежи // Научное мнение. – 2013. – № 3. – С. 181-184.
2. Жапуев З.А. Социальный иммунитет как предмет социологического исследования: концептуализация понятия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 46-50.
3. Храмцова Ф.И. Социальный иммунитет молодежи как фактор национальной безопасности Республики Беларусь // Социологический альманах. – 2015. – № 6. – С. 65-76.
4. Зимбардо Ф., Ляйпле М. Социальное влияние / пер. с англ. под ред. А. Свенцицкого. – СПб.: Питер, 2011. – 448 с.
5. Захарова Л.Н., Саралиева З.Х.М., Маслова О.А., Махалин А.И. Организационная жизнеспособность персонала как социальный феномен // Личность. Культура. Общество. – 2022. – Т. 24. – № 1 (113). – С. 87-102.
6. Амирханова Л.Р., Бикметов Е.Ю., Бронников М.А., Зиннуров У.Г. Обоснование применения методических инструментов риск-менеджмента в управлении стартапами // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2019. – № 3. – С. 76-91.
7. Аналитический обзор ВЦИОМ "Стресс и как с ним бороться". 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsja?ysclid=l84rf8oxql527490033&cHash=5678471af170b1f5e0afc7a6bfo88bc7> (дата обращения 07.06.2023)
8. Локотош А.И., Марина И.Е. Повышение ресурсов стрессоустойчивости населения на основе современных образовательных технологий саморегуляции // Педагогика и психология: проблемы развития мышления: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева, 2017. – С. 252-257.
9. Питкевич М.Ю. Способы оценки и повышения уровня стрессоустойчивости // Вестник РУДН. Серия Экология и безопасность жизнедеятельности. – 2013. – № 5. – С. 47-52.
10. Фромм Э. Человек для себя: исследование психологических проблем этики / пер. с англ. и послеслов. Л.А. Чернышевой. – Минск: Коллегиум, 1992. – 253 с.
11. Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Коровкина Н.В., Садретдинова Э.В. Социальный характер: вопросы методологии и методов исследования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 5 (62). – С. 233-244.
12. Амирханова Л.Р., Бикметов Е.Ю., Голиков С.В. Стартапы как средство повышения адаптивности бюрократической структуры управления корпорацией // KANT. – 2020. – № 1 (34). – С. 26-30.

INTERGENERATIONAL TIES IN THE PROCESS OF SOCIALIZATION OF MODERN YOUTH: POINTS OF CONVERGENCE AND TENSION *

Gritsenko Galina Dmitrievna, DSc of Philosophical sciences, Professor, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, laboratory of conflictology, Stavropol

Maslova Tatyana Fedorovna, DSc of Sociological sciences, Professor

Smagina Maria Viktorovna, PhD of Sociological sciences

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol

The article is aimed at considering the socializing potential of intergenerational ties. The most optimal theoretical, methodological and empirical foundations for studying the state of intergenerational relations as the spiritual basis of youth socialization are shown. Based on the analysis of the data obtained, expressed in the assessments and impressions of the respondents, the points of convergence and tension of the generation of children (students) with the generations of their "fathers and grandfathers" are shown. Social qualities, typical in modern Russian reality, both stimulating and restraining intergenerational ties, are singled out. The spiritual connection of student youth with representatives of older generations has been recorded, which can contribute to their successful socialization.

Keywords: intergenerational connections; student youth; social qualities of generations; the spiritual basis for the rapprochement of generations; socialization.

EDN: OMPWAU; DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.9

Цитировать: Гриценко Г.Д., Маслова Т.Ф., Смагина М.В. Межпоколенные связи в процессе социализации современной молодежи: точки сближения и напряжения // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 78-86. EDN: OMPWAU. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.9

УДК 316.455

БАК 5.4.4

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ СВЯЗИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ТОЧКИ СБЛИЖЕНИЯ И НАПРЯЖЕНИЯ **

© Гриценко Г.Д., 2023

© Маслова Т.Ф., 2023

© Смагина М.В., 2023

Статья нацелена на рассмотрение социализирующего потенциала межпоколенных связей. Показаны наиболее оптимальные теоретико-методологические и эмпирические основы исследования состояния межпоколенных отношений как духовного источника социализации молодежи. На основании анализа полученных данных, выраженных в оценках и впечатлениях респондентов, показаны точки сближения и напряжения поколения детей (студентов) с поколениями своих "отцов и дедов". Выделены типичные в современной российской реальности социальные качества, как стимулирующие, так и сдерживающие межпоколенные связи. Зафиксирована духовная связь студенческой молодежи с представителями старших поколений, которая может способствовать их успешной социализации.

Ключевые слова: межпоколенные связи; студенческая молодежь; социальные качества поколений; духовная основа сближения поколений; социализация.

Введение

На протяжении многовековой истории одним из жизненно важных вопросов человеческого бытия выступает сохранение межпоколенных связей, выполняющих функции как родовых, так и социальных взаимодействий: консолидирующих, интеграционных, инновационных, социализирующих и др. В совре-

* The study was carried out as part of the implementation of the State Budget of the Federal Research Center of the SSC RAS, g/r. No. 122020100306-9.

** Исследование выполнено в рамках реализации ГЗ ФИЦ ЮНЦ РАН, г/р. № 122020100306-9.

менном мире нарастают факторы, сдерживающие эти функции. А именно: высокий уровень глобализации достаточно высок, темпы информатизации общества ускорены, расширены рамки цифровизации жизненного пространства, уплотнены инфокоммуникативные связи, обострены противоречия между нравственными ценностями старшего и молодого поколений. Все это актуализирует вопрос о состоянии и преемственности ценностного мира для сохранения культурно-исторической самобытности каждого общества, политико-управленческого суверенитета отдельного государства.

Проблема поколений всегда относилась к числу вечных [4], находит отражение в бытовом и художественном сознании людей. Так, в русской классической литературе часто исследовались процессы взаимодействия поколений: это и "Капитанская дочка" А.С. Пушкина, и "Тарас Бульба" Н.В. Гоголя, и "Отцы и дети" И.С. Тургенева, – такой перечень можно продолжить. Очевидно, что через взаимодействие поколений формируется сопричастность человека к тем или иным общественным явлениям, влияющим на жизнь социума, вырабатываются общие социально-психологические установки, ценностные ориентации, обуславливающие специфику менталитета народа [24]. И сегодня, когда современное общество "отличает усиление роли неконтролируемых человеком сил и тенденций, нарастание неуверенности и неопределённости, подавление тех проявлений человеческого духа, которые в прошлом вдохновляли людей к социальным преобразованиям" (З. Бауман) [1; 3], особое значение приобретает поиск оснований межпоколенных отношений как мощного фундамента прочности и устойчивости социума.

Проблема взаимоотношений между поколениями в современном российском обществе особенно обострилась в 1990–2000-е годы, что обусловлено, главным образом, такими культурно-историческими, социально-психологическими тенденциями, как отрицание в общественном сознании значимости достижений советского времени, неприятие определяющей, главенствующей роли Советского Союза в победе в Великой Отечественной и Второй мировой войнах, стирание чувства сопричастности к великой истории своей страны и ее прошлому. Подобные тренды негативно отражаются на мировоззрении подрастающего поколения, самосознании молодежи, способствуя отдалению поколений "отцов" и "детей" друг от друга, разрушая и отрицая традиционные жизненные нормы и установки, с одной стороны, и формируя, укрепляя предрассудки и негативные стереотипы, с другой, для проецирования "привлекательного" образа жизни нового поколения россиян. Опыт старшего и пожилого поколений становится невостребованным. В то же время без продуктивного взаимодействия поколений, что является одним из важных факторов не только социализации личности в обществе, но

ГРИЦЕНКО Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН, лаборатория конфликтологии, Ставрополь

МАСЛОВА Татьяна Федоровна, доктор социологических наук, доцент

СМАГИНА Мария Викторовна, кандидат социологических наук

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь

и развития социоцелостной системы общества, невозможно ни самосохранение личности, ни сохранение общества в целом. Именно поэтому важно продолжить исследование сущностного содержания межпоколенных отношений в современной российской реальности для фиксации наличия / отсутствия духовной связи молодых россиян с представителями старших поколений.

В научной литературе понятие поколения интерпретируется как совокупность людей, рожденных в один двадцатилетний период, и обладающих тремя общими критериями: возрастное положение в истории, что подразумевает под собой переживание одних и тех же исторических событий в примерно одинаковом возрасте; общие, единые верования, модели поведения и ощущение причастности к данному поколению [9, 95].

Научно-исследовательский капитал.

Проявления межпоколенных связей исследователями рассматриваются с разных сторон. Чаще всего ученые предлагают изучать проблемы взаимоотношений поколений в двух ракурсах: либо в рамках глобального разрыва между поколениями, который перманентно увеличивается [8], либо в контексте маятникового взаимодействия: конфликт – перемирие; противостояние – преемственность [12, 265]. В пределах этих двух основных подходов сформировалось множество путей осмысления характера взаимосвязей между поколениями. Так, все многообразие оттенков межпоколенных отношений некоторые ученые предлагают рассматривать по следующим направлениям: социальный контекст; духовно-нравственный; экономический; политический; бытовой; социально-психологический [25].

Часть исследователей полагают, что целесообразно изучать вопросы взаимодействия поколений через различные социальные среды-системы. А именно: в рамках микросистем, мезосистем, экзосистем, макросистем [12, 265].

В научной литературе есть и психологический подход к исследованию межпоколен-

ных отношений, правда, главным образом, в семье, имеющих как конструктивное, так и деструктивное направление их развития: принятие поколениями друг друга; сохранение семейной памяти; напряженность отношений; отчуждение поколений [18].

Долгое время межпоколенные отношения использовались учеными как синоним семейных [17; 11; 10]. По оценкам исследователей, наблюдается процесс межпоколенческого дистанцирования в семье и ослабление близких родственных связей" [19], межпоколенческие связи становятся все более запутанными и нестабильными [13, 438].

В то же время в современном многофакторном многосубъектном обществе, помимо семейных межпоколенных связей, существует целый ряд несемейных отношений, включающих как профессиональные, так и не связанные с профессией – гендерные, возрастные и др. [21].

Итак, современные реалии свидетельствуют о том, что межпоколенные отношения – это широкий пласт взаимодействий, обусловленный особенностями поколенческой идентичности (установками, ценностями, идеалами, направленностью и т. д.) [20], и сопровождаемый действиями социальных институтов и прежде всего – семьи, образования, государства.

В этой ситуации наиболее продуктивной стратегией решения проблем "отцов и детей" представляется налаживанием диалога между поколениями в масштабах общества, что отражено в Указе Президента Российской Федерации "Основы государственной культурной политики" [23]. Реализация такого диалога предполагает передачу опыта старших поколений потомкам и приятие его со стороны последующих поколений, а также обращение старших к миропониманию и опыту новых поколений. Такое "движение навстречу" способствует обогащению культуры отношений субъектов, развитию процесса социализации личности, социокультурной среды на принципах взаимопонимания и открытости.

Теоретико-методологическая и эмпирическая основы исследования. Важную роль в развитии данных тенденций играют исследовательские практики, нацеленные на описание и анализ ситуации, связанной с межпоколенными отношениями. Одна из таких практик представлена инициативным исследованием Российского общества социологов "Культурное наследие и связь поколений" (2022 г.), посвященном изучению связей поколений в меняющейся действительности, а также отношению студенчества к истории страны и народов, входивших в состав СССР [5]¹.

Основная идея исследования исходит из понимания, что картины мира студенческой молодежи и старших поколений формировались / формируются в разных ситуациях, поэтому неизбежен поиск площадки для диалога дедов-отцов / детей как условия стабильности общества [6].

Каковы условия и механизмы такого диалога? Одним из источников информации о них является опыт участников отношений. Поэтому результаты опроса студенческой молодежи, участвующей в исследовании "Культурное наследие и связь поколений", представляют информационную базу для определения "точек касания" и расхождения в межпоколенных связях, выраженных в оценках, мнениях, представлениях респондентов о ценностях, опыте прошлого и настоящего, степени их включения в жизнь современников.

Анализ и интерпретация полученных результатов позволяет раскрыть особенности социализации современной молодежи в многопоколенной среде российского общества. При этом методологически значимыми подходами в трактовке субъективных

оценок, значений, представлений и проектов будущего студенческой молодежи рассматриваются:

- социокультурный подход, при котором личность рассматривается через взаимосвязь общества как системы социальных отношений и культуры как совокупности ценностей и норм [14; 6];

- феноменологический подход, согласно которому "социальная реальность в большей мере связана с нормативно-ценностными структурами" [3], и, следовательно, в контексте отношений "общество – индивид" подчеркивается идея смыслов-значений, которые являются составляющими конструирования и интерпретации собственного жизненного положения и личной биографии". [26; 2].

Представляется целесообразным обращение к идеям осуществления социально-коммуникационной деятельности, проявляющейся в стремлении воспроизводить воспринимаемое поведение других индивидов и групп, практик, верований, установок и т. д., которые передаются из поколения в поколение. Этот процесс подражания способствует сохранению целостности общества (Г. Тард) [22]. Также заслуживает внимания идея, связанная с процессом формирования впечатлений (S. Asch), благодаря которому создаются впечатления о других на основании ряда факторов, в том числе субъективной интерпретации [28].

Выделенные подходы и идеи в интерпретации данных исследования способствуют пониманию сущности социализации, в процессе которой личность, с одной стороны, концентрирует, накапливает внешне обусловленный опыт и внутренне автономный опыт, с другой стороны, позиционирует себя и демонстрирует восприятие других в оценках, суждениях [16]. Рефлексии респондентов по этому поводу расширяет представление о типичных и характерных поведенческих моделях представителей поколений, их базовых установках по отношению к семье, историческому наследию, культуре, ценно-

¹ Исследование проведено в апреле-мае 2022 года методом анкетирования. Выборка по объекту исследования составила 9751 студент вузов России, в числе которых 893 студента Ставропольского государственного педагогического института, результаты опроса которых положены в основу статьи.

ствам, что способствует определению точек сближения и напряжения во взаимодействии.

Обсуждение результатов исследования

Результаты исследовательского проекта отражают степень выраженности данных признаков, содержащихся в ответах участников социологического опроса относительно характеристик своего поколения, поколения отцов / матерей, поколения дедушек / бабушек.

В исследовании выделены наиболее значимые положительные качества, указывающие на сходство и различия поколений ровесников, родителей, дедушек / бабушек (табл. 1)

Таблица 1 – Распределение положительных качеств поколений (%)

N	Ценности	Мое поколение	Поколение родителей	Поколение «дедов»	Итого
1	Ответственность	50,8	74,6	91,6	100,0
2	Взаимопомощь	57,2	77,4	88,3	100,0
3	Патриотизм	45,3	75,5	92,0	100,0
4	Сопереживание	61,0	76,8	84,3	100,0
5	Отзывчивость	57,9	76,7	84,9	100,0
6	Социальная активность	59,8	63,2	67,7	100,0

Согласно данным, приведенным в таблице 1, зафиксирован значительный разрыв между поколениями в одобрении социально значимых положительных качеств. Можно с определенной долей уверенности сказать, что "мое поколение" "проигрывает" своим "предкам" по всем социально необходимым ценностям, без которых общество как целостная социокультурная система будет подвергаться разбалансировки. Это касается, прежде всего, "патриотизма", где ценностное несоответствие по количеству выборов наиболее фундаментально: "мое поколение", поколению отцов / матерей, поколению дедушек / бабушек – соответственно, 45,3% – 75,5% – 92,0%. Серьезный дисбаланс наблюдается при оценивании качества "ответственности": 50,8% , 74,6%, 91,6%.

Некоторое приближение оценочных позиций имеет место при выражении поколениями своего отношения к "социальной активности". Однако налицо смещение векторов активности по шкале: "в интересах коллектива" – "в личных интересах" в пользу последнего у тех, кто представляет "мое поколение". Качество коллективизма более свойственно старшим поколениям. Многоликость этого качества была проиллюстрирована с помощью трех основных ценностей: взаимопомощь, сопереживание и отзывчивость. Данным ценностям привержены немногим более половины респондентов "мое поколение".

При анализе результатов ответов относительно отрицательных качеств наблюдается прямо противоположная картина: практически абсолютное большинство молодого

поколения не рассматривают приведенные отрицательные ценности как неприемлемые (табл. 2).

Важно подчеркнуть: все названные "антиценности" несут в себе соци-

ально-психологическую окраску, в определенной степени оказывают влияние на качество социального самочувствия подрастающего поколения. Возможно, именно поэтому многие молодые люди, даже те, кто не попадал под частичную мобилизацию, предпочли выехать за пределы страны. И с другой стороны, многие мужчины "поколения родителей" ушли добровольцами на СВО.

Таблица 2 – Распределение отрицательных качеств поколений (%)

N	Ценности	Мое поколение	Поколение родителей	Поколение «дедов»	Итого
1	Лень	84,2	25,9	20,1	100,0
2	Индивидуализм	80,1	28,3	23,2	100,0
3	Стремление к выгоде любой ценой	79,6	34,4	22,5	100,0
4	Неуверенность в себе	77,4	31,4	27,6	100,0
5	Фатализм, безразличие	74,9	29,1	23,5	100,0

При оценивании так называемых личностно-индивидуальных качеств разрыв между поколениями минимальный (табл. 3).

Таблица 3 – Распределение личностно-индивидуальных качеств поколений (%)

N	Ценности	Мое поколение	Поколение родителей	Поколение «дедов»	Итого
1	Чувство юмора	72,9	74,4	74,4	100,0
2	Способность к адаптации	68,2	64,6	64,6	100,0
3	Оптимизм	63,8	69,5	69,5	100,0
4	Гибкость	63,1	61,8	61,8	100,0

К таким чертам характера относятся: чувство юмора, способность к адаптации, оптимизм, гибкость. Безусловно, имеющее место ценностная гармония, сохраняющаяся между тремя поколениями, дает надежду на дальнейшее сближение представителей разных поколений, на укрепление межпоколенных связей и создание плацдарма для успешной социализации подрастающих граждан России.

Очевидно, что эти и другие качества "старших" влияют на проектирование жизни молодого поколения. Так, называя предпочтительные качества людей в идеальном обществе, студенты отметили: соблюдение моральных норм (77,6%), верность в браке (76,1%), доверие к другим людям (74,8%), надежность дружбы (74,7%), взаимопомощь (74,5%), знание истории своего народа (74,3%). Однако в реальном мире наличие всего этого отмечено меньшим числом респондентов: (от 54% до 62%), в противовес таким качествам, как личный успех и личная выгода (соответственно 70,9% и 76,8%).

Кроме социальных и личностных качеств, обеспечивающих социализацию, в различных источниках важными условиями межпоколенных связей рассматриваются и другие. Это: система преемственности и передачи культурных ценностей от поколения к поколению, приобщения к семейным и общественно-значимым ценностям (образование, здоровый образ жизни и др.) [2].

Сегодня аргументом сближения поколений можно рассматривать оценку качества патриотизма как маркера гражданской и личной идентичности. Как было отмечено, в ходе исследования 45,3% респондентов

выделили это качество как типичное для своего поколения (табл. 1).

Однако относительно собственной оценки этот показатель вырос почти в 2 раза. На вопрос: "Можете ли Вы назвать себя патриотом?", "Да" и "Скорее, да" ответили 86,2% (табл. 4). Такая оценка соотносится с оценками поколений родителей (75,5%) и дедушек / бабушек (92%).

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос: "Вы можете назвать себя патриотом?"

№	Оценка / мнение	Абсолютное число	Относительное число (%)
1	Нет.	32	3,5
2	Скорее нет, чем да.	34	3,7
3	Затрудняюсь ответить.	59	6,5
4	Скорее да, чем нет.	362	39,7
5	Да.	424	46,5
	Итого ответивших:	911	100,0

Можно предположить, что расхождение в оценках патриотизма своего и представителей своего поколения объясняется ослаблением / отсутствием деятельностного патриотизма у части молодежи, к которой респонденты себя не относят. Деятельностный патриотизм, по заключениям исследователей, выступает регулятором социального поведения, представляет собой общественно одобряемую ценность, которая способна санкционировать определенные ориентации в профессиональной деятельности, в первую очередь, служение Отечеству [27].

Показательным в данном контексте могут быть результаты опроса студенческой молодежи г. Иркутска, в ходе которого выяснялось, считают ли молодые люди себя патриотами. По данным исследователей, 70,4% респондентов ответили положительно. В числе критериев деятельностного патриотизма называются гордость за страну, за ее достижения в различных сферах; готовность защищать интересы своей страны; желание жить в своей стране и работать на ее благо [15].

Такое понимание патриотизма иркутскими студентами соотносится с результатами

опроса студентов Ставропольского госпединститута. Показательны ответы респондентов на вопрос об областях применения знаний, полученных в вузе (табл. 5).

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос:
"После получения образования,
где Вы планируете жить и работать?"

№	Оценка / мнение	Абсолютное число	Относительное число (%)
1	Останусь в своей стране	570	62,6
2	Все зависит от того, где смогу получить хорошую работу	201	22,1
3	Пока не знаю	113	12,4
4	За рубежом	27	3,0
Итого ответивших		911	100,0

Лишь 3% респондентов намерены работать за рубежом. Важно зафиксировать, что точка зрения "младших" и "средних" поколений на будущую трудовую занятость сегодняшних студентов сходны: 48,1% родителей, по данным участников опроса, "Предпочли бы, чтобы я жил и работал в родной стране". Но 33,5% "родителей" предоставляют своим взрослым детям свободу действий: "Считают, что это должен быть мой выбор",

На вопрос о выборе исторического времени около 40% опрошиваемых ответили, что они хотят жить в настоящее время; 17,1% – в до-революционной Российской Империи. Минимальное число выборов выпало на периоды дедушек / бабушек "В годы Великой Отечественной войны, чтобы защищать страну, как наши предки" – 8,6%; и родителей: "Во времена Брежнева: страна восстановлена, есть уверенность в завтрашнем дне" – 7%.

Между тем, при всей неоднозначности ценностных оценок ответы студентов-участников опроса отражают признание наследия, которое оставили современному обществу поколения "отцов и дедов" (табл. 6).

Как видим, респонденты выделили – русский язык как язык межнационального общения, уважение к общей истории, мировоззренческие установки, свойственные единому советскому народу, интерес к культуре народов, входящих в состав СССР республик.

Определенным подтверждением сохранения тех традиций российского общества (в историческом смысле этого слова), которые позволяли жить мирно и добрососедски разным народам и этносам, могут служить ответы на вопрос об ориентации на

культурные традиции. Абсолютное большинство студенческой аудитории считает, что современный человек должен знать культуру своего народа. При этом примерно половина респондентов убеждена, что не-

обходимо знать и уметь ориентироваться в культурном наследии других народов. И это, безусловно, есть залог добрососедских отношений, "дружбу народов" (по советской терминологии), что особенно важно и объективно необходимо, учитывая разнообразие культур и многообразие народов, проживающих на территории России [6].

Таблица 6 – Распределение ответов на вопрос:
"Что удалось сохранить из наследия СССР
в настоящее время?" (%)

№	Ценности	Нет	И да, и нет	Да	Итого
1	Русский язык как инструмент общения народов СНГ	7,8	43,9	48,3	100,0
2	Уважение к общей истории	10,5	49,5	40,0	100,0
3	Интерес к культуре стран СНГ	10,5	52,4	37,1	100,0
4	Дружбу народов	12,1	57,5	30,4	100,0
5	Мировоззренческие установки, свойственные единому советскому народу	16,2	50,6	33,2	100,0
6	Доверие к представителям разных наций	14,3	54,6	31,1	100,0
7	Доверие стран СНГ друг другу	17,2	55,9	26,9	100,0

Заключение

Современные межпоколенные связи, согласно анализу результатов исследования, по-прежнему могут рассматриваться духовной основой процесса социализации российской молодежи. Старшее поколение как носители определенного мировоззренческого мира в глазах студентов-респондентов остаются основным транслятором таких важнейших ценностей, как патриотизм, коллективизм, осмысливая их в самой широкой трактовке. Семейные ценности и традиции также являются предметом межпо-

коленной передачи. Более того, молодежь, реализуя свою важнейшую функцию в обществе – инновационную, опирается в той или иной степени на опыт старших поколений, в частности на понимании социальной справедливости.

В то же время для сегодняшнего молодого поколения не прошли даром годы "строительства" либерального общества, в центре которого стоит автономный Человек с приоритетом личностных прав и свобод, что отразилось в преобладании индивидуалистической направленности.

И все же можно сделать вывод, что в качестве важного ресурса развития межпоколенных связей следует рассматривать отношения молодежи к культурному и историческому наследию старших поколений, и на этой основе – формировать и развивать установки, направленные на диалог, предполагающий установление консолидированных отношений. Фундаментом для укрепления и развития межпоколенных связей становится образ будущего, которое молодые люди связывается с Россией и ее людьми.

Примечания:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Горбачева Н.Б. Роль межпоколенной коммуникации в развитии ценностей молодого поколения // Концепт. – 2015. – Т. 13. – С. 2381-2385.
3. Грицанов А.А. Социальная реальность: осмысление основных парадигм // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. II. – Вып. 1 (2). С. 133-147.
4. Гриценко Г.Д., Часовская Л.А. Подрастающее поколение как группа риска в современном российском обществе. Ставрополь: СПГИ, 2009. – 144 с.
5. Данные исследовательского проекта "Культурное наследие и связь поколений" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=1937.
6. Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Культурные традиции и связь поколений // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2022. – № 5 (80). – С. 151-154.
7. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социально-функциональные структуры // СОЦИС. – 2000. – № 7. – С. 3-12.

8. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – С. 322-361.
9. Микляева А.В. Модели отношений между людьми разного возраста: результаты эмпирического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2014. – Т. 7. – № 1. – С. 41-47.
10. Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоуэма и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1 С.94-97.
11. Постникова М.И. Межпоколенные отношения в контексте культурно-исторической концепции // Мир науки, культуры, образования. – 2010 – №4-1 (23). – С. 125-128.
12. Постникова М.И. Межпоколенные отношения в контексте социокультурных изменений в современной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 81. – С. 265-276.
13. Разорвина А.С. Трансформация межпоколенческих связей в Российской семье // Казанский педагогический журнал. – 2016. – Т. 2. – №2 (115). – С. 438-440.
14. Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. II. – Вып. 1(2). – С. 305-328.
15. Решетников В.А., Решетникова Е.В. Деятельностный патриотизм как социокультурный феномен // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология. – 2020. – Т. 32. – С. 50-58.
16. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: уроки социальной психологии / пер. с англ. В.В. Румянского; под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 429 с.
17. Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в семье: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Кострома. 2013. – 47 с.
18. Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в современной российской семье. – Кострома: Изд-во КГУ, 2012. – 430 с.
19. Старчикова М.В. Межпоколенное взаимодействие в современной России // Социологические исследования. – 2012. – № 5. – С. 140-144.
20. Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. Методологические проблемы и подходы к эмпирическому исследованию межпоколенных отношений // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – №6. – Т. 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/108PSMN619.pdf>.
21. Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. Несемейные межпоколенные отношения: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 243-253.

22. Тард Г. Законы подражания / пер. с фр. Ф. Павленков. – М.: Академический Проект, 2011. – 304 с.
23. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 "О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808". [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004>.
24. Хикмат Н.А. Дзаеи. Взаимодействие поколений: методология социологического исследования // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8 (37). – № 3. – С. 165-173.
25. Чуприна А.А. Важнейшие аспекты культуры в процессе смены поколений // Вестник СевКавГТУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2004. – № 2 (12). – С. 118 – 125.
26. Шкаратан О.И. Общество как социальная система // Социологический журнал. – 2011. – № 4. – С. 117-143.
27. Щербакова Л. И., Филоненко В. И. Деятельный патриотизм как фактор творческого развития российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности: противоречия формирования // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 1. – С. 112-119.
28. Asch S. Effects of Group Pressure upon the Modification and Distortion of Judgments // H. Guetzkow (Ed.). Groups, Leadership and Men. – Pittsburg: Carnegie Press, 1951. – P. 177-190.

Often, higher educational institutions that have serious developments in the field of strategic planning in general and communication strategies. **The purpose of the study** is to try to identify, on a concrete example, the importance of sociological research in strategic planning for the development of a positive image of the university. **As a result** of the study, it was revealed that ITMO University has a fairly formed stable image, its set of strategic planning documents is multifaceted and time-tested. However, a study conducted by the authors to create a social portrait of a student (applicant) proves the presence of dissonance between the strategic guidelines of the university and the characteristics, expectations and life attitudes of its applicant/student.

Keywords: image politics; strategic planning; social portrait of a student, higher education institution.

EDN: OVIGJG; DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.10

Цитировать: Гильдингерш М.Г., Шадрин А.А. Социальный портрет студента университета как основа стратегического планирования имиджевой политики // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 87-95. EDN: OVIGJG. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.10

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНТА УНИВЕРСИТЕТА КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 316.775.4
БАК 5.4.4

© Гильдингерш М.Г., 2023

© Шадрин А.А., 2023

В статье рассматриваются основные подходы к формированию имиджевой политики вуза. Целью исследования является попытка выявить на конкретном примере важность социологических исследований в стратегическом планировании в области развития положительного имиджа вуза. В результате выявлено, что Университет ИТМО обладает достаточно сформированным устойчивым имиджем, его комплекс документов стратегического планирования многогранен и проверен временем. Однако, проведенное автором исследование по созданию социального портрета студента (абитуриента) доказывает наличие диссонанса между стратегическими ориентирами университета и характеристиками, ожиданиями и жизненными установками его абитуриента/студента.

Ключевые слова: имиджевая политика; стратегическое планирование; социальный портрет студента; высшее учебное заведение.

Введение

Согласно Всемирной декларации о высшем образовании для XXI в., опубликованной ЮНЕСКО, высшее образование, история которого насчитывает несколько столетий, убедительно продемонстрировало свою жизнеспособность и свою способность к изменениям, к содействию преобразованиям и прогрессу в обществе. Масштабность и темпы преобразований таковы, что общество все больше базируется на знаниях, высшее образование и научные исследования теперь являются важнейшими компонентами культурного, социально-экономического и экологически безопасного развития человека, сообществ и наций. В связи с этим перед высшим образованием встают грандиозные задачи, требующие небывалого его преобразования и об-

ГИЛЬДИНГЕРШ

Марина

Григорьевна, доктор

экономических наук,

профессор

ORCID ID 0000-0003-1017-8489

ШАДРИН Александр

Александрович,

магистрант

Санкт-Петербургский

государственный

экономический универси-

тет, Санкт-Петербург

новления, для того чтобы современное общество, которое ныне переживает в нашей стране глубокий кризис ценностей, могло выйти за рамки только экономических соображений и воспринять более глубокие аспекты нравственности и духовности.

В современном мире, когда образование становится сферой оказания услуг, очевиден рост интереса образовательных учреждений к вопросам формирования имиджа. Процесс формирования имиджа носит стратегический характер, т. к. кроме свойства длительности отклика и длительности обратной реакции внешней и внутренней среды, он явно обладает свойством целенаправленности. В системе стратегического планирования выделяют последовательно следующие элементы: анализ внешней и внутренней среды; целеполагание; выбор стратегических альтернатив; выбор окончательной стратегии; реализацию стратегии и обратную корректирующую связь. Нами ставится задача определить место социального портрета студента в системе стратегического планирования имиджевой политики вуза. В информационно-коммуникативном подходе в понимании имиджа (Гавра Д.П., [1]) заложено два аспекта. Он рассматривается, с одной стороны, как процесс коммуникации, с другой – как ее результат.

Следовательно, в основе имиджа лежит коммуникация (коммуникативный процесс). Коммуникация – это "действующие связи и отношения между людьми, представляющими элементы системы и внесистемными элементами в социальной среде" [8, С. 35]. Согласно К. Шеннону, "коммуникационный процесс включает в себя отправителя (организацию), канал передачи информации (СМИ, Интернет, "сарафанное радио"), информацию (сообщение, рекламное или PR-сообщение), получателя (целевую аудиторию), восприятие и обратную связь." [11, С. 35]. Вуз – это организация, обладающая четкой структурой и объединяющая людей единой целью – поддержание и развитие образовательной деятельно-

сти, а также популяризации науки и высшей школы среди целевых аудиторий. В основе лежат социально-коммуникативные отношения, отражающие соотношение интересов и ценностей взаимодействующих сторон (социальных общностей).

Основными субъектами высшего образования являются социальные общности студентов, научно-педагогических работников, вузовских менеджеров, в действиях и взаимодействиях которых в процессе реализации образовательных и научных программ создается и возникает феномен высшего образования". [5, С. 72-73] "Социальные общности вуза выступают как источник и движущая сила социальных действий, взаимодействий и процессов, имеющих в нем место". [5, С. 74] "Целевые аудитории вуза достаточно обширны, их можно классифицировать по двум направлениям: внешние (родители, школьники, государственные структуры управления и т. д.) и внутренние (студенты, профессорско-преподавательский состав, административный персонал и т. д.); потенциальные клиенты (старшеклассники, абитуриенты, студенты и др.) и контактные группы/партнеры (профессиональные сообщества, работодатели, органы власти, некоммерческие организации). Типология условна, поскольку аудитории, находящиеся в разных подгруппах, могут пересекаться/перетекать одна в другую". [6, С. 10]

Согласно социально-коммуникативному подходу в исследовании имиджа образовательной организации "управление имиджем предполагает создание эффективного коммуникативного поля взаимодействия с целевыми аудиториями как внутри вуза, так и во внешней среде. При этом организации необходимо определиться с выбором каналов коммуникации для наиболее эффективного воздействия на целевые группы". [10]

Коммуникативное поле организации формируется с помощью различных социально-управленческих технологий. Социально-управленческая технология – это

"последовательность действий, способ организации социальной активности, управленческая регламентированная программа". [7] "Социальная технология по определению Ж.Т. Тощенко – это совокупность последовательных операций, процедур целенаправленного воздействия и реализации, ранее намеченных планов (программ, проектов) и получения оптимального социального результата" [9, С. 13] Кроме этого, нельзя не согласиться с формулировкой Л.Я. Дятченко, который считает, что "социальная технология – родовое понятие, объединяющее все технологии, относящиеся к общественным отношениям, кроме технологий производственных". [9, С. 15] Социально-управленческие технологии по управлению внутренним и внешним имиджем вуза разнообразны: от социального портрета, до специальных проектов и событий (имиджевые мероприятия) и менеджмента отношений, до программ лояльности (сейлс промоушен).

Для анализа социальных общностей, сосредоточенных внутри организации (вуза), важно использовать технологию социального портретирования. [2, 3] Ее основная цель для вуза – определить направления совершенствования образовательного процесса, изучить и проанализировать мотивационное поведение на этапе выбора образовательной программы, вуза, профессии. Количественные и качественные данные социального портрета студентов как одной из основных социальных групп в структуре высшего образования станут узловыми компонентами для анализа целевой аудитории при построении рекламно-информационных кампаний организации, трансформации коммуникационной стратегии вуза для абитуриентов (группа, напрямую связанная с ростом доходов). Кроме того, без понимания целевой аудитории нельзя сформировать эффективный медиаплан и определить позиционирование продукта или услуги (вуза, образовательной программы и др.).

Материалы и методы

Кроме классических общенаучных методов исследования: анализа, синтеза, дедукции и индукции, а также инструментария расчетной части – аппарата выявления статистических зависимостей, к методам данного исследования отнесено анкетирование. Базой исследования стал Университет ИТМО. Проблема исследования: в Университете ИТМО существуют отдельные разрозненные элементы коммуникационной стратегии (имиджевой политики), которые не базируются на исследовании ключевых факторов, влияющих на мотивационное поведение абитуриентов и, как следствие, носят интуитивный характер субъективного представления работников вуза, от которых зависит формирование коммуникационной стратегии, об абитуриенте и студенте, как их собирательном образе (социальном портрете), их степени удовлетворенности качеством образования.

Цель исследования: получение социального портрета потенциального абитуриента 2022 и 2023 гг. и студента Университета ИТМО с позиций мотивации, академической, профессиональной, жизненно-личностных стратегий для эффективной трансформации и развития университета, ориентированного на "digital natives" и выбираемого "digital natives". Объект исследования в рамках эмпирической части исследования (апрель-май 2022 г.; апрель 2023 г.) – обучающиеся 1-го курса бакалавриата, магистратуры и аспирантуры Университета ИТМО в 2022/2023 гг. Предмет исследования: факторы мотивации абитуриентов при выборе вуза/профессии, академическая, профессиональная, жизненно-личностная стратегии обучающихся, их социальный портрет.

Организация эмпирического этапа исследования

В анкету включаются индикаторы (доступные наблюдению и измерению характеристики изучаемого социального объекта) (табл. 1):

Таблица 1 – Индикаторы изучаемого социального объекта

Индикатор	Расшифровка / Вопрос
Пол	Юноши / девушки
Возраст	Количество полных лет
Основа обучения	Бюджет, договор, целевое
Направление подготовки	Наименование
Уровень успеваемости	Отлично, хорошо, удовлетворительно
Материальное положение	Живем крайне экономно / хватает на еду и одежду, проезд / в целом обеспечены, но дорогостоящие приобретения только с привлечением внешних источников финансирования/ хорошо обеспечены/ полностью обеспечивают родители
Семейное положение	Женат/замужем/не женат / не замужем / разведен
Место проживания до поступления в вуз	Город / село / поселок городского типа / регион
Ценности	Материальная обеспеченность, качественное образование, здоровье, самореализация, семья и дети, интересная работа, любовь, активная социальная деятельность, престиж в обществе, религия
Жизненные цели	Иметь крепкую и дружную семью, устроиться на хорошую и интересную работу, иметь верных друзей, обеспечение хорошего будущего детям
Жилищно-бытовые условия	Живу в общежитии, снимаю квартиру, живу с родителями, имею собственное жилье
Способы проведения свободного времени	Чтение, ТВ, спорт, прогулки, путешествия, общение с друзьями, компьютерные игры, интернет, хозяйство и дом, музеи, театры, концерты, кафе, клубы, другое
Отношение к учебе	Стараюсь учиться как можно лучше, отношусь к процессу обучения нейтрально, не испытываю интереса к учебе
Мотивация	Получение диплома, карьера, освоение профессии, получение знаний, родители, не быть хуже других
В каких мероприятиях вуза участвовал до поступления?	
Откуда получил основную информацию о вузе и его учебных программах?	
Какие вузы были представлены на этапе выбора?	

В отдельный блок индикаторов можно включить мотивационные критерии принятия решения:

- наличие бюджетных мест;
- цена обучения;
- форма собственности (государственный/негосударственный)
- наличие СПО;
- академическая репутация вуза (престиж, рейтинг);
- место нахождения учебного заведения;
- расстояние от места проживания (наличие общежитий для иногородних);
- возможность последующего успешного трудоустройства;
- реклама вуза, наличие веб-сайта;
- социальные сети, корпоративные издания и мероприятия;
- советы семьи и друзей;
- возможность посещения университетов (дни открытых дверей);

– профориентационная работа ("карьерные советники", отдел профориентации, наличие психолога/социального педагога);

– удовлетворенность курсом (получаемыми знаниями);

– статистика занятости выпускников.

В рамках исследования нами были выдвинуты следующие гипотезы.

Гипотеза 1: в Университете ИТМО существуют отдельные разрозненные элементы коммуникационной стратегии (имиджевой политики), которые не базируются на исследовании ключевых факторов, влияющих на мотивационное поведение абитуриентов и, как следствие, носят интуитивный характер субъективного представления работников вуза, от которых зависит формирование коммуникационной стратегии (имиджевой политики), об абитуриенте

и студенте, как их собирательном образе (социальном портрете), их степени удовлетворенности качеством образования.

Гипотеза 2: Комплексный социальный портрет на этапе выбора профессии/вуза может стать эффективным методом для определения направлений в формировании или совершенствовании образовательного процесса, планировании приемной кампании (при формировании медиаплана, в частности), имиджевой политики, основой стратегии развития имиджа.

Генеральная совокупность по годам 2022/2023: 4707/4495 человек

Результаты и их обсуждение

При значении генеральной совокупности 4707 человек в 2022 году (4495 человек в 2023 году) и количестве принявших в анкетировании 352/100 человек (2022/2023), предельная ошибка выборки в 2022 году – 5,02%; в 2023 году – 9,69%.

Рост предельной ошибки выборки на 4,67% вполне допустим в целях нашего второго исследования, т.к. задача второго опроса – выявить возможные тенденции в изменении оценки мотивационных факторов и возможные направления трансформации социального портрета (или его устойчивость).

С помощью анкетирования мы получили следующие результаты:

В 2022 году девушки составили 47,2% респондентов, в 2023 году – 72%.

В 2022 году юноши – 52,8%, в 2023 году – 28%.

Доля бакалавров в 2022 году – 74,4%, в 2023 – 52%; аспирантов в 2022 году – 2,4%, в 2023 году – 3,4%; доля магистрантов в 2022 году – 4,3%, в 2023 году – 19%.

На бюджете в 2022 году, включая целевые места, обучается 75,8% респондентов, в 2023 году – 86%.

Сложно говорить о высокой осознанности выбора профессии (направления подготовки). В 2022 году 31,8% опрошенных сообщили, что "У меня очень смутное представление о выбранной профессии, но я надеюсь, что оно прояснится в начале практической деятельности", в 2023 году – 24%; В 2022 году 17,9% "Я сомневаюсь в правильности выбора направления и будущей профессии", в 2023 году – 28%; в 2022 году 4,5% "Я еще не задумывался о профессиональной деятельности. Главное окончить университет", в 2023 году – 1%. В правильности выбора в 2022 году были уверены 41,5% опрошенных, в 2023 году – 41%.

В 2022 году рейтинг и имидж устойчиво лидируют со значениями 58,8% и 51,4%, в 2023 году результат практически подтвердился: рейтинг вуза – 57%, имидж вуза – 47% (табл. 2).

Ключевым фактором является возможность трудоустройства: в 2022 году его отметили 36,4%, в 2023 году – 34%. Особое значение имеет местоположение вуза (город

и место вуза в городе): в 2022 году – 22,4%, в 2023 году – 20%. Далее по важности идет фактор большого выбора направлений и образовательных программ: в 2022 году – 21,6%, в 2023 году – 18%. Фактор наличия бюджетных мест: в 2022 году – 17%, в 2023 году – 30%, что, возможно, является следствием снижения реальных доходов населения. Доля студентов, выбирающих профессию/вуз на основании рекомендаций родителей, год от года снижается. К мнению родителей в 2022 прислушивались лишь 5,4% опрошенных, в 2023 году – 4,4%. Факторы, влияющие на выбор вуза в 2022-2023 гг., представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Факторы, влияющие на выбор вуза в 2022-2023 гг.

Фактор	Процент выбравших его как ключевой	
	2022 году	2023 году
Рейтинг вуза	58,8%	57,0%
Большой выбор образовательных программ и направлений	21,6%	18,0%
Местоположение вуза	22,4%	20,0%
Наличие бюджетных мест	17,0%	30,0%
Имидж вуза	51,4%	47,0%
Наличие военной кафедры	9,7%	2,0%
Желание учиться в СПб	33,5%	26,0%
Совет родителей	5,4%	4,0%
Возможность последующего успешного трудоустройства	36,4%	34,0%
Проходные баллы ЕГЭ или вступительных испытаний в вуз	8,2%	11,0%
Пошел учиться за компанию с друзьями	7,1%	4,0%

Интересно, что при получении основной информации о вузе, доля информации, полученной от знакомых и родителей в 2022 году – 40,9%, в 2023 году – 39%. Большой объем только у официального сайта университета: 2022 год – 48,3%, 2023 год – 59%. В топе социальные сети (38,6%/40%) и рейтинг вуза (38,1% и 39%, соответственно в 2022 и 2023 гг.).

Каковы основные причины выбора высшего учебного заведения как траектории развития? Приобретение профессии, дающей хороший заработок, в 2022 году и в 2023 году совпали и составляют 56%. На втором месте – "Любознательность, желание продолжить образование": в 2022 году – 40,9%, в 2023 году – 41%. Третье место – "Возмож-

ность трудоустройства по выбранному направлению обучения": в 2022 году – 39,2%,

в 2023 году – 37%. Остальные варианты распределения можно увидеть на рисунке 1.

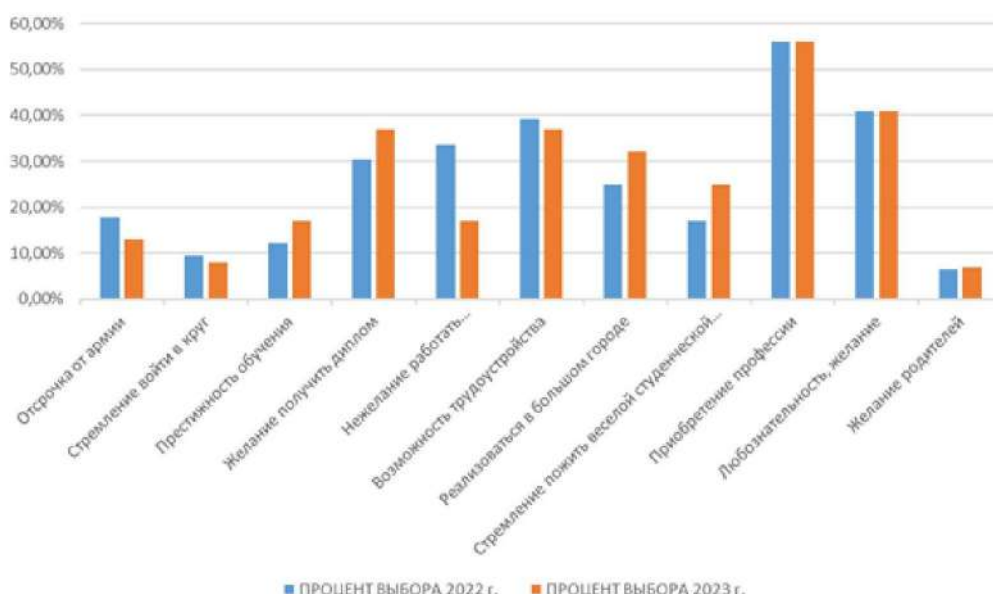

Рисунок 1 – Мотивация к продолжению образования в 2022-2023 гг.

92

Практикоориентированность лидирует всегда – при выборе наиболее значимых образовательных целей она лидирует с отрывом в 2022 году более 10% (60,5%), в 2023 году лидерство сохранилось с показателем в 53%.

Каков же он студент ИТМО? Сам он считает себя в первую очередь искренним (58% в 2022 году и 59% в 2023 году); совестли-

вым (в 2022 году – 37,5%, в 2023 году – 40%); душевным и чувственным (34,4% в 2022 году, в 2023 году – 43%). Полный перечень можно увидеть на рисунке 2.

Учится на хорошо и отлично как в 2022 году, так и в 2023 году. Оценки удовлетворительно в 2022 году имеют 21% опрошенных, в 2023 году – 8%.

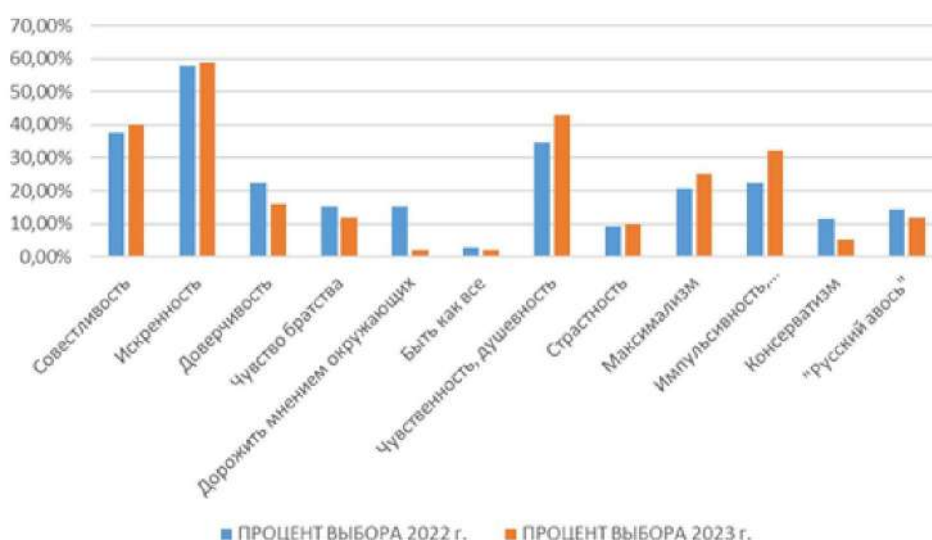

Рисунок 2 – Ответ на вопрос: "Какие из перечисленных качеств присущи лично Вам?" в 2022-2023 гг.

Студенты ИТМО считают себя обеспеченными: 2022 год – 48,6%, 2023 год – 55%.

В 2022 году 64,1% либо живут с родителями, либо снимают квартиру, либо имеют собственную квартиру. Этот показатель остается высоким и в 2023 году – 71%. В общежитии в 2022 году живут 35,8%, в 2023 году – 29%.

В 2022 году и в 2023 году сохраняется тренд на работу. По специальности работают 35,2% в 2022 году, в 2023 году – 29,6%.

Семейное положение: в 2022 году – 2,8% женаты/замужем, в 2023 году – 7% (1% –

был в браке, разведен). Имеют детей: в 2022 году – 0,3%, в 2023 году – 1%.

В своем образовании главными целями в 2022/2023 гг. респонденты считают: получение практикоориентированных навыков (60,5% / 53%); саморазвитие и самосовершенствование (48% / 36%); получение специальных знаний (45,2% / 38%).

Распределение жизненных приоритетов студентов в 2022-2023 гг. можно проследить на рисунке 3.

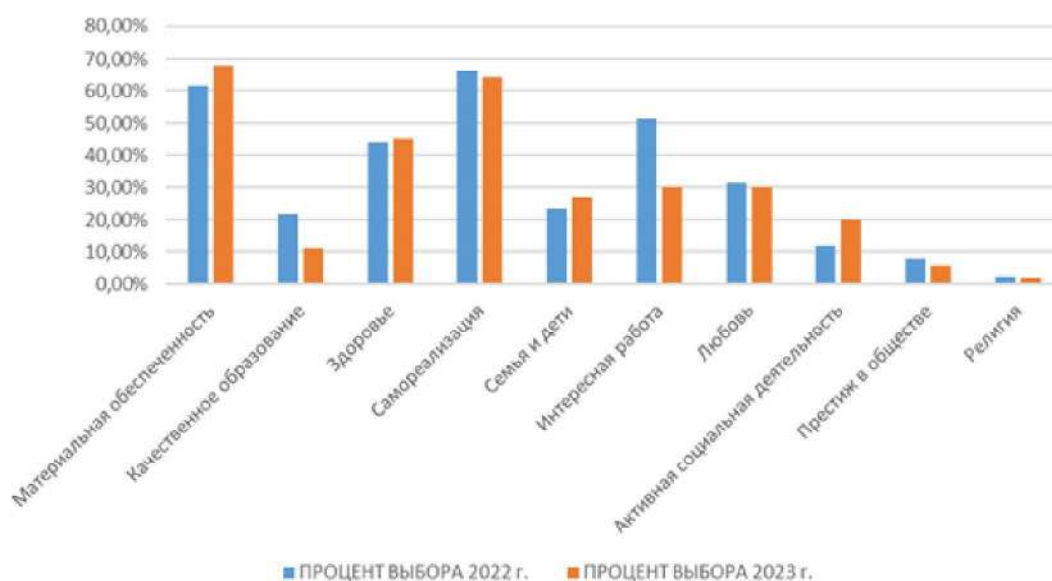

Рисунок 3 – Жизненные приоритеты в 2022-2023 гг.

В 2023 году иерархия приоритетов, в большей степени, сохраняется. По-прежнему, на первом месте материальная обеспеченность (68%) и самореализация (64%). Здоровье на третьем месте (45%). По 30% набрали "Интересная работа" и "Любовь". Далее в порядке убывания – "Семья и дети", "Активная социальная деятельность". Обратите внимание, что "Качественное образование" замыкает перечень значимых (более 10%) выборов (в предыдущем периоде оно было на предпоследнем месте в топе значимых факторов).

Свободное время в 2022 и 2023 году посвящают общению с друзьями, Интернету и прогулкам (рис. 4).

В другие вузы заявления подавали в 2022 году 76,9%, в 2023 году – 73%. При этом

городами-лидерами остались Санкт-Петербург (68,8% / 61,6%), Москва (17,5% / 23,3%).

Значительно возросло количество человек (на 12,5%), прошедших по конкурсу в другие вузы, но выбравших Университет ИТМО в 2022 году по сравнению с 2021 годом. Из опроса можно проследить улучшение "качества" поступающих (рост результатов ЕГЭ) на 7,3% уменьшилось количество поступающих, которые прошли в другие вузы только на контракт (в 2021 году таких было 11%, в 2022 году – 3,7%).

75,3% опрошенных в 2022 году планируют продолжить обучение в вузе и сохранить направление подготовки, в 2023 году – 61%.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальный портрет студента ИТМО и мо-

тивация их выбора профессии, вуза остаются устойчивыми.

Имидж Университета ИТМО и процесс его формирования должны быть отражены в нормативных документах стратегического планирования вуза. Проанализировав систему стратегического планирования на основе опубликованных годовых отчетов вуза с 2018 по 2022 год, стратегических программ развития университета ("Программа развития НИУ ИТМО 2009-2018", "Программа повышения конкурентоспособнос-

ти 5-100", "Стратегия развития Университета ИТМО до 2027 года", "Программа развития Университета ИТМО 2030 (Приоритет 2030)"), авторами делается вывод о том, что прослеживается некоторая несогласованность указанных элементов стратегического целеполагания со стратегическими маркерами. Под стратегическими маркерами мы понимаем количественно-измеряемые показатели, отражающие результаты деятельности университета в стратегическом периоде.

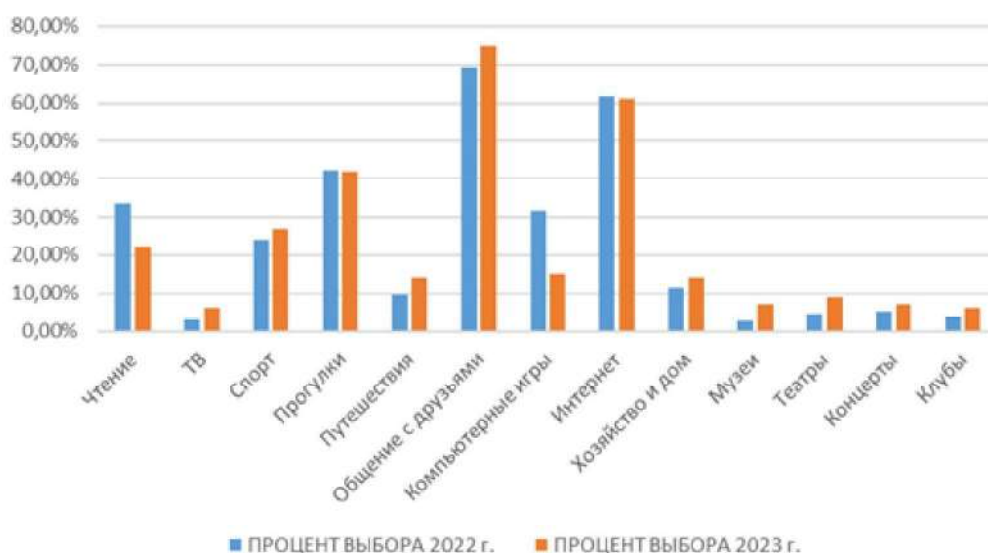

Рисунок 4 – Свободное время в 2022-2023 гг.

На основании данных годовых отчетов за период с 2017 по 2022 год прослеживается неизменность стратегических маркеров. К ним в Университете ИТМО относят:

1. Доля иностранных студентов.
2. Доля иностранных НПР.
3. Объем НИОКР, в том числе объем НИОКР на одного НПР.
4. Публикации в БД Scopus.
5. Общий бюджет университета.
6. Объем хоздоговорных работ.
7. Отношение контингента бакалавриата и специалитета к магистратуре и аспирантуре.

Очевидно, что ни сами стратегические документы, ни стратегические маркеры не связаны с теми устремлениями, жизненными целями и установками, образом жизни студентов/абитуриентов. Это приводит к

тому, что элементы коммуникативной стратегии формирования имиджа не получают отклика основной аудитории – студенчества. Особенно показателен результат исследования на предмет посещения мероприятий ИТМО: в 2022 году – 39,2% опрошенных не участвовали ни в одном мероприятии вуза, в 2023 году – 42%. Больше всего посещали дни открытых дверей (31%/24%) и олимпиады (23,3% / 19%). Специальные (имиджевые) мероприятия вуза в 2022 году посетили 20,7%, в 2023 году – 25%.

Очевиден вывод о важности предварительного этапа, на котором следует изучить социальный портрет студента/абитуриента, выявить его мотивационные стимулы и целевые установки и уже на этой базе выстраивать имиджевую политику, а также стратегию вуза.

Литература:

1. Гавра Д.П. Категория имиджа в современной коммуникативистике // Журнал социологии и социальной антропологии. – № 4. – 2013. – С. 29-43.
2. Гильдингерш М.Г., Поскочинова О.Г., Федорова Н.М. Социологический инструментарий. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2009.
3. Гильдингерш М.Г., Молодкова Э.Б., Тестова В.С. Социальное прогнозирование и проектирование. – СПб: Изд-во СПбГУЭУ, 2021
4. Данильченко С.Л. Система высшего образования России: количественный и качественный анализ // Гуманитарные науки. – 2021. – №4(56). – С. 10-21.
5. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования: монография. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019.
6. Каверина Е.А. Организация рекламной деятельности вуза: учебное пособие. – СПб: Книжный Дом, 2007.
7. Молодкова Э.Б., Тестова В.С. Современные методы социологических исследований: учебное пособие. – СПб: СПбГУЭУ, 2015.
8. Подгурецки Ю. Социальная коммуникация. – М: Гелиос АРВ, 2006.
9. Потемкин В.К., Вельмисова Д.В. Социальные технологии в системе управления. – СПб.: Инфо-Да, 2020.
10. Сибирев В.В. Социально-коммуникативные аспекты управления имиджем вуза // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – Вып. 1. – 2013. – С. 75-80.
11. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.

HERMENEUTIC METHOD OF F. SCHLEIERMACHER IN THE CONTEXT OF UNDERSTANDING WORKS OF ART FOR TEENAGE ACTORS

Gruzdev Mikhail Alexandrovich, Postgraduate student, Institute of Contemporary Art, Moscow

The article discusses the trends and features of working with the younger generation. In the modern world, opportunities for young actors in the field of drama are scarce, and the study of theatrical productions with teenagers from the point of view of aesthetics, art and children's creativity receives insufficient attention. There are significant changes in the preferences and interests of teenage readers and listeners, which is a natural trend. Their creative approach to working with text and information goes beyond traditional methods, striving for a simpler way of understanding the text. However, simplification does not always lead to the right conclusions. In this case, it means not only reading the text, but also a conscious understanding of it in order to transmit it on stage when staging a play based on a work or play. A young actor needs to be provided with an organized and methodical basis for analyzing the text. In this case, you can turn to approved methods of work, such as hermeneutics, widely known in philosophy.

Keywords: hermeneutical circle; hermeneutics; performance staging; text interpretation; aesthetics and art; children's (adolescent) creativity; Friedrich Schleiermacher method.

EDN: RQLGYN; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.11

Цитировать: Груздев М.А. Герменевтический метод Ф. Шлейермахера в контексте понимания художественных произведений для актеров-подростков // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 96-101. EDN: RQLGYN. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.11

УДК 792.03

БАК 5.10.3 (Театральное искусство)

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ МЕТОД Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРА В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ АКТЕРОВ-ПОДРОСТКОВ

© Груздев М.А., 2023

В статье рассматриваются тенденции и особенности работы с подрастающим поколением. В современном мире скудны возможности для юных актеров в области драматургии, и изучение театральных постановок с подростками с точки зрения эстетики, искусства и детского творчества получает недостаточное внимание. Наблюдается значительные изменения в предпочтениях и интересах подростковых читателей и слушателей, что является естественной тенденцией. Их творческий подход к работе с текстом и информацией выходит за рамки традиционных методов, стремясь к более простому способу понимания текста. Однако упрощение не всегда приводит к правильным выводам. В данном случае подразумевается не только чтение текста, но и осознанное понимание его с целью передачи на сцене при постановке спектакля по произведению или пьесе. Молодому актеру требуется предоставить организованную и методическую основу для анализа текста. В этом случае можно обратиться к утвержденным методам работы, таким как герменевтика, широко известная в философии.

Ключевые слова: герменевтический круг; герменевтика; постановка спектакля; интерпретация текста; эстетика и искусство; детское (подростковое) творчество; метод Фридриха Шлейермахера.

В современном мире драматургии для юного исполнителя мало, а изучение постановки спектакля с подростками с точки зрения эстетики, искусства и детского творчества исследованы в недостаточном объеме. Значительно меняется облик читателей и слушателей подросткового возраста, что является закономерной тенденцией. Их навыки и умения, привычки и способы работы с текстом и информацией отходят от традиционных форм

ГРУЗДЕВ Михаил Александрович, аспирант, Институт современного искусства, Москва

в поисках более упрощенного варианта понимания текста и, как правило, упрощение не всегда приводит к верным выводам. В данном случае мы подразумеваем не просто прочтение текста, а осознанное понимание текста для того, чтобы его можно было перенести через образ на сценическую площадку при постановке и реализации спектакля по произведению, пьесе. Молодому актеру необходимо дать структурный, методический "скелет" при анализе текста. И здесь нам на помощь приходят проверенные способы работы, а именно известному в философии понятию "герменевтика".

Одним из определений науки "герменевтика" считается: наука, предметом которой является исследование и толкование древних текстов.

Основы герменевтики как общей теории понимания были заложены Фридрихом Даниэлем Эрнестом Шлейермахером (1769–1834). Родился в Бреслау, отец и дедушки были пасторами. Окончил Галльский университет. Шлейермахера еще при жизни стали называть "богословом романтизма". Последние тридцать лет жизни Фридрих Шлейермахер был не только активным церковным деятелем, проповедником, но и профессором Берлинского и Галльского университетов. В эпоху военных событий периода правления Наполеона, Шлейермахер – идейный вдохновитель национального возрождения немцев. Фридрих Шлейермахер, хотя и был глубоко верующим человеком, воспитанным в церковной среде, одновременно являлся страстным противником ограниченности и нетерпимости ортодоксального подхода. Он открыто выражал свою поддержку рационалистическим идеям Б. Спинозы и концепциям И. Канта. В своих философских размышлениях Шлейермахер обсуждал основы философского обоснования, включая анализ принципов Б. Спинозы, которые можно найти в его работе "Диалектика".

Мы сосредоточимся на основных герменевтических идеях метода Фридриха Шлей-

ермахера, необходимых для постановки спектакля, исполняемого детьми-подростками (13–18 лет).

Мы ограничимся основными герменевтическими концепциями, связанными с анализом текстов Шлейермахера и их толкованием при создании спектакля, не затрагивая все аспекты его философской теории.

Шлейермахер рассматривал герменевтику как искусство и определял ее границы как "творческое начало", требующее применения практических методов для описания конкретных процессов (описание конкретных методов и принципов адекватной интерпретации текста). Это означает, что герменевтика – это не только наука, но и искусство, которое требует творческого подхода к интерпретации текста. Герменевтика – область знаний, которая изучает процесс интерпретации текста. Она включает в себя методы и принципы, которые помогают читателю понять смысл текста и передать его в своих собственных словах. Это важно для многих областей, таких как литература, философия, религия и юриспруденция. Герменевтика также имеет практическое применение в современном мире. Например, она используется в бизнесе – для интерпретации финансовых отчетов и в медицине для интерпретации медицинских данных. В целом, герменевтика является важной областью знаний, которая помогает нам понимать мир вокруг нас.

Фридрих Шлейермахер сформулировал основу герменевтики, определив ее предметом исследования – литературу. Он утверждал, что понимание текста может быть достигнуто только через взаимодействие между самим текстом и его интерпретатором. В процессе этого диалога исследователь должен задавать вопросы произведению, чтобы получить на них ответы [6, 51]. Герменевтика затрагивает проблему правильного понимания текста, которая является ключевой для методологии исторических и филологических наук.

Создатель гештальтпсихологии, Шлейермахер, предложил концепцию "мирового целого", которая стала определяющей для формирования принципов данной психологической теории. Согласно этой концепции, существуют два категориально различных рода бытия – идеальное и реальное, которые определяют соответствующие типы мышления [6, 163].

В основе самосознания каждого человека лежит объединение различных форм существования и мышления, которые образуют "мировое целое". Идея Шлейермахера о взаимоотношении человека и Бога может быть рассмотрена как теория структуры человеческого сознания, психики или души. Шлейермахер утверждал, что понимание всегда проблематично и является неотъемлемой частью общественно-исторической жизни человека.

Шлейермахер придавал особое значение диалогу и речевому взаимодействию – это универсальные объекты для восприятия. Это очень важно, когда репетируемый процесс и обсуждение затрагивают не только классические литературные и священные тексты, но также любые тексты, написанные разными языками или произнесенные в речи. Фридрих Шлейермахер предложил новый метод понимания текста, который не оторван от культурно-исторического контекста и получил "активное понимание". Он полагал, что нивелирование значимости социокультурного фактора текста не приводит к его подлинному пониманию, а только позволяет описать характерные особенности текста. Изначально он был задуман как инструмент для изучения культуры, которая находится за пределами наших привычных представлений и под угрозой искажения.

В основе герменевтики лежит грамматическая и психологическая интерпретация,

направленная на постижение художественной формы произведений.

Герменевтика должна включать в себя грамматическое и психологическое толкование, направленное на понимание художественной формы произведения [2, 83]. Важно заметить, что понимание является неотъемлемой частью процесса познания,

где присутствует ощущение понимания, усвоение понятий, созданных другими людьми и речевой аспект понимания, который включает реконструкцию, творчество и индивидуальность. Шлейермахер, будучи "богословом романтизма", рассматривал речь

как творческий процесс, в котором художник придает ей художественную форму и создает цельное произведение. В итоге, Фридрих Шлейермахер является одним из основоположников герменевтики и предложил новый метод понимания текста, который не оторван от культурно-исторического контекста. Его концепция "мирового целого" стала определяющей для формирования принципов гештальтпсихологии.

Важно понимать, что понимание является составной частью процесса познания и включает в себя понимание как чувственное восприятие, понимание как усвоение понятий, созданных другими индивидами и понимание как речевой аспект, имеющее три составляющих: реконструкция, творчество и индивидуальность.

В понимании текста, по Фридриху Шлейермахеру, важно следующее:

1. Установление социального взаимодействия требует понимания, которое является важным процессом.

2. Понимания можно достичь путем мыслительной деятельности и ее результатов, таких как речь и язык.

3. Понятие играет важную роль в познании и является связующим звеном между диалектикой и наукой о языке.

ПОНИМАНИЕ ВСЕГДА
ПРОБЛЕМАТИЧНО
И ЯВЛЯЕТСЯ
НЕОТЪЕМЛЕМОЙ
ЧАСТЬЮ ОБЩЕСТВЕННО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ЧЕЛОВЕКА.

По философской мысли Фридриха Шлейермахера, для точного понимания текста необходимо учитывать два аспекта: грамматическую и психологическую интерпретации. Грамматическая интерпретация помогает понять содержание речи, выходящее за рамки языка, в то время как психологическая интерпретация отражает мыслительный процесс, лежащий в основе создания текста. Для полного понимания литературного произведения следует учесть наличие двух уровней языка: предметно-содержательного и индивидуально-личностного.

Однако представления об осязаемых явлениях и концепции, разработанные другими, служат основой для формирования понимания и усвоения этих понятий. Те, кто создает эти концепции, находятся в своей собственной, в некоторой степени изолированной интеллектуальной среде.

Для нашего исследования невероятно важным является понимание отдельных частей произведения и всего произведения, т.е. в диалектике герменевтических кругов процесс понимания цикличен, зависящий от нашего опыта жизни. Разбор смыслов произведения "на кусочки" предполагает непрерывное возвращение к понятию и общему смыслу, чтобы повторно осознавать его с новой перспективы, основанной на новых знаниях и понимании.

Шлейермахер предложил систему понимания, разложив его на два взаимодополняющих и взаимозависимых способа: объективное и субъективное понимание. Объективное понимание описывает языковое воплощение произведения с точки зрения его организации синтаксически, грамматически и лексически. Субъективное понимание же требует исчерпывающих знаний относительно исторической реальности и умения производить психологический анализ, то есть предполагать процессы, вызываемые фактами в душе автора, опираясь на опыт психоаналитической герменевтики.

При создании постановочного плана необходимо ориентироваться на концепцию Ф.

Шлейермахера, а также на принципы, разработанные Захавой Борисом Евгеньевичем. Он говорил, что каждое художественное творение имеет разное представление о будущем произведении. Театр есть искусство, требующее синтеза, поэтому режиссерский замысел, или постановочный план, должен объединить все стороны театральной работы, то есть спектакля, и привести их к художественному единству. Необходимо совмещать смежные области, чтобы достичь более высокого уровня творчества. Этот синтез может правильно направлять молодого актера. В замысел режиссера входит творческая интерпретация пьесы, характеристика действующих лиц, определение стиля и жанровых особенностей игры актеров, решение спектакля во времени. Когда эти истины взаимодействуют, они создают единую правду реалистического представления. Также необходимо учитывать характер и принципы декоративно-шумового оформления и пространственного расположения на сцене.

Игнорируя реальность, мы не сможем понять истину о социальных явлениях, которые представлены нам. В таком случае, социальная истина будет звучать абстрактно и неубедительно. Если мы отделим жизненную правду от социальной, то получим поверхностное и примитивное искусство. Однако обе эти правды не смогут раскрыться без яркой театральной формы, которая станет театральной истиной. Согласно Е.Б. Вахтангову, театральная правда возникает в режиссерском замысле и в его воплощении под воздействием трех факторов, формируя будущий спектакль [4, 211].

В театральной студии, где формируются молодые актеры в возрасте от 13 до 18 лет, самая интересная и ответственная работа – актерская. Она является важнейшей деталью, необходимой для создания спектакля. Однако, для успешной актерской работы необходимо учитывать множество факторов, таких как содержание и форма самой пьесы, общественно-исторический

момент, на фоне которого происходит постановка, а также коллектив, который ее ставит. Каждый коллектив имеет свои творческие взгляды, традиции, профессиональные навыки и уровень мастерства [1, 111]. Все эти факторы необходимо учитывать для успешной актерской работы и создания качественного спектакля.

В начале нашей работы была поставлена задача сформировать целостный коллектив из ребят как можно быстрее. Это было не просто, но мы смогли достичь этого путем проведения совместных театральных игр и упражнений, а также организации общих мероприятий, таких как чаепития и чтецкие вечера. На следующем этапе, который определяет пятьдесят процентов успешности спектакля, мы занимались распределением ролей. Изначально был осуществлен довольно строгий и субъективный отбор восьми действующих участников из сорока человек. При этом важно было учитывать желания подростков и выбирать роли, которые им были бы интересны.

Для будущих исполнителей рекомендуется не останавливаться на одном персонаже после первого прочтения пьесы. Они могут продумать два-три персонажа и решить, какую роль они могут исполнить лучше. После второго, более внимательного прочтения, актеры могут высказать свои мнения о персонажах и распределить роли соответственно. Иногда бывает так, что начинающий актер-подросток обладает огромным потенциалом, которого он сам не может осознать.

При проведении сценических упражнений, направленных на постановку, режиссер должен понимать важность этого аспекта. Мы начали работу над проработкой мизансцен, разбив пьесу на отдельные сцены (индивидуальные, парные, совместные). В процессе работы над материалом пришлось столкнуться с трудностями, связанная с привычкой работать на другом уровне общения и объяснения материала. Однако со временем нам удалось найти общий язык

и продолжить работу. Очень важно, чтобы актер понимал мотивацию своего героя и как адвокат "оправдывал" его поступки.

Перед началом работы со студийцами, режиссер-педагог должен иметь готовые планы, сценографию, общий рисунок и характеры персонажей. В целом все шло по задумке, но студийцы своими вопросами иногда заставляли меня задумываться либо усомниться, либо утвердиться в своих решениях. Это придавало уверенности в том, что мы делаем правильно и что спектакль будет единым живым организмом. Важно понимать, что если что-то не работает в спектакле, то это влияет на весь организм.

На начальных этапах репетиций важно, чтобы режиссер понимал, что он является помощником, соратником и другом актера. После того, как актер понял позицию своего руководителя, режиссер-педагог должен постепенно вводить "зрителей" в репетиционный процесс, которые могут быть как студийцами, так и сторонними людьми. Таким образом, юный актер сможет начать преодолевать себя и приобретать уверенность в себе и на сцене.

Таким образом, мы видим, что Фридрих Шлейермахер создал концепцию процесса понимания текста, который может быть разбит на следующие этапы:

1. Определение текста как целого. Необходимо сделать некоторые умозаключения, чтобы понять суть текста.
2. Используя объективное и субъективное понимание, мы можем раскрыть сущность текста на полном уровне креативности.
3. Чтобы полностью понять текст, необходимо объединить объективное и субъективное понимание в единое целое.

Из этой теоретической концепции можно выявить особенности, которые помогут достичь большего эффекта при применении концепции на практике:

1. Первоначальное понимание не всегда может быть достигнуто или одобрено интерпретатором.

2. Если такое понимание вызывает сомнения, необходимо начать путь понимания заново.

3. Только после понимания всех частей становится возможным понять целое, – таково учение о "герменевтическом круге".

4. Уровень креативности будет находиться на высоком уровне, поскольку процесс понимания и интерпретации постоянно прогрессирует.

5. Взаимная поддержка друг друга путем обмена мнениями, суждениями, мыслями для сравнения и поиска аналогий, в процессе достигая высокого уровня креативности.

При постановке спектакля с актерами-подростками, концепция данной работы является ключевой и предполагает следующее:

1. Актер должен понимать, что герменевтика – это наука, которая доступна и практически ориентирована (но необходимо иметь знания исторического контекста). Она тесно переплетена с риторикой и диалектикой.

2. Человек является единственным, кто способен к пониманию и интерпретации текста, а также диалогу с ним как с неисчерпаемым источником.

3. Отношение актера-подростка к самому тексту и игре в постановке в целом определяется пересечением основных законов художественного чтения (понимание, интерпретация, диалог, текст), что имеет значительное влияние на процесс постановки.

Для того, чтобы актер-подросток мог полноценно понимать произведение, мы рекомендуем следующий алгоритм:

1. Сначала необходимо прочитать текст и сделать первичные выводы о его содержании в целом.

2. Далее следует раскрыть сущность произведения и понять его специфику.

3. После этого нужно объединить объективное и субъективное понимание, чтобы получить полное представление о произведении.

4. Если понимание не достигнуто, то нужно вернуться к началу и повторить все шаги. При этом будет полезно использовать определение "герменевтический круг", которое подразумевает работу от целого к частному, и наоборот.

Литература:

1. Басин Е.Я. Семантическая философия искусства / 4-е изд., доп. – М.: Гуманитарий, 2012. – 348 с.
2. Богин Г.И. Филологическая герменевтика и общая стилистика: сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т; [Редкол.: Г.И. Богин (отв. ред.) и др.]. – Тверь: ТГУ, 1992. – 158 с.
3. Груздев М.А. Персонифицированный подход в рамках театральной деятельности детей и подростков 13-16 лет // Воспитательная деятельность образовательной организации – пространство личностного роста участников образовательных отношений: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 19 янв. 2022 г.) / редкол. М.А. Терентьева [и др.] – Чебоксары: Среда, 2022.
4. Захава, Б.Е. Мастерство актёра и режиссёра. – СПб: Лань, 2020. – 456 с. – 1500 экз.
5. Попов П.Г. Режиссура. О методе. – М.: ГИТР, 2015. – 64 с.
6. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А.Л. Вольского; науч. ред. Н.О. Гучинская. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.
7. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А.В. Александровой; Э. Фромм. – М.: АСТ, 2019. – 288 с.

MICROPHONE SPEECH AT THE MALY DRAMA THEATER

Bliudov Daniil Vladimirovich, Postgraduate student, Russian State Institute of Performing Arts, Saint Petersburg

The purpose of the study is to determine the role of microphone speech in the artistic concept of the Maly Drama Theater - Theater of Europe (St. Petersburg). The article details the specifics of the speech aesthetics of the Lev Dodin Theater, studies the peculiarities of the use of microphone technology in performances, and reveals the functions of sound amplification of stage speech. In addition, special attention is paid to the analysis of the speech texture of performances in which sound amplification is not applied. **The scientific novelty** of the study is that for the first time in Russian art criticism, microphone speech in a drama theater becomes the object of study. **As a result**, it is concluded that the use of microphones in performances of the Maly Drama Theater is dictated not by technical considerations, but by the artistic concept of the theater management, by the desire to create a theater based on real interaction and real stage communication.

Keywords: scenic speech; microphone; Maly Drama Theatre; Lev Dodin; sound amplification; theatre; performance.

EDN: QBOJOU; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.12

Цитировать: Блюдов Д.В. Микрофонная речь в Малом драматическом театре // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 102-107. **EDN:** QBOJOU. **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.12

УДК 82.09

БАК 5.10.3 (Театральное искусство)

© Блюдов Д.В., 2023

МИКРОФОННАЯ РЕЧЬ В МАЛОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

Цель исследования – определить роль микрофонной речи в художественной концепции Малого драматического театра – Театра Европы (г. Санкт-Петербург). В статье подробно рассматривается специфика речевой эстетики театра Льва Додина, изучаются особенности применения микрофонной техники в спектаклях, выявляются функции звукоусиления сценической речи. Кроме того, особое внимание уделяется анализу речевой фактуры спектаклей, в которых звукоусиление не применяется. **Научная новизна** заключается в том, что впервые в отечественном искусствоведении объектом изучения стала микрофонная речь в драматическом театре. **В результате** делается вывод о том, что использование микрофонов в спектаклях Малого драматического театра продиктовано не техническими соображениями, а художественной установкой руководства театра, стремлением строить театр, основанный на реальном взаимодействии и реальном сценическом общении.

Ключевые слова: сценическая речь; микрофон; Малый драматический театр; Лев Додин; звукоусиление; театр; спектакль

БЛЮДОВ Даниил Владимирович, аспирант, Российский государственный институт сценических искусств, Санкт-Петербург

В сегодняшнем драматическом театре микрофонное усиление речи используется повсеместно. Основными причинами возникновения этой новой акустической и эстетической реальности являются:

- 1) несовершенная акустика театральных пространств [1, 25];
- 2) особая модель зрительского восприятия звучащей речи, сформированная кино, телевидением и масс-медиа (в том числе, повышенный уровень комфортной громкости [2]);
- 3) влияние эстетики постдраматического театра (обилие музыкального сопровождения, "отчуждение" голоса от артиста [3, 75] и др.).

В то же время есть немногочисленные театры, которые стремятся к натуральному звучанию сценической речи. Одним из самых показательных примеров является Академический Малый

драматический театр – Театр Европы (г. Санкт-Петербург). Художественный руководитель театра Лев Додин стремится к "прогрессирующей натуральности сценического процесса" [4, 84], последовательно выстраивает театр реального сценического взаимодействия и "живого" акустического звучания. В спектаклях МДТ режиссерский замысел реализуется прежде всего через артистов и через актерский ансамбль. В подавляющем большинстве спектаклей артисты МДТ работают без звукоусиления. Впрочем, есть и исключения, которые будет любопытно рассмотреть и проанализировать, выявив функции "микрофонной речи" в рамках художественной концепции Малого драматического театра.

Так, в поэтическом спектакле "Из фрески ВЕЧНОСТЬ" артисты читают стихи поэтов XX века в динамические вокальные радиомикрофоны на стойках. За счет этого решения формируется *стерильное акустическое пространство смыслов*, отделенное от реальной акустики сцены. Голоса актеров звучат "отдельно, одиноко" [5]: в спектакле практически отсутствует прямое взаимодействие. Артисты, находясь в одном физическом пространстве, все время ведут диалог не друг с другом, а с мирозданием. У каждого свой микрофон – и свой "канал связи". Когда, скажем, Маяковский (Станислав Никольский) начинает своё скорбное "Вы ушли, как говорится, в мир иной...", он обращается не буквально к Есенину (Евгению Санникову), а выплескивает стихи вперёд, в темный космос зрительного зала, где есенинские строчки, звучавшие минуту назад, еще живы. А публика, сидя в темном зрительном зале, отнюдь, не ощущает себя на поэтическом вечере, а на протяжении почти всего спектакля вместе с микрофонными голосами артистов Малого драматического находится где-то в этом поэтическом космосе. Пожалуй, лишь Олег

СТЕРИЛЬНОЕ
АКУСТИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО
СМЫСЛОВ, ОТДЕЛЕННОЕ
ОТ РЕАЛЬНОЙ
АКУСТИКИ СЦЕНЫ.

Гаянов и Олег Рязанцев подключают зрительный зал напрямую; это связано, как нам видится, с несколько более публицистической авторской интонацией в стихах Бориса Слуцкого и Евгения Евтушенко.

Иным образом используются микрофоны в спектакле приглашенного режиссера Яны Туминой "Будь здоров школяр" по повести Булата Окуджавы. Здесь микрофонная речь героев вписана в общую *электронно-музыкальную партитуру*. Действие в инсценировке Яны Туминой разворачивается параллельно в годы Великой Отечественной и в нынешнее время. Причем точка старта – именно современность. Сцена превращена в скейт-парк, тут же – диджейский пульт. Стихи Окуджавы произносятся артистами исключительно

через вокальные микрофоны и принимают форму то речетатива, то рэпа. Прозаические воспоминания пожилого рассказчика (Михаил Самочко) подзвучены петличным микрофоном. Как ни удивительно, филигранная речевая техника артистов МДТ здесь не всегда обеспечивает абсолютную ясность произносимого. Порой это связано с ритмическим решением композитора спектакля: скажем, разборчиво произнести рэп-скорговоркой без малейшей паузы строчку "Крест деревянный иль чугунный" без цезуры после слова "крест", как нам видится, невозможно физически... Иногда речь недостаточно разборчива из-за того, что звукорежиссером найден не совсем точный баланс с музыкой. Сложность также представляют собой переходы с микрофонного звучания на натуральное, о резких переходах-"перебросах" из настоящего в прошлое. Такие переходы не всегда технически удаются артистам: прежде всего из-за необходимости существенно (несколько больше здравого смысла) форсировать громкость первых реплик, произносимых без микрофона.

В другом спектакле Малого драматического в постановке Яны Туминой, – "Где нет зимы", – любопытным образом используется микрофонное звучание для создания персонажа куклы Ляльки (актриса Мария Никифорова). Сначала мы видим на экране мультипликационный ролик и слышим рассказ о том, как шили-создавали куклу – голос актрисы звучит в записи. Затем, когда актриса появляется на сцене, все ее реплики звучат через петличный микрофон (при этом ее партнеры в этом же эпизоде работают без микрофонного усиления). И, наконец, когда артисты взаимодействуют с реальной куклой-игрушкой, М. Никифорова озвучивает ее реплики из-за кулис через тот же петличный микрофон.

Таким образом, за счет применения микрофона создается единый персонаж из нескольких разрозненных физически фактур (мультфильм – актриса – кукла). Этот прием перекликается с режиссерским ходом Арианы Мнушкиной в программном спектакле "Часовые на плотине" ("Tambours sur la digue") 2003 года, созданном в авторском Театре дю Солей (Франция): в этом уникальном театральном произведении персонаж возникал из звуко-пластического соединения артиста, играющего кукловода, артиста, играющего куклу, и артиста, озвучивающего "куклу" в режиме реального времени. Но, если в "Часовых на плотине" элементы образа связывались пластически (через артиста, играющего марионетку), то в спектакле Яны Туминой соединение, слияние анимации, куклы и актрисы происходит именно через звучание речи.

Петличный микрофон участвует еще в одном спектакле МДТ: "Коварство и любовь" в постановке Льва Додина. Президент Вальтер в исполнении Игоря Иванова периодически отдаёт команды через петличный микрофон своему окружению: появляющимся по первому зову своего хозяина лощеным охранникам с узнаваемыми гарнитурами-наушниками. Впервые мы слышим эти команды во время визита Президента

Вальтера к Миллерам, когда, по меткому определению М. Токаревой, "на яичную скорлупу человеческого домика наезжает государственная машина" [6, 54]. Отделенные от тела за счет микрофонного звука приказы Президента работают на образ этой всепроникающей механизированной машины власти, "большого брата", который закономерно побеждает. Звучание петличного микрофона здесь – *локальная акустическая краска*.

Наконец, в нескольких спектаклях Малого драматического театра используется усиление речи с помощью подвесных микрофонов, помогающее создать на сцене *новое акустическое пространство*.

В спектакле "Чайка" (2022) почти все вызывающе-провокационные сентенции Треплева (Никита Каратаев) звучат с эффектом реверберации, гулко отдаваясь в минималистическом пространстве сцены. Использование микрофонного усиления здесь неслучайно: Треплев, в первом акте спектакля вроде бы вступая в бесконечные споры с Аркадиной, Тригориным и другими героями, в действительности ведёт полемический диалог с судьбой, с мирозданием, с Творцом. Неврастенически вытянутая фигура артиста, периодически взлетающая ввысь рука и голос с эффектом реверберации создают впечатление своеобразного человека-"антенны", героя не из этого мира.

С помощью микрофона и реверберации режиссер выделяет еще несколько важных реплик: отчаянный крик Медведенко (О. Рязанцев), подражающего крику чайки, звучит за счет этого особенно трагически, как бы пронизывая всю вселенную. Таким же образом подзвучена "Казачья колыбельная" Лермонтова, которую напевает Аркадина (Е. Боярская), перебинтовывая голову сыну. Микрофонное гулкое звучание создает и эффект неземного, ангельского голоса ("За больными ухаживает, как ангел" – через минуту скажет Треплев про мать), и как будто бы "выключает" ту реальность, в которой находятся герои, перенося их куда-

то в прошлое, туда, где мать и сын, возможно, были близки и по-настоящему нужны друг другу. Акустическое решение этого эпизода является, как нам видится, примером использования приема, который можно назвать "*субъективным микрофоном*": пение Аркадиной мы в данном случае как бы слышим ушами Треплева. Действительно, про Аркадину никак нельзя сказать, что она переносится мыслями куда-то в прошлое: она успевает и перебинтовать Косте голову, и ни на секунду не забыть о присутствующем неподалеку Тригорине.

Также поддержано микрофоном начало романа "Нет, не тебя так пылко я люблю" в исполнении Аркадиной во втором акте. Перед этим героиня вспоминает триумфальные гастроли в Харькове, проникновенно исполняет монолог Маши из "Трех сестер", а затем, как-то резко выпрямившись и широко распахнув глаза, чуть слышно запекает романс на самом верху диапазона, где у актрисы едва смыкаются голосовые связки. Голос звучит с микрофонным усилением и реверберацией. Время как будто останавливается. Актриса берет паузы, вслушивается в отзвуки собственного голоса: улетають ввысь последний гласный [у] в слове "люблю", окончания [с'т'] в дважды звучащем слове "молодость"... В этом коротком эпизоде микрофонный звук тоже мощно работает на смысл. Это вновь "*субъективный микрофон*", но теперь зритель "*подключается*" уже к внутреннему миру Аркадиной. Через воспоминание и исполнение монолога Маши Аркадина выводит себя на пик подлинно творческого самочувствия – в этот момент и рождается романс. Для Аркадиной в этот момент жизни её героинь соединяются с её собственной: и Маша, полюбившая Вершинина совсем как она – Тригорина, и "ушедшая молодость"... Помимо всего прочего, зритель в этом эпизоде (не в последнюю очередь благодаря микрофонному эффекту)

КОНФЛИКТ ГРОМКОГО И ТИХОГО, ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО И АКУСТИЧЕСКИ ДОСТОВЕРНОГО.

понимает, что Аркадина – действительно талантливая актриса.

Схожие моменты, в которых микрофонное усиление с эффектом реверберации помогает вывести персонажа в другое событие, "*приподнять*" его над горизонталью происходящего на сцене, можно найти и в других спектаклях Л.А. Додина: это и отчаянный крик "Заживём!" Председателя (Ирина Тычинина) в спектакле "Братья и сестры. Версия 2015", и финальный монолог Гамлета (Данила Козловский) в одноименном спектакле. Точно так же, как становятся

действующими силами движущаяся стена в "Трех сестрах" или блуждающий световой луч в "Карамазовых", так и *речевая акустика может быть действенной составляющей режиссерского решения.*

Но всё же большинство в репертуаре МДТ составляют спектакли с локальным использованием микрофонов (уже упомянутые "Братья и сестры", "Гамлет", "Чайка", "Коварство и любовь") или же *вовсе без микрофонного усиления* ("Дядя Ваня", "Три сестры", "Повелитель мух", "Братья Карамазовы", "Бесплодные усилия любви", "Враг народа", "Вишневый сад" и др.)

В спектакле "Братья и сестры" вообще одним из уровней, на которых разворачивается сценическая борьба является *конфликт громкого и тихого, электрического и акустически достоверного.* На одной чаше весов – раскаты Сталинского голоса (ими открывается спектакль), оглушительные аккорды "Прощания Славянки", грохочущая песня из "Кубанских казаков", рёв мотоцикла Егорши. На другой – живая музыка, живое пение, живые люди, живая фактура деревянной декорации Э. С. Кочергина. Есть мир Пекашина – мир, где течет настоящая жизнь со всеми её горестями и трудностями, а есть мир внешний, куда-то громко несущийся. В какой-то степени вообще можно говорить о том, как в акусти-

ческом решении спектакля сталкиваются уходящая реальность крестьянской общины и сметающий её электрифицированный двадцатый век. В ткани спектакля "Братья и сестры" Додин четко выделяет и сталкивает куски жизненные и куски "электрифицированные". Телесность-натуралистичность спектакля (реальные фактуры, распахивающиеся в зрительный зал деревянные ворота-брёвна, обнаженные тела, северный говор) противопоставляется симулякрам, которые и потрогать, "пошщупать"-то нельзя.

Работа без микрофонного усиления предъявляет особые требования к артистам, зачастую ставя их в непростые условия (скажем, в "Трех сестрах", когда в 1 акте герои зачастую находятся в самой глубине сцены за декорацией-стеной). Но это и работает на достоверность, и затягивает зрителя, фокусирует зрительское внимание, не ставит препятствий для подлинного сценического общения. И заставляет артистов постоянно учитывать присутствие зрителя, акустически непрерывно существовать в большом круге. На сцене в театре Додина есть стремление не просто к подлинному, но к реальному действию, реальному процессу [7, 124]. Но благодаря натуральному звучанию между артистами и зрительным залом тоже устанавливается особого рода живой акустический и человеческий контакт, возникает общая реальность сцены и зала, "общение человека с человеком" [8, 61]. То есть на самом деле налицо парадокс: спектакль без микрофонов оказывается гораздо более "направленным" на зрителя и заботливым по отношению к нему, чем спектакль с микрофонами (которые, казалось бы, должны зрительское восприятие облегчать).

Таким образом, использование микрофонов в спектаклях Малого драматического театра продиктовано не техническими соображениями (артисты способны озвучить зрительный зал и без микрофонов), а художественными задачами, режиссерским решением. "Если пение или речь должны зву-

чать "вживую", без микрофонного усиления, то это будет выдержано даже в спектакле под открытым небом, даже в афинском античном "Одеоне", где соберутся несколько тысяч зрителей. Если же потребна микрофонная акустика (довольно редкий случай), то и за этим следится неукоснительно: громкость, уровни звучания, степень реверберации находятся под режиссерским контролем на протяжении всей жизни спектакля" [9, 236], пишет В. Н. Галендеев, заместитель художественного руководителя МДТ и известнейший педагог по сценической речи. Очень избирательное использование микрофонов в МДТ продиктовано общей художественной установкой руководства театра, многолетним стремлением строить театр, прежде всего, основанный на актерском ансамбле.

Ярко это проявляется в последних спектаклях Л.А. Додина ("Братья Карамазовы", "Чайка"), в которых все герои практически непрерывно находятся на сцене, в "сверхсюжетной ситуации всеобщего обсуждения возникающей метафизической коллизии жизни" [10]. Все всё видят и слышат, между персонажами как будто бы постоянно натянуты нити драматического напряжения. Сохранение подлинного акустического звучания в этих спектаклях – попытка ничем не разорвать эти нити, не разрушить реальное общение, не помешать микрофонным звуком, выстроить непрерывность диалога. Тем более, что музыка присутствует в сценическом тексте "Чайки" и "Братьев Карамазовых" эпизодически, основу же звуковой партитуры составляют именно голоса актеров [11, 31]. Додин выстраивает театр "коллективной художественной души" [12, 152] не только в философском плане, но и в чисто утилитарном: погружая всех артистов в ситуацию непрерывного (то звучащего, то молчаливого) коллективного диалога. Художественная концепция театра Льва Додина оказывается невольно противопоставлена в этом аспекте Х.-Т. Леману, полагающему, что в театре "общее стрем-

ление теперь направлено не к диалогу, но к многоголосию, к "полилогу" [13, 239].

Разумеется, работа без микрофонной поддержки требует от артистов Малого драматического театра особой речевой техники: мощного и объемного дыхания, большой полётности звука, выпуклых согласных. Обеспечить высокий уровень речевой техники артистов МДТ, несомненно, помогает как пристальное внимание, которое уделяет работе со сценическим словом Лев Абрамович Додин, так и ежедневные речевые разминки, которые проводятся педагогами театра перед каждым спектаклем на протяжении десятилетий.

Специфика художественного использования "микрофонной речи" в спектаклях Л.А. Додина определяется локальностью, "точечностью" появления микрофонного звучания. Только за счет этой локальности создается необходимый эффект, возникает поэтическое обобщение. Лишь на фоне натурального, "живого" акустического ландшафта микрофонное звучание обретает свое художественное, смысловое наполнение.

В заключение хотелось бы сказать о том, что микрофоны в театре – это реальность, от которой не уйти. В этом отношении Малый драматический театр – один из немногих, которые сознательно уходят от использования микрофонного усиления. Но в целом, если говорить о речевом воспитании современного синтетического актера, он, вне всяких сомнений, должен быть подготовлен в театральной школе ко всему: к работе на большой зал без микрофона, к работе с петличным и ручным микрофоном, к работе в комнате, к работе в уличном спектакле, к работе в пространстве заброшенного заводского цеха, к работе в студии звукозаписи и так далее. Современный артист, с точки зрения речи, должен быть чрезвычайно пластичен, способен работать в разных эстетических, акустических и жанровых координатах.

Литература:

1. Овчинников В.Н. Качество звука в театре как объект эстетической оценки // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2017. – №2. – С.15-30.
2. Посевина Д. Звукоусиление в театре. Часть 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://prosound.ixbt.com/livesound/teatr-1.shtml> (дата обращения 02.06.2023)
3. Краснослободцева А.В. Функции экранных образов в российском театре XXI века : дис. ... к. иск. / А.В. Краснослободцева. – М., 2022. – 183 с.
4. Фунтусов В.П. Традиция живого театра в творческом методе Льва Додина / В.П. Фунтусов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – №3(8). – С. 82-87.
5. Лосева Е. Но кто мы и откуда. (Блог Петербургского театрального журнала) [Электронный ресурс]. URL: <https://ptj.spb.ru/blog/no-kto-my-i-otkuda> (дата обращения 20.06.2023)
6. Токарева М. Так сервируют зло. Лев Додин измерил Россию шиллеровским "аршином" / М. Токарева // Вопросы театра. – 2012. – №3-4. – С. 53-55.
7. Фунтусов В.П. "Живой театр" Льва Додина / В.П. Фунтусов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – №2(27). – С. 121-124.
8. Додин Л.А. Живой театр. Заметки и соображения / Л.А. Додин // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 3(40). – С. 53-61.
9. Галендеев В.Н. Сценическая речь. – Школа. – Театр: Избранные работы о сценическом искусстве. – СПб.: РГИСИ, 2016.
10. Чепуров А. Пьеса Бориса Тригорина / Александр Чепуров // Литературная газета. – 2023. – № 42 (6856) [Электронный ресурс]. URL: <https://lgz.ru/article/-42-6856-19-10-2022/pesa-borisa-trigorina> (дата обращения 11.06.2023)
11. Скорухин Н. У Додина "Братья Карамазовы" в Театре Европы / Н. Скорухин // Вопросы театра. – 2021. – № 1-2. – С. 26-35.
12. Ремнев В.А. Экзистенциальный метод театрального режиссера Льва Додина / В. А. Ремнев // Гуманитарное знание: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Г. Егоркина. – СПб.: Астерион, 2008. – С. 148-159.
13. Леман Х.-Т. Постдраматический театр. – М.: ABCdesign, 2013. – 312 с.

PROBLEMS OF SYNTHESIS OF ARTS IN THE PERIOD OF FORMATION OF E.A. KIBRIK'S CREATIVITY (1922-1930)

Chichvarina Olga Georgievna, Assistant to the Chairman for Organizational Matters, Union of Artists of Russia, Moscow

The core research problem when considering the period of 1922-1930 is the analysis of the development of the creative personality of E.A. Kibrik, the formation of his visual perception in the history of Russian art of the first third of the XX century, the study of vectors of influence at the stage of the artist's training, the range of his graphic works and the directions in which the artist's creativity develops, as well as the problems of the synthesis of the arts of the XX century in interaction with impressionism, symbolism, South Russian realism, academism and avant-garde in the process of studying E.A. Kibrika in Odessa and St. Petersburg. The methodological basis for studying the period of formation of E.A. Kibrik (1922-1930) is its low level of study, which makes the topic relevant and in demand by the scientific community.

Keywords: graphic language; South Russian realism; the concept of mimesis; vectors of influence; analytical art.

EDN: YPHQJK; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.13

Цитировать: Чичварина О.Г. Проблематика синтеза искусств в период становления творчества Е.А. Кибрика (1922-1930) // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 108-114. EDN: YPHQJK. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.13

УДК 7.072.2

БАК 5.10.1

ПРОБЛЕМАТИКА СИНТЕЗА ИСКУССТВ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Е.А. КИБРИКА (1922-1930)

© Чичварина О.Г., 2023

Стержневой исследовательской проблемой при рассмотрении периода 1922-1930 годов является анализ развития творческой личности Е.А. Кибрика, формирование его визуального восприятия в истории искусства России первой трети XX века, изучение векторов влияния на этапе обучения художника, круга его графических произведений и направлений, по которым происходит развитие творчества художника, а также проблематике синтеза искусств XX века во взаимодействии с импрессионизмом, символизмом, южнорусским реализмом, академизмом и авангардом в процессе обучения Е.А. Кибрика в Одессе и Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: графический язык; южнорусский реализм; концепция мимесиса; векторы влияния; аналитическое искусство.

108

ЧИЧВАРИНА Ольга Георгиевна,
помощник председателя
СХР по организационным
вопросам, ВТОО "Союз
художников России",
Москва

Недостаточная изученность развития творческой личности Е.А. Кибрика актуализирует данное исследование. Исследование становления Е.А. Кибрика осуществляется в неразрывной связи с условиями формирования графического языка, включающими в себя два аспекта: эстетический (где творческие поиски связаны с художественными стилями, течениями, направлениями, школами и творчеством отдельных представителей) и "прикладной", когда на материале конкретных серий иллюстраций рассматриваются особенности создания образного языка, конкретные приемы графической техники.

Рассматривая традиции импрессионизма, символизма, южнорусского реализма, академической школы императорской академии художеств, применяемые в период обучения Е.А. Кибрика, выявляем проблематику взаимодействия искусств между собой и переходим, в связи с этим к понятию "синтез искусств".

Понятие "синтез искусств" применимо с точки зрения фабулы восприятия ранних работ Е.А. Кибрика, созданных в условиях взаимовлияния различных направлений в искусстве в пери-

од обучения начинающего художника. Рассмотрим определения, данные синтезу искусств в разные годы XX-XXI веков. Г.П. Степанов в книге "Композиционные проблемы синтеза искусств" (1984) рассматривает синтез искусств как часть проблематики "человек и среда" [13], выдвигая принципы композиционной целостности в синтезе архитектуры и монументального искусства.

В данном исследовании интересует рассмотрение синтеза искусств, выраженного во взаимовлиянии и проникновении, а именно органичном соединении "произведений разных искусств или видов искусства в художественное целое, которое эстетически организует материальную и духовную среду бытия человека" [12]. Синтез искусств в данном исследовании будет рассмотрен с точки зрения его влияния на период формирования художественных воззрений Е.А. Кибрика.

Понятие "южнорусский реализм", впервые введено Е.А. Кибриком в книге его воспоминаний "Работа и мысли художника", посредством изложенной истории Товарищества южнорусских художников (ТЮРХ), созданного в Одессе в 1890 году, наследовавшего традиции школы реализма передвижников, призванного способствовать развитию русского искусства, состоящего "из членов, которыми могут быть лишь художники по профессии, не оставившие художественной деятельности" [14, 6-7]. В уставе 1894 года были утверждены положения о целях, круге деятельности, составе, управлении делами, правлении, средствах товарищества. Учредителями Товарищества южнорусских художников стали К.К. Костанди, Е.И. Буковецкий, Г.А. Ладыженский, Н.Д. Кузнецов, А.П. Размарицын, скульптор Б.В. Эдуардс [17]. Понятие "южнорусский реализм" напрямую связано с Товариществом южнорусских художников и в данном исследовании носит актуальный характер в связи с

личностью художника П.Г. Волокидина, являвшегося членом этого общества и одним из первых учителей Е.А. Кибрика в институте ИЗО (г. Одесса).

Однако колоссальное значение для Е.А. Кибрика имели и экспонаты художественных музеев (Николаевский областной художественный музей имени В.В. Верещагина и Одесский художественный музей), на примерах которых он мог учиться. "В Одес-

ском музее русского искусства, – вспоминал график, – наибольшее влияние оказали на меня великолепный овальный портрет Алафузовой работы В. Серова, один из его шедевров, написанный необы-

чайно свободно, широко и в то же время точно, и серия карандашных портретов Сомова. Я этим сомовским портретам, безусловно, подражал" [8, 21-22].

Е.А. Кибрика привлекала философия, благодаря изучению которой ему открылось совершенно новое понимание мира и искусства. "...Я увидел, – вспоминал художник, – что под видимым хаосом жизненных случайностей лежат вечные, непреодолимые законы материи. Законы природы, истории и человеческого мышления" [7, 28]. С тех пор художника не покидал интерес к философии, который отразился на всей его творческой жизни, проявился в его работах.

Концепция мимезиса на протяжении всего творческого пути Е.А. Кибрика была основополагающей и новаторской, поскольку сам художник придерживался собственной трактовки этого понятия. В теоретических трудах, написанных художником уже спустя несколько десятилетий после обучения в Академии художеств, в его научных статьях о законах композиции и методике ее преподавания в художественной школе, в книгах, раскрывающих отношение графика к искусству великих мастеров, находим подтверждение того, что он придерживал-

"ПОД ВИДИМЫМ ХАОСОМ
ЖИЗНЕННЫХ СЛУЧАЙ-
НОСТЕЙ ЛЕЖАТ ВЕЧНЫЕ,
НЕПРЕОДОЛИМЫЕ ЗАКОНЫ
МАТЕРИИ"

ся идеи жизненности и подражания самой жизни в движении и развитии.

Е.А. Кибрик в статье "Объективные законы композиции в изобразительном искусстве" 1966 года говорит об истинном, по его мнению, призвании искусства "передавать жизнь движущуюся, развивающуюся, беспрерывно изменяющуюся". "Думаю, – пишет художник, – что законом композиции является передача в одном кульминационном моменте движения признаков предыдущего и последующего состояния. Только таким путем возможна передача движения, жизни в изобразительном искусстве" [7, 28].

Уникальный научный труд по вопросам методики преподавания композиции в советской художественной школе, написанный Е.А. Кибриком уже в статусе профессора МГХИ им. В.И. Сурикова и изданный издательством Академии художеств СССР за шесть лет до кончины мастера в 1972 году в сборнике "Вопросы художественного образования", раскрывает обоснования системного подхода в художественном образовании. Е.А. Кибрик писал: "Художник призван изображать жизнь, а первым признаком жизни является движение" [6, 3-22]. Также он отмечал: "Естественным же для формирования молодого художника является поэтическое осмысливание им своих жизненных наблюдений, своего жизненного опыта. Кроме того, темы, взятые из окружающей действительности, легко могут быть дополнительно изучены, проверены натурой. Подобная работа заставляет молодого человека глубже вдуматься в жизнь, в свое отношение к ней. Только на этом пути возможны действительные творческие находки" [6, 3-22].

Но в начале своего пути, в 1925-1927 гг., после поступления в Академию художеств более всего Е.А. Кибрик стремился познать основы композиции. "Консультировал композицию Александр Иванович Савинов, – вспоминает он, – глубокий, высокой культуры художник" [8, 32]. Но никаких идей, задач перед студентами не ставилось, ни-

чего не разъяснялось. "Не доверяя профессорам как "буржуазным специалистам" и боясь их персонального влияния на студентов, руководство в 1925 году изобрело "коллективный" метод преподавания, при котором в один день приходил один профессор, в другой день – другой (начисто отвергавший указания первого), в третий день – третий и т.д." [8, 32]. Художник постоянно искал ответы на волновавшие его вопросы и, не получив их в стенах Академии, ушел из нее, в 1927 году подав заявление ректору о "резко отрицательном отношении к применявшейся педагогической системе" [16, 13].

График приехал в Ленинград в эпоху бурных перемен, в то самое время, когда многие творческие объединения зарождались, либо, наоборот, находились на грани распада, либо уже закончили свое существование, но оказывали воздействие на художественную жизнь: это и "Мир искусства" (1898-1924), в состав которого входили: А.Н. Бенуа, К.А. Сомов, В.Ф. Нувель, Д.В. Филофоров, С.П. Дягилев, Л.С. Бакст и многие другие, и Союз русских художников (1903-1923, Москва, Санкт-Петербург – Петроград) с такими художниками, как К.Ф. Юон, А.Е. Архипов, И.Э. Грабарь, А.А. Рылов.

Проблематика поиска художественной общественностью новых тенденций приобретала значение. Тенденции заявлялись преимущественно с Запада, причудливо соединившись с русской традицией, народностью, лубком и самобытностью отечественных художников, переродившись затем в явление, именуемое русским авангардом. В творческих дискуссиях 1920-1925-х годов активно обсуждалась проблема содержания, материала, цвета и формы в целом. Импрессионизм и ранний кубизм, итальянский футуризм, пришедшие из Европы, так или иначе перекликались с девизом отказа от классических форм выражения в искусстве, подспудно став своеобразной подпиткой извне и без того обостренной реакции деятелей искусства против царского режима.

В сочинении на тему "Что такое искусство", написанном Г.А. Кибриком [4, 1-2] при поступлении в Академию художеств в 1925 году, художник раскрывает свои взгляды на типологию и апологию искусства (импрессионизма и немецкого кубизма): "То, что органической чертой искусства является именно отражение им жизни, доказывает вся его история... Взять хотя бы импрессионизм, искусство впечатлений, появившийся во Франции в начале прошлого столетия в эпоху возникновения промышленного капитализма. <...> Как мне кажется, импрессионизм был безусловным проводником идеалистического мировоззрения (в частности, кантианского) в искусстве. И, действительно, идеи импрессионизма вполне совпадают с идеалистическим мировоззрением хотя бы в формуле последнего "мир есть совокупность моих чувственных восприятий, впечатлений". Такую же связь можно установить между современным течением германского кубизма и умонастроениями германской интеллигенции и т.д. Таким образом, поскольку искусство отражает и, отражая, организует нашу жизнь, мы говорим: "Не искусство для искусства, а искусство для жизни!" [4, 4-5].

Исходя из этого суждения, можно сделать заключение о приоритетах во взглядах на искусство Е.А. Кибрика 1925 года, схожих во многом с трудами выдающегося ученого-культуролога Ю.М. Лотмана, под другим ракурсом освещавшего проблематику вопроса трактовки понимания искусства: "Искусство – средство познания жизни, – пишет создатель семиотической школы. – Однако средство специфическое. Искусство познает жизнь, воссоздавая ее" [10, 32-42].

Поиск интерпретации западного искусства в российском контексте стал движущей силой создания объединений художников и писателей в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе. Своеобразным ответом на первый футуристический манифест Маринетти 1909 года стал манифест 1912 года "Пощечина общественному вкусу", написан-

ный Д.Д. Бурлюком, А.Е. Крученых, В.В. Маяковским, В. В. Хлебниковым [1, 58]. Все эти явления, происходившие в искусстве, оказывали влияние на формирование художественного языка Е.А. Кибрика, находившегося в поиске линии творчества.

Основная мысль заключалась в "твердом намерении художников молодого поколения развивать искусство русское по сути, идя по стопам русского авангарда 1890-х" [1, 39]. На авансцену российской культуры выступили художники новой формации, обещавшие обратить вспять тенденцию равнения на Западную Европу и, более того, с совершенно оригинальных позиций оказать определенное влияние на европейское искусство XX века. Это была своего рода творческая провокация, выраженная в дебатах, выставках, лекциях об искусстве, футуристических стихах.

"Театр стал частью производства искусства" [1, 58], стал особым, значимым преобразователем, бурлящей энергией, частью художественного перформанса, возникшего, по сути, еще до манифеста 1909 года, в год кровавого воскресенья (в 1905 году), и "настоящим толчком к русской театральной и художественной революции" [1, 58].

П.Н. Филонов, в качестве представителя русского футуризма, стал одним из оформителей декораций к трагедии Маяковского "Победа над солнцем". Над декорациями и костюмами для оперы работал Казимир Малевич. Синтез между живописцами и поэтами, проявившийся в театральных постановках, вдохновлял писателей и художников-оформителей. Стали появляться и первые выставки авангарда, поскольку из-за начала войны в Европе множество художников вернулись в Россию.

Значительную силу имели приверженцы творчества П. Пикассо, А. Матисса, В. Ван Гога, К. Малевича, К.С. Петрова-Водкина, излагающие в дискуссиях свои теоретические взгляды на искусство. Так называемая платформа была и у последователей традиционной русской реалистической школы,

по-прежнему считавших главенствующими в искусстве "правду и красоту". "Но нас, – вспоминал Е.А. Кибрик, – молодежь, они не захватывали – мы искали что-то новое, только в нем видя свое будущее" [8, 34].

Важно понимать, как соотносилось в этот период сознание и восприятие Е.А. Кибрика с окружающим его миром искусства. Художник вспоминал, что во взглядах на искусство 1920-х годов проявлялось крайнее разнообразие, но все сводилось к тому, что современное искусство должно быть ничем не похожим на старое, дореволюционное, "буржуазное". Вопрос "каким именно?" подвергался дискуссиям в художественном мире и оставался открытым. "Новизна – это вечная проблема искусства, – пишет в своих воспоминаниях Е.А. Кибрик, – одна из его коренных проблем. История искусства – это цепь художественных открытий прекрасного в действительности, в жизни" [8, 34]. Источником вдохновения для художника становились реформаторы, мастера, создающие новые авангардные объединения.

Художественная общественность жаждала новых тенденций. И они приходили, преимущественно с Запада, причудливо соединившись с русской традицией, народностью, лубком и самобытностью отечественных художников, переродившись затем в явление, именуемое русским авангардом.

Назовём некоторые объединения авангардных течений. Это "Ослиный хвост", а также отдельные мастера вне многочисленных групп первой трети XX века, которые главным принципом поисков в изобразительном искусстве сделали эксперимент и эпатаж во всех своих проявлениях.

Последователи К.С. Малевича объединились в "Группу живописно-пластического реализма", не имеющую официального статуса, однако просуществовавшую в течение восьми лет (1927-1934, Ленинград), участники: П.И. Басманов, А.Б. Батулин, В.А. Власов, Л.С. Гальперин, Н.Д. Емельянов, В.М. Ермолаева, В.В. Зенькович, М.Б. Казанская, О. В. Карташёв, Н. И. Коган, А.А. Ле-

порская, Т.М. Правосудович, К.И. Рождественский, В.В. Стерлигов, Н.М. Суетин, С.И. Фикс, Г.А. Шмидт, К.В. Эндер, М.В. Эндер, Л.А. Юдин и др. [2].

Взаимодействие цвета и формы, теория восприятия цвета стали темой авангардного объединения, образованного последователями М. В. Матюшина, "Зорвед" (1919-1932, Петроград – Ленинград). Его участниками стали: И.В. Вальтер, О.П. Ваулина, С.С. Власюк, Н.И. Гринберг, В.Э. Делаacroa, Н.И. Костров, Е.М. Магарил, М.В. Матюшин, Т.И. Сысоева, Е. С. Хмелевская, Б.В. Эндер, Г.В. Эндер, К.В. Эндер [3].

Объединение "Круг художников" было основано выпускниками Высшего художественно-технического института (ВХУТЕИН), членами-учредителями которого стали Л.Р. Британишский, М.Ф. Вербов, Е.С. Гаскевич, М.И. Гельман, Т.Е. Гернет (Матвеева), Д.Е. Загоскин, Г. Кортиков, Т.И. Купервассер, С.А. Куприянова, Г.А. Лагздынь, И.Л. Лизак, В.В. Пакулин, А.Ф. Пахомов, А.И. Порет, А.И. Русаков, М.А. Федоричева, С.А. Чугунов, Я.М. Шур [9].

В январе 1927 года силами группы бывших членов Товарищества передвижных художественных выставок и Союза русских художников появилось "Объединение художников-реалистов" (1927-1932, Москва – Ленинград), членами-учредителями которого были М.Х. Аладжалов, В.Н. Бакшеев, К.Н. Бахтин, И.П. Богданов, В.П. Бычков, Н.В. Досекин, М.М. Зайцев, Н.А. Касаткин, П.И. Келин, А.В. Лысенко, М.С. Малютин, С.В. Малютин, О.С. Малютина, С.Д. Милорадович, А.В. Моравов, М.В. Оболенский, Е.В. Орановский, П.И. Петровичев, Г.К. Савицкий, Б.В. Смирнов, А.В. Средин, Н.Ф. Холявин [11]. Художники провозглашали по-прежнему реалистические и натуралистические тенденции в изобразительном искусстве, не взирая на современные течения. В первой трети XX века в Петербурге существовало несколько аналогичных обществ академической направленности: Общество художников им. А.И. Куинджи (1909-1931,

Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград), Товарищество передвижных художественных выставок (1870-1918, Москва, Санкт-Петербург), Императорское общество русских акварелистов (1880-1918, Санкт-Петербург – Петроград), общественная благотворительная художественная организация "Общество поощрения художников" [5].

Были и объединения пролетарских культурно-просветительских организаций, провозглашавших искусство для масс, для пролетариата. Одной из таких творческих групп стал "Пролеткульт" (1917-1932, Петроград – Ленинград).

Как уже говорилось выше, бурное развитие русского искусства 20-х годов XX века сопровождалось возникновением новых течений и их распадом. Значительную силу имели приверженцы творчества Пабло Пикассо, Анри Матисса, Винсента Ван Гога, Казимира Малевича, Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина, излагающие в дискуссиях свои теоретические взгляды на искусство. Так называемая платформа была и у последователей традиционной русской реалистической школы, по-прежнему считавших главенствующими в искусстве "правду и красоту". "Но нас, – вспоминал Е.А. Кибрик, – молодёжь, они не захватывали – мы искали что-то новое, только в нём видя своё будущее" [8, 34].

Во взглядах на искусство проявлялось крайнее разнообразие, но всё сводилось к тому, что современное искусство должно быть каким-то новым, ничем не похожим на старое, дореволюционное, "буржуазное". Но каким именно? Этот вопрос оставался открытым и тонул в бесконечных дискуссиях.

Период поисков и самоопределения в творчестве девятнадцатилетнего Евгения Кибрика совпал с моментом его поступления в 1925 году в ленинградскую Академию художеств и некой разочарованностью в её системе преподавания. Источником вдохновения становились реформаторы, мастера, создающие новые авангардные объединения.

Появление в творческой судьбе Е.А. Кибрика глубокого по своей духовной наполненности, неординарного и противоречивого мэтра авангарда П.Н. Филонова на многие годы изменило жизненный путь в искусстве начинающего художника. Это была уникальная фигура в истории искусства. Личность такого крупного масштаба, художника-исследователя, учёного и философа обладала большой силой магнетизмом, притягивая в ряды увлечённых идей самопознания многие умы творческой интеллигенции, среди которых оказался и Е.А. Кибрик, уже будучи студентом Академии художеств.

Летом 1925 года Академия художеств предоставила П. Н. Филонову значительную по размерам мастерскую для работы, которая очень быстро заполнилась учениками Академии и художественного техникума. Много позже Филонов писал: "...с июня по сентябрь под моим руководством работала группа учащихся, вначале доходившая до 70 человек. ...Из этой группы тогда же и образовался Коллектив Мастеров Аналитического искусства" [15]. Наряду с такими художниками, как П.М. Кондратьев и В.В. Купцов, Б.И. Гурвич и Ю.Б. Хржановский, А.И. Порет, Т.Н. Глебова и А.Е. Мордвинова, в первоначальное ядро коллектива КМАИ вошёл и Е.А. Кибрик со своим другом Д.П. Крапивным. С этого момента Кибрик следует филоновским принципам "сделанности", истоки которых соответствуют приёмам французских пуантилистов, принимая их для себя в течение нескольких последующих лет. В 1927 году Кибрик покидает Академию художеств, всецело посвящая себя изучению "аналитического искусства".

Но после того, как он соприкоснулся с новыми явлениями в искусстве, Е.А. Кибрик, будучи молодым художником, только начинающим проходить путь становления творческой, мыслящей личности, стремящимся к самовыражению, искал духовное прибежище, нравственный и философский идеал в реальном, современном ему мире,

а не в иллюзорном мире искусства прошлых столетий.

Е. А. Кибрику предстояло в течение пяти лет познавать мировосприятие П.Н. Филонова, реформатора, мыслящего иными категориями, непривычными для молодежи тех лет, но несущими нечто магнетическое из зоны подсознания, раскрывающего свою суть, дремлющую в затаённых уголках разума. Безусловно, творчество П.Н. Филонова и его учеников являло собой синтез аналитического и мистического подходов в искусстве, реального и ирреального.

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие выводы:

1. В период 1922-1930 гг. художественный язык Е.А. Кибрика развивается при явном доминировании следующих векторов художественных воздействий: академической, реалистической, импрессионистической, символистской, авангардистской стилистических направленностей.

2. Как векторы локального краткого действия обозначаем влияние образовательных и творческих объединений: "Мира искусства", "Союза русских художников", "Товарищества южнорусских художников" (ТЮРХ), Оперного театра г. Одессы, Свободной академии художеств г. Одессы, Политехникума изобразительных искусств. Как второстепенные векторы трактуем воздействие конкретных художников: В.А. Серова, К.А. Сомова, П.Г. Великанова, А.А. Риттиха, П.Г. Волокидина, Т.Б. Фраермана, М.И. Авилова, Н.С. Самокиша, Г.К. Лукомского, А. И. Савинова.

Литература:

1. Голдберг Р. Русский футуризм и конструктивизм // Искусство перформанса. От футуризма до наших дней. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
2. Группа живописно-пластического реализма: 1927-1934, Ленинград // Интернет-проект ARTinvestment.RU. [Электронный ресурс]. URL: <http://artinvestment.ru/auctions/?c=113500>

3. Зорвед: 1919-1932, Петроград – Ленинград // Интернет-проект ARTinvestment.RU. [Электронный ресурс]. URL: <http://artinvestment.ru/auctions/?c=91500>
4. Из личного дела Г.А. Кибрика. Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 8. Ед. хр. 1199. Л. 1 – 5.
5. Инвестиции в искусство // Интернет-проект ARTinvestment.RU. [Электронный ресурс]. URL: <http://artinvestment.ru>
6. Кибрик Е.А. Вопросы преподавания композиции в советской художественной школе // Вопросы художественного образования. Тематический сборник научных трудов. Выпуск III. – Л.: Академия художеств СССР, 1972. – С. 3-22.
7. Кибрик Е.А. Объективные законы композиции в изобразительном искусстве. Движение // Проблемы композиции: сборник научных трудов. – М.: Издательство Российской академии художеств, НИИ теории и истории изобразительных искусств МГАХИ им. Сурикова, 1999. – 290 с.
8. Кибрик Е.А. Работа и мысли художника. – М.: Искусство, 1984. – 255 с.
9. Круг художников: 1926-1932, Ленинград // Интернет-проект ARTinvestment.RU. [Электронный ресурс]. URL: <http://artinvestment.ru/auctions/?c=110200>
10. Лотман Ю.М. Проблема сходства искусства и жизни в свете структурального подхода // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 32-42.
11. Объединение художников-реалистов: 1927-1932, Москва – Ленинград // Интернет-проект ARTinvestment.RU. [Электронный ресурс]. URL: <http://artinvestment.ru/auctions/?c=112400>
12. Российская академия художеств. Наука. Словарь терминов. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rah.ru/science/glossary/detail.php?ID=19631&phrase_id=103440
13. Степанов Г.П. Взаимодействие искусств. – Л.: Знание, 1973. – 184 с.
14. Устав Товарищества южнорусских художников (Одесса): Утв. 10 марта 1894 г. – Одесса, 1894. – С. 6-7.
15. Филонов Павел. Дневник. – СПб: Азбука, 2000. – 667 с.
16. Халаминский Ю. Я. Евгений Кибрик. – М.: Изобразительное искусство, 1970. – С. 13.
17. Энциклопедия Артхива. [Электронный ресурс]. URL: https://artchive.ru/encyclopedia/4433~Tovarischestvo_JuzhnoRusskikh_khudozhnikov

THE EVOLUTION OF A.V. TYRANOV'S PORTRAIT ART

Gudymenko Yuri Yurievich, PhD of Art History, leading researcher, curator of the painting collection of the XIX-XX centuries, Department of the History of Russian Art, State Hermitage Museum, St. Petersburg

The article examines a number of portrait works by Alexey Vasilyevich Tyranov (1808-1859) - one of the notable artists of the 1830s-1840s, often conventionally referred to as "second-hand masters". The main objective of the article is to identify and comprehend the complex creative path of the painter, coinciding with the main trends in the development of Russian art of these decades. In the course of this work, the most characteristic works of Tyranov are analyzed, reflecting the main stages of his creative path, which can be conditionally divided into three stages. In the first half of the 1830s, Tyranov was the author of remarkable "natural" portraits with their main task - maximum similarity with the model and fidelity of the drawing. In the second half of the 1830s (partly under the influence of K.P. Bryullov), the artist painted a whole series of illusionistic portraits, where light is the most important expressive means of painting. During his stay in Italy and after returning to St. Petersburg, Tyranov's works appear, in which the decorative principle begins to prevail. The relevance of the chosen topic is connected with the awareness of the experimentation of the master, which is the basis of his worldview and creative method. The evolutionism of Tyranov's activity and the desire to search for a new artistic form is obvious, which seems quite innovative against the background of everyday artistic production of his time.

Keywords: A.V. Tyranov; portrait genre in Russia of the 1830s-1840s; evolution of portraiture; illusory and decorative in portrait.

EDN: UZVIGX; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.14

Цитировать: Гудыменко Ю.Ю. Эволюция портретного творчества А.В. Тыранова // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 115-122. **EDN:** UZVIGX. **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.14

ЭВОЛЮЦИЯ ПОРТРЕТНОГО ТВОРЧЕСТВА А.В. ТЫРАНОВА

УДК 75.03

ВАК 5.10.3 (Изобразительное искусство)

© Гудыменко Ю.Ю., 2023

В статье рассматривается ряд портретных работ Алексея Васильевича Тыранова (1808-1859) – одного из заметных художников 1830-1840-х годов, часто условно относимых к "мастерам второй руки". Основная задача статьи заключается в стремлении выявить и осмыслить сложный творческий путь живописца, совпадающий с основными тенденциями развития русского искусства указанных десятилетий. В ходе настоящей работы анализируются наиболее характерные для Тыранова произведения, отражающие основные этапы его творческого пути, который условно можно разделить на три этапа. В первой половине 1830-х годов Тыранов – автор замечательных "натуральных" портретов с их главной задачей – максимальной схожестью с моделью и верностью рисунка; во второй половине 1830-х годов (отчасти под влиянием К.П. Брюллова) художник пишет целую серию иллюзионистических портретов, где важнейшим выразительным средством живописи является свет; во время пребывания в Италии и после возвращения в Петербург появляются работы, в которых начинает преобладать декоративный принцип. Актуальность избранной темы связана с осознанием экспериментаторства мастера, которое является основой его мировоззрения и творческого метода. Очевидна эволюционность деятельности Тыранова и стремление к поиску новой художественной формы, что представляется достаточно новаторским на фоне повседневной художественной продукции его времени.

Ключевые слова: А.В. Тыранов; портретный жанр в России 1830-1840-х годов; эволюция портретной живописи; иллюзорность и декоративность в портрете.

ГУДЫМЕНКО Юрий

Юрьевич, кандидат

искусствоведения,

ведущий научный

сотрудник, хранитель

фонда живописи

XIX-XX вв. Отдела

истории русского

искусства, Государствен-

ный Эрмитаж, Санкт-

Петербург

Алексей Васильевич Тыранов (1808-1859) был одним из самых способных и в дальнейшем – одним из самых известных

учеников А.Г. Венецианова. Первые свои портреты он написал в первой половине 1830-х годов; в их основе – работа с натуры, верный рисунок, безыскусственная манера передачи действительности и отсутствие намеренного артистизма. Но уже с середины десятилетия Тыранов показывает себя как более сложный художник, творчество которого стремительно менялось на протяжении двух десятилетий. Он один из немногих "мастеров второй руки", кто стремился к экспериментаторству и его творческая манера характеризуется разными тенденциями. В этом смысле он близок О.А. Кипренскому и К.П. Брюллову. Жизнь и творчество А.В. Тыранова изучены достаточно полно [см.: 1; 3; 5; 9]. Между тем, очевидно, что их необходимо рассматривать на более широком фоне художественной жизни России, сравнивая с основными тенденциями времени. К тому же за последние десятилетия список работ художника пополнился новыми, неизвестными ранее произведениями, подтверждающими незаурядное художественное дарование мастера и необходимость дальнейшего изучения его наследия, а также – исследованиями его творческого метода [2; 4]. В задачу статьи входит анализ некоторых наиболее характерных произведений Тыранова и осмысление творческого метода художника.

Тыранов происходил из мещан города Бежецка Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. С шестнадцати лет он поступил краскотером к своему старшему брату – иконописцу Михаилу, который вместе с Н.С. Крыловым летом 1824 года, работал в Теребенском монастыре. В собрании Эрмитажа есть одна любопытная картина, поступившая в музей как "Портрет молодого купца". Справа ниже середины имеется подпись художника – Н. Тыранов. Мы не знаем, были ли у Алексея помимо Михаила еще один брат (что вполне возможно), но художественный уровень этой работы вполне совпадает с продукцией, которую производили живописные артели в то время. Познакомившись

в Теребенском монастыре с Алексеем Тырановым Венецианов забрал его к себе и уже осенью 1824 года юноша, вслед за учителем, переехал в Петербург, жил в его мастерской и посещал рисовальные классы Академии художеств. Венецианов выхлопотал ему разрешение заниматься в Эрмитаже, представляя его как своего сына. Молодой юноша делал столь быстрые успехи, что на выставках Общества поощрения художников в 1826-1827 годах его картины имели большой успех и хорошо раскупались. В 1826 году он написал свою первую значительную работу – "Перспективный вид Эрмитажной библиотеки" (ГЭ). Это самая ранняя картина учеников Венецианова в собрании Эрмитажа. Она была написана в 1826 году, а в следующем – художник получил за нее малую золотую медаль от Академии художеств и бриллиантовый перстень от Николая I; более того, она была определена императором в отдел русской школы Эрмитажа. Прекрасно скомпонованная, она отличается верностью передачи интерьера и света. Оживляющим элементом в "перспективном роде" у венециановских учеников всегда служат фигуры людей, которые не выполняют роль простого стаффажа, не украшают собой интерьер, а живут в нем, придавая картине "тихую жизнь". Есть в картине еще одно действующее лицо – солнечные лучи, заливающие золотистым светом весь второй план картины. Отбрасываемые предметами тени тоже кажутся зыбкими, подвижными и также способствуют ощущению неторопливого движения в этом пространстве. Вторая интерьерная картина Тыранова – Внутренний вид Большой церкви Зимнего дворца – написана в 1829 году (ГЭ). Она сложнее предыдущей: и по архитектурному убранству интерьера и по количеству изображенных в ней людей; но и здесь художник максимально использует свет как источник "оживотворения" пространства.

Наиболее значительным портретом 1820-х годов следует считать автопортрет (1825, Тверская областная картинная галерея). В

нем присутствует еще робкий, но верный рисунок и подчеркнутая ясность цвета, без колористических изысков. В 1830 году Тыранов написал портреты супругов Д.Г. и А.Г. Бабкиных. Мужской портрет хранится в Саратовском художественном музее им. А.Н. Радищева, а женский – в Эрмитаже. Последний написан довольно жестко и по рисунку, и по живописи; поза Бабкиной отличается напряженностью и застылостью. Сопоставляя живописные особенности с более поздними работами художника, понимаешь, какой большой путь прошел Тыранов до первоклассных работ середины 1830-х годов.

Один из удачных портретных образов Тыранова связан с именем П.А. Плетнева (1836, Всероссийский музей А.С. Пушкина, Петербург). В конце февраля 1836 года портрет видел в мастерской Тыранова А.Н. Мокрицкий, отметивший его популярность: "так много хвалимый портрет" [7, с. 72]. Мокрицкий несколько ревностно оценивает увиденное произведение, но его замечания не лишены справедливости: "И, действительно, много хорошего в нём, но я не вполне доволен им. Во-первых это не Плетнёв, во-вторых – широк, плотен и чересчур мягок, пухляв" [7, с. 72]. Мокрицкий пронищательно отмечает "мягкость" Плетнева и это справедливо не только с точки зрения содержания портретного образа, но и с формальной. Помимо верного рисунка и запоминающихся линий силуэта, Тыранов добивается больших успехов в колорите, особенно в сложном исполнении лица с использованием тонких сочетаний теплых и холодных оттенков. Не менее удачный образ мы видим и в портрете И.И. Лажечникова (1837, Всероссийский музей А.С. Пушкина, Петербург), хоть и исполненном в период начала увлечения Тыранова эффектами освещения, но, скорее, примыкающем к "Плетневу" по мягкости света и сдержанности колорита.

В "Плетневе" и "Лажечникове" Тыранов являет собой образец "художника-ремеслен-

ника" (применяем этот термин без негативной оценки) для которого новаторство в портретах менее важно, чем традиции, тесно связанные со вкусами заказчиков. Судя по этим работам художник видел свою задачу в правдивом отражении действительности. В таких работах главным являлась передача внешнего сходства без помощи специальных художественных приемов – сложной композиции, позитур и жестов, необычного колорита и освещения. Эта линия развития портрета, наиболее ярко представлена в 1830-х годах в творчестве таких "мастеров второй руки", как Ф.О. Будкин, П.З. Захаров, П.Е. Заболоцкий, А.Н. Мокрицкий, И.Ф. Хруцкий, Н.А. Алексеев, П.П. Веденецкий, М.П. Вышневецкий и др. Речь идет, как правило, о натурном портрете, исполненном максимально схоже по отношению к модели, добросовестно выполненном с точки зрения верности рисунка и без художественных крайностей в техническом аспекте. Условно обозначим этот портрет как "натуральный", вкладывая в это понятие тот смысл, что при исполнении главной задачей художника является максимально точная передача изображаемого объекта; работа с натуры является здесь определяющей и напрямую связана с обозначенным термином. В подобных работах главным является не демонстрация своей художественной индивидуальности, не новаторство в содержании и форме, а стремление к устоявшемуся и хорошо воспринимаемому заказчику результату. "Натуральный портрет" не должен рассматриваться как нечто вторичное по отношению к произведению "с идеей"; ремесленный подход – сознательное или бессознательное использование технических приемов – не является в "натуральном портрете" отрицательным элементом, но, как это ни парадоксально, является знаком качества. "Натуральный портрет" лишен претензий на выдающееся место в истории искусства. Воображение таких мастеров (например, указанных выше) было направлено на передачу того, что они видели. Для того чтобы

иметь представление о подобной продукции, назовем следующие портреты: М.Ю. Лермонтова кисти Ф.О. Будкина (1834, ИРЛИ), М.М. Попова (1830-е, Новосибирский государственный художественный музей) и М.И. Меркурьева (1837, Государственный музей А.С. Пушкина) работы И.К. Зайцева, супругов П.И. и Е.И. Пузино исполненных А.Н. Мокрицким (1835, ГРМ), Н.А. Исленьева (1836, ГЭ) и "купца Жадимеровского" (около 1836, ГЭ) писанных П.З. Захаровым, А.И. Мессинга работы П.П. Веденецкого (начало 1830-х, ГЭ), "Автопортрет с семьей" Н.М. Алексеева (1836, НГХМ), "Офицера гвардейских гусар" кисти П.Е. Заболотского (1839, ГЭ). Собственно, подобный тип портрета можно было бы обозначить и как "ученический", но наличие таких выдающихся из этого ряда образцов портретного жанра, как "Плетнев" и "Лажечников" Тыранова свидетельствует об узости этого термина и, в конечном счете, непригодного.

Интересен в связи с вышесказанным зафиксированный в "Дневнике" А.Н. Мокрицкого процесс написания им портрета Е.И. Пузино (1835, ГРМ), который, скорее всего, писался без предварительного композиционного наброска и без определенной художественной задачи: "Портрет мой у Пузино идет удачно, жалею только, что положение несколько *fas*" [7, с. 44]. То, что Мокрицкий менее всего думал о композиции, доказывает и случай с портретом "мисс Потс" (1836, местонахождение неизвестно), в котором, когда тот уже был готов, был добавлен стол и "и для этого достал у супруги инспектора прекрасную мебель" [7, с. 69]. Работая лишь с единственной целью – создать портрет технически грамотно – Мокрицкий как в портрете Пузино, так и в других портретах середины 1830-х годов демонстрирует тот тип портрета, который мы обозначили как "натуральный".

В какой-то степени работы Тыранова, Захарова, Заболотского или Веденецкого предвосхищают произведения натуральной школы в литературе 1840-х годов или по-

явившееся в то же десятилетие похожее явление – дагеротип. На наш взгляд, портреты обозначенных выше мастеров – это мейнстрим всей первой половины XIX века, где активно прослеживаются традиции С.С. Щукина и А.Г. Варнека, с одной стороны (как представителей академической линии), и А.Г. Венецианова и А.В. Ступина – с другой (как представителей частных учебных заведений). Это направление существовало всегда, но чаще всего было скрыто новаторскими идеями и течениями. Можно говорить о существовании достаточно цельной реалистической портретной школы, ориентировавшейся на творчество Венецианова и Варнека (называем двух наиболее авторитетных мастеров-педагогов 1830-х годов). Вопрос о связи этих художников в отечественном искусствоведении еще не ставился, но отмечалось уважительное отношение Венецианова к Варнеку как к художнику. Это заставляет нас предположить, что методики обоих мастеров были близки. В них входила работа с натуры, апология рисунка и отдельные близкие живописные приемы (например, "штриховая манера"). Почти все ученики Венецианова и Варнека осторожно использовали приемы контрастного освещения и сильных цветовых акцентов; их общая линия заключалась в правдивой передаче натуры простыми, не впадающими в чрезмерность, способами. Не приветствовался и фактурный артистизм (как, например, в творчестве Дж. Доу), хотя работать раздельным мазком не возбранялось.

"Натуральный портрет" лучше всего является и осмысливается в контрасте с другим портретным типом, который связан со стремлением передать какую-либо идею, чаще всего связанную с желанием представить значимый факт биографии изображенного или продемонстрировать новаторские поиски в области художественной формы. Условно его можно назвать "портретом-картиной". В качестве характерных образцов приведем следующие работы, написанных

в то же десятилетие, что и тырановские "Плетнев" и "Лажечников"; это портреты великих княжон Марии Николаевны и Ольги Николаевны работы Т.А. Неффа (1838, ГРМ), детей Витгенштейна (1832, замок Шиллингфюрст, Австрия), Н. Кукольника (1836, ГРМ), "Ю.П. Самойловой с воспитанницей, удаляющейся с бала" (конец 1830-х, ГРМ) кисти К.П. Брюллова и др.

"Портрет-картина" и "натуральный портрет" представляют собой своеобразные полюса. Но при этом, границы между ними, как это всегда бывает, очень размыты. Например, автор традиционного портрета М.Ю. Лермонтова Ф.О. Будкин, вполне может стремиться к сложным композиционным полотнам (портрет М.М. Дондуковой-Корсаковой с дочерью. 1838, Национальный художественный музей республики Беларусь, Минск), а мастер официальных ростовых портретов П.В. Басин – к непритязательным погрудным изображениям с натуры (парные портреты Т.Е. и Т.Ф. Фан-дер-Флитов; 1835, ГРМ). С другой стороны, "Плетнев" Тыранова или "Исленьев" Захарова – произведения художников "второй руки" – демонстрируют незаурядный талант живописца, а "Портрет сыновей художника Николая, Александра и сенной девушки, жившей в доме Бруни", кисти Ф.А. Бруни (около 1845, ГРМ) вполне заурядную с технической стороны картину.

Новый этап в творчестве Тыранова начинается с приездом в Петербург 23 мая 1836 года К.П. Брюллова. Как и многие его товарищи по Академии, он попал под влияние этого выдающегося мастера, выставив в том же году на академической выставке картину "Девушка с тамбурином", принесшую ему оглушительную популярность. Первый раз в своем творчестве Тыранов примерил тот "манер", от которого предостерегал его Ве-

нецианов. Работа была исполнена в совершенно брюлловском духе, с использованием знаменитого двойного освещения. Однако, Тыранов усложнил себе задачу, передав еще более сложный свет, в несколько раз усиливая брюлловские эффекты. О.И. Сенковский описывал картину так: "Девочка, с премиленьким личиком, с детскою улыбкою, в красном платье, держит поднятый бубен перед окном; свет, обходя прозрачную кожу инструмента, падает на алый рукав ее, и от рукава отражается на лице, обливая его красным полусветом" [8, с. 63]. К сожалению, сегодня мы можем только читать восторженные отзывы современников и иметь перед собой не очень мастерские копии с этого полотна – местонахождение оригинала неизвестно. Алексеева писала о том, что

картина Тыранова была задумана Брюлловым [1, с. 233], но стоит напомнить, что первых учеников тот получил только 31 октября; между тем, экспозиция открылась в сентябре.

На академической выставке экспонировались несколько портретов, из которых до нашего времени дошел только упоминавшийся выше портрет Плетнева. Если в нем, главными

выразительными средствами выступают рисунок и мягкая светотень, максимально выявляющая объем, но не переходящая границ, за которыми начинается натурализм, то другие портреты представляли иную художественную идею – попытку передать человека как реальный, осязаемый объект. Поэтому большинство из них были написаны с использованием косого или скользящего света, когда резкий луч света выхватывает лишь незначительные фрагменты лица или костюма, ближе к границе силуэта. Этим приемом Тыранов и заслужил недовольствие некоторых критиков. Так, известный остроумец О.И. Сенковский в журнале

ТАКИМ ОБРАЗОМ
Г. ТЫРАНОВ ПРЕКРАСНО
ПРИМЕТИЛ, ЧТО МЕТАЛЛ
В ПЕРВЫЙ МОМЕНТ
ЯВЛЯЕТСЯ ГЛАЗУ
ТВЕРДЫМ: ОН И НАПИСАЛ
ЕГО ТВЕРДЫМ, И МЕТАЛЛ
САМ СОБОЮ ВЫШЕЛ
БЛЕСТЯЩИЙ,
СОВЕРШЕННО
МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ."

"Библиотека для чтения" разразился следующим сатирическим монологом: "Со времени серебряных пуговиц графа Ш[ереметева] работы Кипренского, лучших пуговиц, и тщательнее вычищенных, не бывало еще в продаже. Серебряные эполеты подлинно серебряны: тут нет никакого обмана; или, лучше сказать, обман тут совершенный. Эти, и многие другие подробности, столь превосходно отделанные, показывают, что Г. Тыронов одарен чрезвычайно зорким глазом, что он видит верно, что он с первого взгляду видит на предметах именно то, что прежде всего видно, – дело, клянусь вам этими пуговицами, весьма трудное, дар необыкновенно редкий! Таким образом Г. Тыронов прекрасно приметил, что металл в первый момент является глазу твердым: он и написал его твердым, и металл сам собою вышел блестящий, совершенно металлический. Теперь остается только приметить, что лицо, тело, прежде всего представляется зрению мягкими, и лица на его портретах непременно будут мягки. Несправедливо было бы однако ж в лице почтенного купца, на одном из портретов Г. Тыронова, причислять к совершенно твердым телам" [8, с. 61]. Этот обидный тон вскоре продолжит другой художественный критик П.П. Каменский, в своей статье об академической выставке 1839 года: "[...] он слишком предается механизму, хлопочет почти об одном только освещении, освещает все как-можно ярче с усердием, которое сделало бы честь любому директору компании угле-водородного газа, и освещает однообразно, все только края и оконечности. Что касается до меня, то я был бы в отчаянии, если бы мне велели во всю жизнь носить солнечный луч на кончике носа или за ухом" [6, с. 52-53].

Подобные выпады, вероятно, следует отнести к неприятию некоторой части знатоков (и тех, кто себя знатоком считал, как, например, Сенковский) к зарождающемуся в отечественной живописи натурализму. Между тем, такие работы, как портрет А.Н. Дубельт, показанный на выставке 1839 года

– достаточно выразительный, как раз из-за мастерского владения художником светотенью. В нем он использует косой свет, очень эффектно выделяющий на темном фоне фрагмент женской полуфигуры. Косой или скользящий свет – один из самых востребованных у художника во второй половине 1830-х годов – в дальнейшем почти не используется. С чем это связано – с прислушиванием художника к критике или увлечение другими живописными задачами – мы не знаем.

Тыранов посещал класс Брюллова с осени 1836 года и, конечно, испытал огромное воздействие этого мастера. Гораздо проще назвать тех художников, которые не попали под обаяние Брюллова. Однако было бы большим упрощением считать творчество Тыранова после 1836 года полностью "брюлловским". Да, Тыранов своей "Девушкой с тамбурином" продемонстрировал, что примерить на себя "брюлловский манер" ему ничего не стоит. Но в портретной живописи он старался идти своим путем. Пришедшие по вкусу широкой публике портреты с тем самым, заклеянным Сенковским и Каменским, освещением он писал еще и потому, что именно портретной живописью был вынужден зарабатывать деньги на жизнь. Впрочем, не только такие работы выходили из под его кисти – стоит только посмотреть на портреты Плетнева и Лажечникова, чтобы убедиться, что Тыранов не то же самое, что герой повести Гоголя Чертков, променявший свой талант на популярность. Исследователи художников школы Венецианова, за отход Тыранова от заветов его учителя, рассказывали об этом его повороте в творчестве в негативных тонах.

Сходство Тыранова с Брюлловым чисто внешнее. Оба используют сложный свет, делающий предметы подчеркнуто объемными, с многочисленными рефлексамми. Но Брюллов разрабатывает это в сочетании с живым, артистическим исполнением, а Тыранов – для передачи осязаемости предмета, его объемности. По сути, не только

С.К. Зарянко (еще один ученик Венецианова), но и Тыранов может считаться ответственным за создание определенного художественного вкуса. Причем, последний испробовал это задолго до знаменитого зарянковского портрета Ф.П. Толстого (ГРМ) и произведшего настоящий фурор на академической выставке 1850 года. Любопытно, что два самых талантливых ученика Венецианова, развивая его метод, пришли к одному и тому же результату – натурализму. Но если натурализм Тыранова – это один из краткосрочных этапов его биографии, то натурализм Зарянко растянулся на долгие двадцать лет.

Получив звание академика портретной живописи в 1839 году, Тыранов уехал в Италию, где пробыл до 1843 года. Там он написал одну из лучших своих работ, среди которых портреты И.К. Айвазовского (1841, ГТГ) и Н.П. Боткина (начало 1840-х, ГЭ). Последний был недавно приписан Тыранову на основе документальных свидетельств и прошел технико-технологическое исследование, подтвердившее атрибуцию; он представляет собой одно из лучших произведений художника [см.: 2].

Портрет Боткина отличается сильным освещением и тщательно разработанным тональным решением. Прежде всего, необыкновенно удачно посажена фигура купца, в ней нет ничего нарочитого и напряженного; напротив, спрятанная в карман правая кисть руки и придерживающая набалдашник трости левая – жесты чрезвычайно жизненные. Все линии силуэта выверены, спокойны и мягки. Безмятежная, ровно раскатанная краска на фоне и на сюртуке купца вызывает в памяти дагеротипные портреты, которые уже через несколько лет станут привычными для широкой публики. Свет одновременно сильный и мягкий, плавно перетекает от одной формы головы к другой. Светоносность лица поразительна и подчеркивается обрамлением темными массивами волос и бороды. Это не косой или скользящий свет, а достаточно традицион-

ный в портретной живописи, но достаточно сильный; такой что, создает небольшие, но глубокие тени и полутени на лице. "Боткин" изображен с чувством собственного достоинства и очень демократично. Но этот демократизм, на наш взгляд, и есть наследие венециановского воспитания. Основным выразительным средством художника вновь выступало освещение, которое он мастерски использовал для придания персонажам объемности. Именно благодаря урокам Венецианова и выработанной привычке наблюдать в натуре особенности освещения, сделало Тыранова одним из ревностных приверженцев контрастной живописи.

Не останавливаясь подробно на других произведениях Тыранова 1840-х годов, в качестве определенного итога, к которому привели его поиски художественного языка, назовем "Итальянку" (1840-е, ГРМ; ГЭ) и, прежде всего, хорошо отреставрированный эрмитажный вариант. Экземпляр из Русского музея осторожно датирован "не позднее 1851 года", поскольку связан с фактом приобретения ее в 1852 году Академией художеств; отсюда в 1897 году картина и поступила в Русский музей. Собственно и эту картину, и эрмитажную следовало бы называть так, как она была приобретена у художника: "Девушка после купания у берега моря". Несмотря на сюжет, картина могла быть исполнена как в Италии (не позднее 1843 года), так и в Петербурге (в середине 1840-х годов); к тому же, как мы видим, она была повторяема (может быть даже не единожды). Высокие живописные достоинства эрмитажного варианта свидетельствуют о том, что повторение исполнил сам художник. Картина ослепительна по светоносности и цветовой насыщенности, в ней совсем нет сильных теней. При этом для нее характерны несочетаемые, на первый взгляд, – иллюзорность и декоративность. Таковы и некоторые другие произведения Тыранова этого времени: "Мужской портрет" (1840-е, Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник), "Портрет девушки"

(1840-е, Таганрогская картинная галерея", "Семейный портрет" (1840-е, ГТГ).

Таким образом, упомянутые в настоящей статье произведения Тыранова отражают одну из главных особенностей его творчества – постоянный поиск и экспериментаторство, то, что обычно связывают с творчеством О.А. Кипренского и К.П. Брюллова. Тыранов в полной мере отразил все имеющиеся в портретной живописи 1830-1840-х годов тенденции. В портретах Бабкиной, Плетнева, Лажечникова, Дубельта, Боткина и картине "Итальянка (Девушка после купания у берега моря)", мы воочию видим движение от последовательного реализма через иллюзионизм к декоративности. Фигура Тыранова показывает, что свобода творчества в этот период русского искусства становится важной не только для крупнейших художественных величин, но и для, так называемых, "художников второй руки".

Литература:

1. Алексеева Т.В. Художники школы Венецианова. – Изд. 2-е. – М.: Искусство, 1982. – 420 с.
2. Бакалдина Е.В., Гудыменко Ю.Ю. Портрет Н.П. Боткина работы А.В. Тыранова в коллекции

Эрмитажа / Русские портреты XVIII – начала XX века. Материалы по иконографии. – Вып. IX. – М.: Русские витязи, 2020. – С. 189-196.

3. Галич Л.Ф., Савинов А.Н. Алексей Васильевич Тыранов // Русское искусство. Первая половина девятнадцатого века: Очерки о жизни и творчестве художников / под ред. А.И. Леонова. – М.: Искусство, 1954. – С. 609-622.

4. Гладкова Л.И., Маркина Л.А. Портрет Айвазовского кисти А. Тыранова. Штрихи к иконографии великого мариниста // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно прикладного искусства: материалы XX научной конференции (25-27 ноября 2015 года). – М.: Магнум Артс, 2016. – С. 111-116.

5. Железнова М.М. Алексей Васильевич Тыранов. 1808-1859. – Л.: Художник РСФСР, 1985. – 64 с.

6. Каменский П.П. Выставка русских художественных произведений в Санкт-Петербурге и Риме. Статья первая // Библиотека для чтения. – 1839. – Т. 37. – С. 25-56.

7. Дневник художника А.Н. Мокрицкого / сост., авт. вступ. статьи, и примеч. Н.Л. Приймак. – М.: Изобразительное искусство, 1975. – 271 с.

8. Сенковский О.И. Выставка художественных произведений // Библиотека для чтения. – 1836. – Т. 18. – С. 56-66.

9. Толбин В. Академик А.В. Тыранов. Некролог // Русское слово. – 1859, октябрь. – С. 70-78.

RELIGIOUS MOTIVES IN THE WORKS OF N.V. GOGOL AND M.P. MUSSORGSKY

Chupakhina Tatiana Ivanovna, PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University, Omsk

N.V. Gogol and M.P. Mussorgsky occupy a special place in the history of Russian culture of the XIX century. Appeal to the work of the great Russian masters, the need to study the literary works of the writer and the musical works of the composer is determined by the scale of their personality and their characteristic approaches to the creative expression of thought. **The purpose of the study** is to analyze the key themes, images and plots of the literary heritage of N.V., Gogol and M.P. Mussorgsky, reflecting the Orthodox philosophy and Christian understanding of the meaning of life and the purpose of man. The article examines the foundations of the spiritual and moral positions of artists. The educational value of artistic creativity in the development of the values of Orthodox culture by a modern person is updated. The hermeneutic analysis of the works of Russian artists presented in this publication aims to introduce the original and similar concept of the literary heritage of Gogol and Mussorgsky's music, since there is an ecclesiological theme in their work. In this regard, a special point of view is expressed on the interpretation of Orthodox images present in the work of these artists. In the field of view of the author of the article are such cornerstones for the Christian concept as the soul, spiritual enlightenment, spiritual transformation, Russian conscience, the creed. The empirical basis of the study was the folk dramas of M.P. Mussorgsky "Boris Godunov" and "Khovanshchina", literary opuses by N.V. Gogol "A few words about our Church ..." and "Reflection on the Divine Liturgy". The author's attention is focused on the commonality of the views of the two artists, on identifying Christian concepts in Mussorgsky's musical opuses and Gogol's literary works, which are directly related to the Orthodox Church. In terms of the stated topic, the author focuses on the peculiar refraction of Mussorgsky and Gogol's artistic traditions, in which there is "Russian spirituality", "Russian conscience", "sense of higher truth", "philanthropy".

Keywords: sobornost; ecclesiology; Russian national thought; spirituality; Orthodox Church; creed; living principles of Christianity; philosophy of sobornost; Christian ideas.

EDN: YWNLUN; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15-15

Цитировать: Чупахина Т.И. Религиозные мотивы в творчестве Н.В. Гоголя и М.П. Мусоргского // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 123-128. **EDN:** YWNLUN. **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15-15

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ И М.П. МУСОРГСКОГО

УДК 008
БАК 5.10.1

© Чупахина Т.И., 2023

Н.В. Гоголь и М.П. Мусоргский занимают особое место в истории отечественной культуры XIX века. Обращение к творчеству великих русских мастеров, необходимость изучения литературных трудов писателя и музыкальных произведений композитора определяется масштабом их личности и свойственных им подходам к творческому выражению мысли.

Цель исследования – анализ ключевых тем, образов и сюжетов литературного наследия Н.В. Гоголя и М.П. Мусоргского, отражающий православную философию и христианское понимание смысла жизни и назначения человека. В статье исследуются основания духовно-нравственных позиций художников. Актуализируется просветительское значение художественного творчества в освоении современным человеком ценностей православной культуры. Представленный в данной публикации герменевтический анализ произведений русских художников имеет своей целью познакомить с оригинальной и схожей концепцией литературного наследия Гоголя и музыки Мусоргского, поскольку в их творчестве присутствует экклесиологическая тема. В связи с этим высказывается особая точка зрения на интерпретацию православных образов, присутствующих в творчестве данных художников. В поле зрения автора статьи находятся такие краеугольные для христианского понятия, как душа, духовное просвещение, духовное преображение, русская совесть, символ веры. Эмпирической базой исследования явились народные драмы М.П. Мусоргского "Борис Годунов" и "Хованщина", литературные описи Н.В. Гоголя "Несколько слов о нашей Церкви..." и "Размышление о Божественной Литургии". Внимание автора сосредоточено на общности взглядов двух художников, на выявлении христианских концептов в музыкальных описях

Мусоргского и литературных трудах Гоголя, имеющих непосредственное отношение к православной Церкви. В ракурсе заявленной темы автор акцентирует свое внимание на своеобразном преломлении Мусоргским и Гоголем художественных традиций, в которых присутствует "русская духовность", "русская совесть", "чувство высшей правды", "человеколюбие".

Ключевые слова: соборность; экклесиология; русская национальная мысль; духовность; православная Церковь; Символ веры; живые начала христианства; философия соборности; христианские идеи.

Христианские идеи, понимание жизненного пути человека как служения близким людям, постоянного преодоления своих слабостей, как стремление жить по законам Красоты и Правды было смыслообразующим для отечественной культуры на протяжении столетий. "Тема поиска веры, сопрягаемая с духовным возрождением страны, стала центральной в творчестве дух великих русских художников М.П. Мусоргского и Н.В. Гоголя. Такая крепкая вера в Россию была основана на твердой уверенности, что в основание русской истории, русского бытия положен Божий замысел" [18, 29]. "Русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать Россию, понять идею России, определить ее задачу и место в мире" – писал Н.А. Бердяев. Вышедшая и возвращенная из религиозного сознания нация, делавшая акцент, прежде всего, на духовных качествах человека, который рассматривался ею как центр мироздания, но никогда не был противопоставлен ему" [3, 55]. В России, отмечает Н.А. Бердяев, откровение человека может быть религиозным откровением, лишь раскрытием внутреннего, а не внешнего человека, Христа внутри [2, 147].

В XIX веке (1840-1870 гг.) наблюдается интерес русского общества к сокровищам и глубинам православия среди литераторов, философов, музыкантов, хотя светское общество, высший свет было, по сути, "невежественной публикой". Доказательством этого служат произведения: "Война и мир" (1867), "Анна Каренина" (1873-1875 журнальная публикация) Л.Н. Толстого; "Идиот" (1869), "Бесы" (1871), "Преступление и наказание", "Братья Карамазовы" (1880) (1866) Ф.М. Достоевского, "Смерть богов. Юлиан Отступник" (1895) Д.С. Мережковского, "Чайка" (1895), "Дядя Ваня" (1896) А.П. Чехова; "Олеся" (1898-1899) А.И. Куприна, "Леди Макбет Мценского уезда" (1864), "Очарованный странник" (1872-1873) Н.С. Лескова, где изображается общество XIX века, а также судьбы, искания творцов золотого века русской литературы, отдавших дань гуманизму, немецкому романтизму, гегельянству, социализму и другим западным учениям с отвлеченными началами. Литература в XIX веке была не только словесным творчеством, но и универсальной формой общественного сознания, в которой воплощались достижения философской, социальной, научной мысли: она была "жизнетворчеством,

ЧУПАХИНА

Татьяна Ивановна,
кандидат философских
наук, доцент, Омский
государственный
университет им.
Ф.М. Достоевского,
Омск

человековедением, человекоустройством". Отсюда – литературоцентризм всех видов искусств, всей культурной жизни страны.

В музыкальном искусстве второй половины XIX века – эпохе золотого века (1850-1895 гг.) – не менее значительная веха: ее условные хронологические пики – оперы: "Каменный гость" (1839), "Русалка" (1855) А.С. Даргомыжского; оперы: "Снегурочка" (1873), "Псковитянка" (1873), "Садко" (1897), "Царская невеста" (1899), симфоническая сюита "Шехеразада" (1888) Н.А. Римского-Корсакова; опера "Князь Игорь" А.П. Бородина; Восточная фантазия "Исламей" М.А. Балакирева; народные драмы: "Борис Годунов" (1874), "Хованщина" (1872-1880) музыкально-философская рефлексия отечественных композиторов (кучкистов) и в частности М.П. Мусоргского, со всей определенностью указывает на генетическую связь с отечественной литературой (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин), русской религиозной философией, с теми процессами, которые происходили в ноосфере русской музыкальной культуры второй половины XIX века. Доказательством сказанного могут служить народные драмы М.П. Мусоргского (оперы: "Борис Годунов", "Хованщина"), являющиеся примером истинной философии жизни, философии соборности, русской идеи, отраженной в звуках. "Ему удалось сформировать совершенно иную музыкальную традицию, создать новый формат мышления, созвучный как национальному менталитету и православным ценностным идеалам, так и богочеловеческим ценностям" [18, 18].

Личности М.П. Мусоргского и Н.В. Гоголя являются знаковыми не только для отечественной культуры XIX века, но и для последующих поколений, так как они оказали колоссальное влияние на развитие мировой культуры (философии, литературы, музыки).

Мочульский в своей монографии отмечает: "Гоголь повернул всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинул ее с пути Пушкина на путь Достоевского" [11, 37].

По словам В.В. Зеньковского: "Прививка религиозной темы, сделанная Гоголем, дала богатый плод у Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, в русском символизме. Главная брешь в безрелигиозном понимании была пробита именно Гоголем – и в этом его главная заслуга в истории русской культуры" [8, 23]. И далее по тексту: "Гоголь явился начинателем наиболее сложных и трудных исканий почти всех русских мыслителей" [там же, с.175].

"Муза Мусоргского была вскормлена, – М.М. Сокольский, – эстетикой просветительства [16, 4]. "Народ хочет сделать без сусального" – читаем мы в письмах композитора [12, 148]. Душевная потребность служить родине своим искусством, страстное желание помочь народу русскому разобраться в собственной судьбе, чтобы потом изменить и завоевать счастье, вели Мусоргского по его трудному пути первооткрывателя новых земель. "Эти земли оказались заселенными небывалыми в музыкальном искусстве могучими героями и яркими образами. Семинаристы и подьячие, беглые монахи и юродивые, корчмарки и дети-сиротные, народные низы в мучительной обнаженной правдивости своей нищеты, бесправия, темноты, невежества пришли в музыку прямо из жизни. И наряду с этим, опять же снизу, забрались на авансцену искусства Мусоргского веселые парубки, чудесные дивчины, разудалые стрельцы и мятежная крестьянская голытьба, могучие характеры, кряжестые, вольнолюбивые, гордые, цельные" [16, 4-5]. Именно в таких новых людях, настоящих выходцах из народа, кроется глубокая философия соборности, соборного духа, русской идеи, которые составляли ядро могучего и жизнестойкого искусства Мусоргского. Его также называют новатором, ибо он открыл новые приемы композиции. Главное, что они были связаны с новым для искусства людьми, по-новому услышанными, увиденными, преподносимыми, завоевавшими право на внимание русского композитора-демократа. Новаторское значение

творчества Мусоргского лишь немногими было оценено при его жизни. "Мусоргский принадлежит к числу людей, которым потомство ставит монументы", – так отозвался в посмертной статье о композиторе В.В. Стасов – близкий друг, известный критик и публицист [7].

А русский художник И.Е. Репин называл искусство Мусоргского "экстрактом русской музыки..." [14, 81].

Тема поиска веры, сопрягалась с духовным возрождением страны, становясь центральной темой в творчестве Гоголя и Мусоргского. Поскольку философское понимание смысла человеческого бытия соответствует их православному мировоззрению. Вера эта связана с любовью к родной земле, народу, неброской красоте России. Любя Бога и безоговорочно признавая христианские догматы, композитор и писатель с любовью воспринимали все то, что было связано с идеями христианства. И вполне возможно акцентировали на себе наиболее лично значимые символы своей религии.

Символы принимали, порой, максимально обобщенный характер, а философский склад ума отечественных художников, в сочетании с глубокой верой, стали обозначать глобальные религиозные символы в их творчестве, ставшие впоследствии исходными философскими категориями – Соборность, Софийность, Истина, Любовь, Вера, Красота, Надежда, Гармония... Воплощение этих символов в своем творчестве верующие художники любили также сильно и естественно, как вечного и непостижимого Бога.

Знаменательно, что мысли Гоголя о православной Церкви, духовенстве, взаимосвязи светской церковной жизнью перекликаются с музыкальной рефлексией Мусоргского. Для Мусоргского Гоголь был художником с русской совестью. Обратимся к словам Т.Л. Мироновой, созвучными с мыслями Мусоргского о Гоголе: "Русская совесть, как чувство высшей правды зародившаяся в нас с языческих времен, камертоном звеневшая в наших душах во време-

на христианского тысячелетия, упорно сохранявшейся в сердцах в век богоборчества, жива в нас до сих пор. Ее носители в России расцениваются как национальное достояние всеми, кто хоть в малости хранит в себе русское чувство" [9, 272.]

Мусоргский, пожалуй, был единственным, кто пытался понять в Гоголе самое сокровенное. Неслучайно в своем творчестве композитор обращался к произведениям писателя, делая наброски и попытки работать над двумя операми – "Сорочинская ярмарка" и "Женитьба". Для себя и своего творческого поиска он считал их божьим подарком. Но их появление в свет так и не было осуществлено. Потребность говорить о самом важном, высказывая свои заветные мысли прямо, не завуалированно, очень сближает их по духу.

Основное и важнейшее сближение Мусоргского и Гоголя мы видим в размышлении о православии, и в частности о религиозном осмыслении отечественной культуры.

Так своеобразно композитор высказывался о роли христианской веры на Руси в величественной народной драме "Борис Годунов", где обратился к непростой православной теме – образу русского Юродивого, ставшего одной из главных фигур в опере "Борис Годунов". Композитор вслед за Пушкиным, автором одноименной драмы, наделяет его мистическим характером и провидческим, высоким нравственным даром. Художник дает нам понять, глас Юродивого – это совет народная, сама София [7].

Подобный православный образ появился впервые в оперном жанре. "Нельзя молиться за царя-Ирода, Богородица не велит", – высказывает Юродивый царю Борису Годунову.

Еще один из центральных православных персонажей у Мусоргского, пропитанный соборным духом – Калики Перехожие, которым художник посвятил хор "Божьи люди" – в сцене "У стен Новодевичьего монастыря".

"В оперной драме "Борис Годунов" композитор мастерски показывает, что с утра-

той духа соборности и религиозности постепенно развивается процесс деградации личности, падения нравов, морали, психологического отчуждения человека от себя подобного – пример тому трагичная судьба Бориса Годунова" [18, 154].

В другой народной драме "Хованщина" известный исследователь Л.Н. Болеславский замечает, "...что образ Досифея из "Хованщины" композитор начал писать с протопопы Аввакума, "Житие", которое было впервые опубликовано в 1861 г., но потом стал вносить в образ новые краски, сделал его более мягким, лиричным, однако не в ущерб стойкости и обличительной силе [7].

Проникновенная, содержательная и обличительная речь, обращение к боярам, вырастает из мелоса и логоса народного, оставляя глубокий смысл сказанного. Так рисует православный образ великого мудрого старца Мусоргский в опере "Хованщина".

В одном из писем Мусоргский мечтал: "Сказать людям новое слово дружбы и любви, прямое и во всю ширь русских полян, правдой звучащее слово скромного музыканта, но бойца за правую мысль искусства" [13]. "Формула его художественного символа веры: "Искусство есть средство для беседы с людьми, а не цель. Этим руководящим принципом и определяется вся его творческая деятельность" [15]. "Музыкальная интерпретация философии соборности у Мусоргского состоит в обращенности ко всему и к каждому. Соборность по-мусоргски – это объединяющая философская мысль, стремящаяся к правде, вере человека. Поэтому соборность и софийность, как ценностные философские категории, проявленные в творчестве Мусоргского выражают основной смысл: "житии в любви и согласии" [18, 156-157]. Без преувеличения можно констатировать, что все православные образы, представленные в творчестве М.П. Мусоргского, заключают в себе образ Всеединства (Высшего Бытия).

В 1847 году появилось творение Гоголя "Выбранные места из переписки с друзья-

ми" – экклесиологический труд, вызвавший необычайный резонанс в обществе. Нас интересуют, прежде всего, мысли писателя о вопросах "Просвещения", "Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве", "Размышления о Божественной литургии" – труд, над которым литератор работал много лет, практически до последних дней своей жизни. "Церковь наша есть жизнь", – утверждает Гоголь в главе "Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве", – но с горьким чувством добавляет: "И это Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь" [6, 53-55].

По словам Г.В. Флоровского: "Этот труд был призывом вернуться на забытый путь опытного богопознания [17, 275]. И далее по тексту: "Это была новизна метода, а не содержания" [там же, 284].

Цель писателя-Гоголя в данном произведении – показать чистоту и силу православной Церкви, ту "непорочную чистоту со времен апостольских", о которой он писал в письме В.А. Жуковскому [5, 250].

Рассуждая о Символе веры, Гоголь часто прибегал к таким словам: "Верую... во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь". В этих словах отражены основные экклесиологические параметры: единая – т. к. под единым Главой-Христом, в единстве верных и единственная верная хранилища веры, святая – по святости Христа и проявляющая себя в освящении и спасении людей, соборная (кафолическая) – как объединяющая все поместные Церкви в союзе любви и веры под единым Главою-Христом, апостольская – как распространившаяся по лицу земли от проповеди св. Апостолов и сохраняющая непрерывное преемство от них [15].

Надо отметить, что зрелый Гоголь уже исходит из внутреннего опыта Церкви. Он рассматривает западное и восточное христианство как две половины целого и называет деление церквей на католическую и православную временным явлением (см. в

главе "Просвещение" из "Переписки..."), считая необходимым и возможным их объединение в будущем. По мнению писателя, для рождения нового нужно слияние двух противоположностей. Единство рождает жизнь, а это единство и есть источник новой жизни во Христе и со Христом. Но Гоголь также обращал внимание читателя на то, что Православная церковь никогда не примет внешнего соединения, унии. Мечтая о возможном воссоединении, Гоголь разъяснял, что объединение должно быть только "на основе взаимной любви, в возврате к первоначальным христианским верованиям..." [4, 34].

В "Выбранных местах..." и "Размышление о Божественной Литургии" – это есть осознанная церковная позиция человека, оценивающего явления наличного бытия в свете Божественной правды. Размышляя о Восточной половине Церкви, литератор отмечает: "Эта Церковь...как целомудренная дева, сохранилась одна со времен апостольских в непорочной чистоте своей..." [там же, 34].

И "Размышления..." Н.В. Гоголя, и народные драмы "Борис Годунов", "Хованщина", симфонические произведения М.П. Мусоргского имеют для нас непреходящее значение. Актуальность и ценность творчества двух великих отечественных художников в том, что они были простыми верующими, не имеющими богословского образования. Но, все же, им удалось погрузить читателей и слушателей в сущность Православия, следовать, по словам Гоголя, "незримой ступенью к христианству" [там же, 85].

Своим творчеством они призывали общество обновить человеческое бытие живыми началами христианства, философией соборности, хранимыми в лоне православной Церкви. Поскольку ведущими ценностями их философии являются нравственно-религиозная доминанта, соборность с миром, интуитивизм как духовное мирозерцание.

В этом и есть великая заслуга отечественных мыслителей XIX столетия – Н.В. Гоголя и М.П. Мусоргского.

Литература:

1. Азбука веры. Экклесиология православная [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://azbyka.ru/eklesiologiya> (дата обращения 20.04.2023).
2. Бердяев Н.А. Анархизм – явление русского духа / / Русский индивидуализм: сборник работ русских философов веков XIX-XX веков / сост. О.В. Селин. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 147-177.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: АСТ, 2007. – 332 с.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: Духовная проза; Критика; Публицистика: в 9 т. / сост. и коммент. И.А. Виноградов. – Рус. книга, 1994. – Т. 6. – С. 34.
5. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: Письма: в 9т. / сост. и коммент. И.А. Виноградов. – М.: Рус. Книга, 1994. – Т. 9. С. 250.
6. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений въ десяти томахъ. – Томъ девятый. – Берлинъ: Слово, 1921. – С. 53-55.
7. Закоретская М. Православные образы в музыке Мусоргского [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.voskres.ru/articles/zakoretskaya.htm> (дата обращения 29.04.2023).
8. Зеньковский В.В. Гоголь. – М.: Знание, 1997. – 261 с.
9. Миронова Т.Л. Броня генетической памяти. – М.: Алгоритм, 2014. – 352 с. – С. 351.
10. Миронова Т.Л. Русская совесть и нерусская власть [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-tatyana-mironova/81545-russkaya-dusha-i-nerusskaya-vlast-tatyana-mironova/read/page-11.html> (дата обращения 02.05.2023).
11. Мочульский В.К. Гоголь, Соловьев, Достоевский. – М.: Наследие, 1995. – 273 с.
12. Мусоргский М.П. Письма, биографические материалы и документы. – М.: Музыка, 1971. – 399 с.
13. Мусоргский М.П. "Письма". – М.: Музыка, 1981. – 360 с.
14. Репин И.Е. Письма. – М., Л.: Искусство; Переписка / И.Е. Репин, В. В. Стасов; Письма подгот. к печати и примеч. к ним. сост. А.К. Лебедевым и Г.К. Буровой; под ред. А.К. Лебедева (1871-1876), 1948 – 286 с.
15. Стасов В.В. Памяти Мусоргского [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://az.lib.ru/s/stasow_w_w/text_1886_pamyati_musorgskogo.shtml (дата обращения 30.04.2023).
16. Соколовский М.М. Мусоргский. Шостакович. Статьи. Рецензии / сост. Г. Коган. – М.: Сов. композитор, 1983. – 144 с.
17. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. – Париж, 1937. – 183 с.
18. Чупахина Т.И. Философия русской музыки Золотого и Серебряного веков. – Омск: Наука, 2010. – 224 с.

MUSIC AS A MEANS OF CREATING CLIMAXES IN CINEMA INTERPRETATIONS OF L. TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA"

Shak Tatyana Fedorovna, DSc of Arts, Professor

Alexandrova Diana Alexandrovna, Postgraduate student

Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar

The article is devoted to the analysis of climaxes from the point of view of the influence of the musical component on them in several film interpretations of L. Tolstoy's novel "Anna Karenina". **The purpose of the study** is to identify the role of music in the creation of climaxes as one of the most important components of drama. **The novelty of the study** is determined by the lack of systematization of this phenomenon in the context of the analysis of film music. The music of the following film adaptations of L. Tolstoy's novel "Anna Karenina" is chosen as the material: USSR, 1967, directed by A. Zarkhi, composer R. Shchedrin; USA, 1997, directed by B. Rose; Great Britain, 2012, directed by J. Wright, composer D. Marianelli; Russia, 2017, director K. Shakhnazarov, composer Yu. Poteenko. **As a result**, the need for a deep relationship between music and the verbal-visual series in the climaxes of the film is revealed in order to achieve maximum effect on the viewer.

Keywords: climax; Anna Karenina; film interpretation; composer; musical component; dramaturgy; leitmotif; film music.

EDN: ZFTFPI; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.16

Цитировать: Шак Т.Ф., Александрова Д.А. Музыка как средство создания кульминаций в киноинтерпретациях романа Л. Толстого "Анна Каренина" // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 129-134. **EDN:** ZFTFPI. **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.16

МУЗЫКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КУЛЬМИНАЦИЙ В КИНОИНТЕРПРЕТАЦИЯХ РОМАНА Л. ТОЛСТОГО "АННА КАРЕНИНА"

Статья посвящена анализу кульминаций с точки зрения влияния на них музыкального компонента в нескольких киноинтерпретациях романа Л. Толстого "Анна Каренина". **Цель исследования** – выявить роль музыки в создании кульминаций как одного из важнейших компонентов драматургии. **Новизна исследования** определяется отсутствием систематизации данного явления в контексте анализа киномузыки. В качестве материала избрана музыка следующих экранизаций романа Л. Толстого "Анна Каренина": СССР, 1967, режиссер А. Зархи, композитор Р. Щедрин; США, 1997 режиссер Б. Роуз; Великобритания, 2012, режиссер Дж. Райт, композитор Д. Марианелли; Россия, 2017, режиссер К. Шахназаров, композитор Ю. Потеенко. **В результате** выявлена необходимость глубокой взаимосвязи музыки и вербально-визуального ряда в кульминациях фильма для достижения максимального эффекта воздействия на зрителя.

Ключевые слова: кульминация; "Анна Каренина"; киноинтерпретация; композитор; музыкальный компонент; драматургия; лейтмотив; киномузыка.

Роман "Анна Каренина" был написан Л. Толстым в XIX столетии, но до сих пор не теряет своей актуальности. История об Анне Карениной – яркая и драматичная – и сегодня находит отклик в сердцах людей, пользуясь неизменной популярностью у создателей фильмов. Кинематографичность произведений писателя отмечали многие исследователи: "Романы Толстого – это созданные одним человеком кинофильмы, где точнейшим образом описан каждый кадр. <...>. Толстой не только создавал великие характеры, он был режиссером своих романов" [5, 10]. Существует более тридцати киноинтерпретаций "Анны Каре-

УДК 78

ВАК 5.10.3 (Музыкальное искусство)

© Шак Т.Ф., 2023

© Александрова Д.А., 2023

**ШАК Татьяна
Фёдоровна**, доктор
искусствоведения,
профессор

**АЛЕКСАНДРОВА
Диана
Александровна**,
аспирант

Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар

ниной". Каждая из них своеобразна, самобытна, и является субъективным отражением индивидуального видения режиссера. "Любая хорошая экранизация – это особое построение реальности, это своеобразный диалог между создателем фильма и автором литературного произведения" [1, 72].

Большое влияние на восприятие сюжета фильма оказывает музыкальный компонент, сопровождающий экранное действие. В качестве материала статьи будут рассмотрены четыре киноинтерпретации "Анны Карениной"/ Музыка к ним создавалась разными композиторами. В их числе Р. Щедрин ("Анна Каренина", СССР, 1967, режиссер А. Зархи), Д. Марианелли ("Анна Каренина", Великобритания, 2012, режиссер Дж. Райт), Ю. Потеев ("Анна Каренина. История Вронского", Россия, 2017, режиссер К. Шахназаров) и другие. В качестве музыкального компонента также использовались цитаты классических произведений.

Выявление роли музыки в экранизациях классической литературы нашло отражение в работах Т. Егоровой [2], З. Лиссы [4], Ю. Цицишвили [9], Т. Шак [10] и др. Новизна подхода в данной статье определяется тем, что киноинтерпретации "Анны Карениной" не были систематизированы и изучены с точки зрения влияния музыки на построение и восприятие кульминаций как важнейшего аспекта драматургии. "В художественном фильме кульминация – это главное событие или перелом в действии, эпизод, в котором достигается наивысшее напряжение, наиболее концентрированно выражается идея драматургического замысла" [10, 226-227]. Таким образом, кульминация – важная часть драматургического процесса, раскрывающая основной конфликт произведения, характеры и мотивы поступков героев.

В рассматриваемых в статье киноинтерпретациях присутствуют лейтмотивы, сопровождающие определенные чувства или психологические состояния персонажей. "Музыке в структуре эфирных произведе-

ний благодаря ее способности передавать настроение часто отводится роль внутреннего монолога" [3, 53]. При опоре на вербально-визуальный ряд, а также при анализе музыкального компонента, каждому лейтмотиву было дано название, соответствующее его назначению. Лейтмотивы выражаются разными музыкальными средствами, авторской музыкой или цитатами классических произведений.

К киноинтерпретации режиссера А. Зархи (СССР, 1967) музыку написал Р. Щедрин. Его экспрессивные темы с обилием диссонансов во многом определили характер фильма, подчеркнули и выразили душевное состояние главных героев. Изначально музыка вступает в конфликт со стилизованным под XIX век визуальным рядом, усугубляя психологический конфликт драматического действия. Т. Егорова отмечает: "К сожалению, излишнее увлечение экспрессивными мелодико-ритмическими средствами, терпкими диссонантными гармониями, персонификацией тембров привело в итоге к некоторой дисгармонии закадровой авторской и внутрикадровой аксессуарной музыки и, в равной мере, с выдержанным в стилистических канонах изобразительной эстетики XIX века образным строем кинолента" [2, 204]. Композитор, помимо прочей закадровой и внутрикадровой музыки, создал несколько характерных лейтмотивов, которые, опираясь на визуально-вербальный ряд, можно обозначить как лейтмотив судьбы, страсти, смерти. Данные темы играют важную роль в драматургии фильма, сопровождая ключевые моменты действия.

"Классическая музыка как фоновая частично или полностью заменяет собой авторский саундтрек; при этом ее появление не связано напрямую ни с историческим контекстом, ни с автором произведения" [8, 151]. В киноинтерпретации Б. Роуза (США, 1997) были использованы исключительно цитаты классической музыки. Чувства и переживания героев углубляют творения П. Чайковского и С. Рахманинова. На них стро-

ятся два основных лейтмотива: любви (П. Чайковский, побочная партия первой части симфонии №6 *b-moll*, соч.74) и обреченности (С. Рахманинов, реприза "Элегии" *es-moll*, соч.3, №1). Следует отметить, что использование режиссером шедевров русской классической музыки делает героев и их чувства более возвышенными.

В экранизации Дж. Райта звучит музыка итальянского кинокомпозитора Д. Марианелли. По функциям музыкальный компонент фильма можно разделить на две сферы: зарисовка жизни в России и выражение чувств героев. Композитором созданы несколько лейтмотивов (России, любви, страсти, гибели). По звучащей музыке можно понять отношение создателей фильма к происходящему действию. Здесь явно прослеживается цинизм и насмешка, особенно в первой половине фильма. Но, при этом, драматизм действия сохраняется, смысловые кульминационные точки расставлены.

В киноинтерпретации К. Шахназарова (Россия, 2017) в качестве музыкального компонента используется музыка композитора Ю. Потеенко. Есть несколько важных лейтмотивов: любви, страдания, неизвестности перед будущим. Отличительной особенностью данной экранизации является то, что повествование ведет А. Вронский. Он рассказывает историю их с Анной любви много лет спустя. Потому тип драматургии – контрастно-эпический. Музыка, звучащая в фильме, имеет ностальгическую окраску, влияя на общий характер истории. Соответственно, кульминационные моменты сглажены и перенесены в финал.

Кульминации далее будут проанализированы и классифицированы по принципу, предложенному в монографии Т. Шак [10, 226-234], то есть обозначены по трем критериям: местоположению в форме (кульминация-источник, кульминация в точке золотого сечения, кульминация-эпилог, множественные кульминации – волновой принцип развития или кульминация различных драматических линий), по эмоцио-

нально-выразительному фактору (лирическая, драматическая, психологическая, трагическая, комическая, эксцентрическая, трагикомическая), по музыкально-языковым средствам создания кульминации (на основе репрезентации того или иного элемента музыкального языка: динамическая, тихая смысловая, созданная средствами мелодии / метроритма / гармонии / через взаимодействие всех средств выразительности / колоритом звучания (сонор) или шумовыми эффектами; созданная средствами характеристики через первичные жанры; кульминация на музыкальной цитате; кульминация, основанная на взаимодействии и наложении разных тем) [10, 227-229].

В истории об Анне Карениной можно выделить несколько основных кульминаций: бал, любовная сцена, эпизод скачек, попытка суицида Вронского, появление Анны в театре и осуждение ее светским обществом, гибель Анны. Рассмотрим, какова роль музыки в создании кульминаций в данных киноинтерпретациях.

Танец Анны Карениной и Вронского на балу – кульминация-источник по местоположению в форме, драматическая – по эмоционально-выразительному фактору, динамическая – по музыкально-языковым средствам создания кульминации. В киноинтерпретации Б. Роуза кульминация решена на музыкальной цитате – П. Чайковский, Вальс из балета "Лебединое озеро" (00.16.14)¹. В фильме А. Зархи танец главных героев (00.21.09) сопровождается стремительная музыка вальса, которая характеризует чувства Кити, передает эмоциональное состояние Анны и Вронского, а также – атмосферу блестящего бала. Без яркой музыки вальса кульминация не обрела бы достаточной драматической силы. В киноинтерпретации Дж. Райта во время танца Анны и Вронского (00.27.16) звучит лейтмотив любви – незатейливый минорный вальс с мелодикой в жанре сентиментального романса. Постепенно музы-

¹ Здесь и далее указан хронометраж фильмов.

ка ускоряется и становится громче, герои кружатся быстрее, и на кульминационной точке раздается гудок поезда, как предзнаменование трагического финала. В фильме К. Шахназарова танец Анны и Вронского (00.21.58) не выделен как кульминационная зона.

Любовная сцена Анны и Вронского по местоположению в форме является кульминацией в точке золотого сечения, по эмоционально-выразительному фактору – лирической (в киноинтерпретации А. Зархи – драматической и психологической), по музыкально-выразительным средствам создания кульминации – динамической. У А. Зархи любовную сцену сопровождает лейтмотив страсти (00.38.27). Он представляет собой диссонансную тревожную музыку. Сцена снята в красных тонах, но именно с помощью музыки зритель понимает: сближение героев – это не счастливая страница их отношений, а судьбоносное событие, разделившее их жизнь на до и после. Именно оно отделяет Анну от семьи и ставит ее отныне вне закона светского общества. Примечательно, что музыка обрывается выстрелом – начинается эпизод охоты Стивы и Левина. У Дж. Райта в любовной сцене ярко и драматично звучит лейтмотив страсти, переходящий в лейтмотив любви (00.47.48). У Б. Роуза (00.31.55) и К. Шахназарова (00.35.12) данная сцена не выделена как кульминация.

Сцена скачек – это драматическая кульминация, созданная с помощью метроритма. В данном фрагменте в фильме А. Зархи (00.50.00) музыкальный компонент отражает напряженность и развитие ситуации. В диссонансной оркестровой музыке с имитацией конных скачек главенствует ритм. Кульминация достигается благодаря удачному соединению музыки и видеоряда с частой сменой крупных планов. В фильме Б. Роуза в сцене скачек (00.43.59) звучит музыка из разработки первой части Шестой симфонии П. Чайковского, которая помогает создать напряжение во время сцены ска-

чек. Пунктирный ритм темы и напряженная мелодика обостряют и подводят к драматическому пику. Достигнув кульминационного момента, музыка обрывается выстрелом в упавшую лошадь. В фильме Дж. Райта кульминация в сцене скачек (00.59.37) создана за счет звуковых эффектов. Используется своеобразный прием: шум веера Анны переходит в стук копыт Фру-Фру. Он становится все громче, нагнетая напряжение сцены, и обрывается криком Анны в момент падения Вронского. Сцена скачек в фильме К. Шахназарова (00.38.19) не выделена как кульминация, хотя ости-натный ритм у контрабасов, а затем – сплошной "оглушающий" звук создает эффект напряжения, но кульминации не происходит, музыка неожиданно прерывается, а падение Вронского и реакция Анны Карениной происходят без участия музыкального компонента.

Суицид Вронского – это психологическая кульминация по эмоционально-выразительному фактору, созданная через взаимодействие всех средств выразительности. В фильме А. Зархи в данной сцене (01.27.13) медные духовые и ударные инструменты имитируют звуки выстрелов, треугольник – бой часов и колокольный звон. Сразу после выстрела Вронского слышится пение хора, начинается следующая сцена. В фильме Б. Роуза внутреннее состояние Вронского передает медленная трагическая музыка: во время сцены попытки суицида (01.02.08) звучит первая тема из четвертой части Шестой симфонии П. Чайковского, которая в фильме выступает как лейтмотив смерти. В фильме Дж. Райта данная сцена отсутствует. В фильме К. Шахназарова попытка суицида Вронского не выделена как кульминация (01.07.35).

Появление Анны в театре, вызвавшее бурю негодования в светском обществе и, как следствие, психологический перелом, который становится трагическим для Анны Карениной – драматическая и психологическая кульминация по эмоционально-вы-

разительному фактору, по музыкально-языковым средствам – кульминация на музыкальной цитате. В фильме А. Зархи на сцене театра (01.51.09) исполняется ария из оперы Дж. Верди "Травиата". Выбор сцены из "Травиаты" не случаен, образ падшей женщины символичен. В фильме Б. Роуза звучит фрагмент сцены письма "Кто ты, мой ангел ли хранитель..." из оперы П. Чайковского "Евгений Онегин" (01.20.20). Но, в отличие от событий данной сцены в романе и других киноинтерпретациях, Анна следует совету Вронского и остается дома. В театр идет только Вронский. Но музыка из театра как наваждение преследует Анну и мучает ее. В фильме Дж. Райта данная сцена строится на оперном дуэте (01.38.05), в котором вокалисты (мужчина и женщина) поют арию с текстом первого признания Анны и Вронского (00.32.10). Интересно показано лицемерие публики: она рукоплещет исполнителям на сцене, но возмущена любовью Анны Карениной. В фильме К. Шахназарова в сцене в театре звучит каватина Нормы "Casta Diva" из оперы В. Беллини "Норма" (01.28.48). На фоне оперной арии, в которой Норма просит богиню о мире, в театре происходят драматические события: люди проявляют возмущение по поводу появления Анны и выражают ей свое презрение, а Вронский не поддерживает ее и не становится рядом.

Сцена гибели Анны – кульминация-эпилог по местоположению в форме, трагическая – по эмоционально-выразительному фактору, динамическая – по музыкально-языковым средствам создания кульминации. Анна Каренина принимает решение свести счеты с жизнью и приводит его в действие. В фильме А. Зархи музыкальный компонент данной сцены – лейтмотив судьбы (02.15.55). Он проходит ярко и драматично, в оркестре солируют медные духовые инструменты. В фильме Б. Роуза, когда затуманенное сознание Анны возвращает ее к воспоминанию из детства (01.32.57) и она шагает под поезд, звучит медленная трагическая музыка зак-

лючительной темы из финала Симфонии №6 П. Чайковского, выступающая как лейтмотив смерти. В фильме Дж. Райта лейтмотив гибели представляет собой тематически переосмысленный лейтмотив любви, его изложение скорбно и обреченно (01.52.38). Лейтмотив гибели проходит ярко и драматично, подчеркивая трагедию. В фильме К. Шахназарова не показана сцена гибели Анны как таковая. Кульминация происходит в момент, когда Анна с прислугой едет на вокзал и с ненавистью говорит о Вронском (01.57.47). Данная сцена максимально насыщена звуком: используются шумовые эффекты грохота колес повозки, ржания лошадей; звучит тематически переосмысленный лейтмотив неизвестности перед будущим с интонациями лейтмотива страдания. Возможно, момент смерти Анны Карениной не показан из-за высказанной Вронским в финале фильма мысли о том, что она на самом деле не погибла.

Таким образом, в рассмотренных четырех киноинтерпретациях музыкальный компонент оказывает большое влияние на создание кульминации и их смысл. Примечательно, что именно музыка отражает особенности восприятия создателями фильма истории об Анне Карениной: "...звук – та область кинотворчества, где автор может наиболее точно выразить свое субъективное отношение к "видимому миру" [6, 10]. Аудиоряд помогает добиться наиболее острого восприятия зрителем экранного действия. Подводя к кульминации, создатели фильма используют совокупность визуальных, вербальных и звуковых эффектов, которые при удачном сочетании воздействуют на зрителя, вызывая его психологический отклик. "Вместе с тем звук в сочетании с киноизображением, безусловно, способствует более полному художественному воссозданию действительности, чем только одно изображение" [7, 228]. Потому музыкальный компонент является важной и неотъемлемой составляющей киноинтерпретаций "Анны Карениной".

Литература:

1. Евтеева И.В. Кинодраматургия и строение фильма: учебное пособие / – СПб. : Лань : Планета музыки, 2020. – 292 с.; ил.
2. Егорова Т.К. Музыка советского фильма: дис. ... д-ра искусствоведения. – М., 1998. – 468 с.
3. Ефимова Н.Н. Звук в эфире / Н. Ефимова. – М.: Академия медиаиндустрии, 2015. – 146 с.
4. Лисса З. Эстетика киномузыки / З. Лисса. – М.: Музыка, 1970. – 495 с.
5. Митта А.Н. Кино между раем и адом / А. Митта. – М.: ИТ, 2014. – 355 с.
6. Михеева Ю.В. Эстетика звука в советском и постсоветском кинематографе / Ю.В. Михеева – М.: ВГИК, 2016. – 241 с.; ил.
7. Нечай О.Ф., Ратников Г.В. Основы киноискусства: учеб. пособие для некинематогр. Вузов / под ред. И. В. Вайсфельда. – 2-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Выш. шк., 1985. – 368 с.; ил.
8. Рычков К. Н. Классическая музыка в голливудском кино // Научный вестник Московской консерватории. – 2012. – № 1. – С. 148-169.
9. Цицишвили Ю. Г. Музыка как драматургический фактор в киноинтерпретациях романов Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. искусствоведения. – Ростов-на-Дону, 2013. – 208 с.
10. Шак Т. Ф. Музыка в структуре медиатекста. На материале художественного и анимационного кино: учебное пособие. – 2-е издание, дополненное. – СПб.: Лань; Планета музыки, 2017. – 384 с.

PORCELAIN PLASTIC IN THE EXPOSITION OF THE EXHIBITION "RUSSIAN BALLET SEASONS" BY THE PROJECT OF THE INTERNATIONAL UNION OF CHOREOGRAPHERS

Portnova Tatiana Vasilievna, DSc of Art history, Professor, State University. Russia named after A.N. Kosygin, Moscow

The article analyzes the porcelain plastics, which are part of the exposition and occupy the main place at the exhibition of the modern project "Russian Ballet Seasons", organized by the International Union of Choreographers (2023). Two significant historical periods (the turn of XIX-XX centuries and XX century) and three directions in the interpretation of ballet presented in the exhibition are considered (acting images in roles, works based on the dance, fairy-tale themes, indirectly, connected and sounding in the context of choreography). For the author it is interesting to see the stage reincarnation, transformation - a special state of artistic otherness of the image, included in the system of poetic conventionality. Here there is an opportunity to touch not only narrowly professional relationship of ballet and sculptural plastic, but to find ways to understand the essential aspects of the development of the synthesis of arts. Using the historical and chronological method in the study of the topic, the author, in the context of the development of porcelain production from the 18th to the 20th centuries, highlights the specific features of the works, the features of the creative methods of both sculptors and the dancers shown by them, belonging to the two main national schools of classical choreography (St. Petersburg and Moscow). It concludes with the important contribution of porcelain art to the iconography of the Russian ballet.

Keywords: fine plastics; exhibition project; "Russian Seasons"; porcelain production.

EDN: YDEACS; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.17

Цитировать: Портнова Т.В. Фарфоровая пластика в экспозиции выставки "русские балетные сезоны" по проекту Международного союза хореографов // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 135-140. **EDN:** YDEACS. **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.17

ФАРФОРОВАЯ ПЛАСТИКА В ЭКСПОЗИЦИИ ВЫСТАВКИ "РУССКИЕ БАЛЕТНЫЕ СЕЗОНЫ" ПО ПРОЕКТУ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ХОРЕОГРАФОВ

УДК 793.3 +738

ВАК 5.10.3 (Изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура)

© Портнова Т.В., 2023

В статье анализируется фарфоровая пластика, входящая в состав экспозиции и занимающая основное место на выставке современного проекта "Русские балетные сезоны", организованного Международным союзом хореографов (2023 г). Рассматриваются два значимых исторических периода (рубеж XIX-XX вв. и XX в.) и три направления в интерпретации балета, представленные на выставке (актерские образы в ролях, произведения по мотивам танца, сказочная тематика, опосредованно, связанная и звучащая в контексте с хореографическим искусством). Для автора оказывается интересным сценическое перевоплощение, трансформация - особое состояние художественного инобытия образа, включенного в систему поэтической условности. Здесь появляется возможность затронуть не только узкопрофессиональные взаимоотношения балета и скульптурной пластики, но найти пути к пониманию существенных сторон развития синтеза искусств. Используя историко-хронологический метод в исследовании темы, автор в контексте развития фарфорового производства, начиная с XVIII по XX вв. выделяет специфические черты произведений, особенности творческих методов, как мастеров скульптуры, так и показанных ими артистов-исполнителей, принадлежащих к двум основным национальным школам классической хореографии (Петербургской и Московской). В заключении говорится о важном вкладе фарфорового искусства в иконографию Русского балета.

Ключевые слова: мелкая пластика; экспозиционный проект; "Русские сезоны"; фарфоровое производство.

ПОРТНОВА Татьяна Васильевна, доктор искусствоведения, профессор. Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва
ORCID: 0000-0002-4221-3923

Выставка, проходящая в Милане, затем планируемая поехать в Японию и другие страны, является не первым проектом на тему "Русских балетных сезонов", однако отличается оригинальным концептуальным подходом к показу экспозиционных материалов. Существенную часть на ней занимает пластика малых форм, посвященная русскому балету С.П. Дягилева. Актуальность проблем синтеза и взаимодействия пластических искусств в конце XIX – начале XX вв. обусловлена взлетом самого балетного театра, широким интересом к нему общественности, особенно деятелей искусства, в том числе и художников, стремившихся запечатлеть красоту и эстетику мимолетного искусства танца. Балетная тема на рубеже веков находит свое отражение и словно стремится увековечить себя в самых разнообразных видах искусства, техниках, материалах, различных по своим пластическим возможностям [13, 14]. Скульптура малых форм явилась наиболее ярким воплощением таких качеств художественного выражения, как естественность и театрализация, внутренняя грация и свобода пластического выражения, ведь речь идет о произведениях, изысканной, утонченной "элитарной" образности. Обращение к фарфору для создания балетного образа не случайно. Этот строгий материал, обладающий удивительной белизной, хрупкостью, особым звоном передает необходимые свойства классической хореографии – белоснежную чистоту образа, изысканную грацию, ассоциативную музыку движения.

На выставке представлены два значимых исторических периода (рубеж XIX-XX вв. и XX в.) и три направления в интерпретации балета (актерские образы в ролях, произведения по мотивам танца, сказочная тематика, опосредованно, связанная и звучащая в контексте с хореографическим искусством). Избранный подход позволяет систематизировать последовательность появления балетных образов в скульптурной пластике, выделяя специфические черты каждого

произведения, ценность различных творческих методов, как мастеров скульптуры, так и показанных ими артистов-исполнителей, принадлежащих к двум основным национальным школам русского балета (Петербургской и Московской), и оценить вклад русского фарфорового искусства в мировую художественную культуру [2, 4].

Балетные статуэтки, созданные мастерами Петербургского фарфорового завода: Н.Я. Данько, С.М. Судьбининим, Д.И. Ивановым, О.А. Глебовой-Судейкиной, Б.О. Фредман-Клюзелем, а также на Мейсенской мануфактуре, фарфоровом заводе в Фольксштадте и мануфактуре Карла Энса в Германии: П. Шойрихом, Э. Энсом, К. Хольцером-Дефанти живут в пространстве, выразительно пластически решены, звучат, как ноктюрн, поэтому привлекательны и интересны.

Фарфоровые статуэтки, произведенные в Германии, давно стали эталоном высокого художественного вкуса и совершенного исполнения. Мейсенская мануфактура первой стала выпускать еще в XVIII в. изящные статуэтки для коллекционеров высшей знати. В то время было модным дополнять подобной мелкой скульптурой сервировку столов, особенно при подаче десерта. Мейсенские фарфоровые изделия стали известны и в России. Императрица Екатерина лично заказывала скульптурки на темы греко-римской мифологии, пасторальные сюжеты, сценки из жизни представителей высшего общества [7]. Тонкостенные фарфоровые фигурки, выполненные в барочном стиле, первоначально являвшиеся символом престижа и роскоши, затем из столового предмета декора перешли в интерьерный образ, заняв свое место на поверхностях мебели, комодах, этажерках, полках.

Мейсенский фарфор эпохи модерн на рубеже XIX-XX вв. обрел второе дыхание, словно сохраняя черты барочного величия в одиночных фигурках и групповых композициях на тему Русского балета. [5] Гастрольные спектакли "Русских сезонов" в

Германии нашли свое отражение в ряде работ, демонстрируемых на выставке. Это произведения П. Шойриха из серии "Русский балет" (1912 г.). Романтическое ампула балетов гармонично вписалось в фактуру и цвет глазурованного фарфора. Для цветовой палитры изделий использовались уникальные окиси металлов, спектр которых поистине безграничен. Театрализация композиций идет от выбора самих мотивов изображения, которыми являются утонченно-рафинированные образы балета Р. Шумана "Карнавал", навеянные стилем немецкого романтизма. Тема роковой красоты, вернее, мечта о ней была привычным мотивом искусства, идеальной темой балета Серебряного века. [9, 10]. В интимно-изящных позах пластики П. Шойриха, обнаруживаются ассоциации, связывающие их с миром поэзии того времени, словно в унисон им звучат стихи А. Блока. Но за внешней нарядностью костюмов, за улыбками и шутливым сентиментализмом чувств, за хрупкой белизной бликующего фарфора, кажется, таится идея иллюзорности, той призрачной стороны существования, за которой пытаются спрятать свои несбыточные мечты изображенные герои. Показанное действие инсценировано, условно, в нем будто коренится изначальный обман – это художественное выражение двойственности переломного времени, когда каждая деталь показывает свою изнанку, когда все может обернуться, так или иначе [1].

На выставке можно видеть произведения художников от старейшего фарфорового немецкого предприятия Тюрингии Volkstedt (Фолькстедт), которое составляло существенную конкуренцию Мейсенской мануфактуре [12]. Здесь также выпускали мелкую пластику различной жанровой тематики, но особую типологию составляли известные "кружевницы", так названные из-за применения придворных нарядов в кружевных юбках, дополненные лентами, бантами и цветами. В диапазоне данных образов появляются театральные композиции с дамами

и кавалерами, только в отличие от Мейсена художественные образы Фолькстедта трансформируются из барочной интерпретации в рокайльную и более тонко моделируются, хотя кажется парадоксальным, что цветовой колорит становится более ярким и насыщенным. Главным художником был Э. Энс. Среди шедевров, созданных в начале XX в. в формате одиночных фигурок, можно назвать работы: "Балерина Ф. Эльслер", "Балерина В. Фокина" (1915 г.), показанные в театрализованных позах с применением акцента жестикуляции рук. Тенденция к пантомимной стороне танца, к богатой гамме мимических движений и жестов составляет одну из отличительных особенностей его работ в фарфоровой пластике.

Парная композиция "М. и В. Фокины в балете "Клеопатра" (Египетские ночи) (1900-е) создана в новом стиле ар-деко, проявившимся наиболее ярко в сфере дизайна первой половины XX в. Фигуры танцовщиков, развернутые в фронтальной плоскости, данные в сложном движении на противопоставлении стоящей и сидящей фигур, создают динамическую диагональ и одновременно стилизованы в соответствии с разрабатываемой М. Фокиным профильной танцевальной пластикой, заимствованной из египетской рельефной скульптуры.

Есть на выставке работы мануфактуры К. Энса, образовавшейся на базе предприятия Фолькстедт, она приобрела название Triebner, Ens & Eckert. Изделия под этой маркой пользовались успехом в среде коллекционеров [8]. На выставке это работы самого К. Энса "Пьеро с лютней" (1920-е г.), "Пьеро и Коломбина" (1920-30 гг.) и "Коломбина", (1930-е г.), отличающиеся реалистическими приемами исполнения фигур в сочетании с роскошной декоративной росписью. Свойственная дарованию художника легкость, непринужденная импровизационность, расцветила образы множеством маленьких, но бесцветных находок, и подала их в постоянных закономерных связях со средой русского балета.

Еще одна фирма, основанная немецким предпринимателем Филиппом Розенталь, представлена на выставке работой скульптора К. Хольцера-Дефанти "А. Павлова – Умиравший лебедь" (1930-е г.). Образ лебедя, фиксирующий финал популярной хореографической миниатюры, сочиненный М. Фокиным для А. Павловой, стал одним из излюбленных мотивов не только в фарфоровой пластике, но и в графике, живописи, станковой скульптуре. Здесь наряду с пластической характеристикой выражен одухотворенный сценический образ, характер дарования знаменитой балерины. Отсутствие полихромии в скульптуре создает монохромно – белую поверхность, пластически моделирующую горизонтальную позу А. Павловой-птицы, выражающей всю драму последних минут ее жизни.

В произведении Д. Иванова "Балерина Т. Карсавина в балете "Жар-птица", являющимся парным к статуэтке "М. Фокин – Иван-Царевич" (ЛФЗ. 60-гг.) в какой-то степени прослеживается стилизация самого фокинского балета, построенного на сказочной, народной основе, идущей от русского эпоса, от экспериментов самого балетмейстера, превратившего силой своей фантазии образ Жар-птицы в человеческий облик ради создания пышного экзотического зрелища. Отсюда яркая роспись, красочная праздничность, ювелирная выписанность оперения "Жар-птицы" и народного костюма "Ивана-царевича". Несмотря на самостоятельность каждой вещи, эти две статуэтки обретают емкое звучание в единстве, подобно тому, как неотделимы эти образы в самом балете.

Несколько работ по мотивам романтических балетов "Жизель" и "Сильфида" (1953 г.) принадлежат английской керамической компании Royal Doulton, Над ними работала художница Маргарет Дэвис, являющаяся мастером более позднего поколения. Из-

бирая самые запоминающиеся эпизоды из первого и второго актов балета "Жизель", она, не нарушая иконографию балета, воспроизводит образ молодой крестьянской девушки, в бело-голубом платье и ее бледный мистический образ ("Жизель – Лесная поляна"), преображенный в белую тунику и дополненный наброшенной на спину прозрачной вуалью. Застывшая статичная фигура "Сильфиды" (1953 г.) с удлинненными скрещенными руками на белой тунике, обрамленной нежно-голубым цветом, перекликающимися с такого же тона крыльями за спиной, словно погружает зрителя в фантастически-природную стихию спектакля. Сочетание белого фарфора и пастельных

оттенков, построенных на сближенных тонах, передают особенную поэтику, свойственную классическому танцу.

Традиции русской хореографической школы, повлиявшие на сложение нового балета XX в., также нашли свое отражение на

выставке, как непрерывный путь диалога пластических выразительных свойств смежных искусств. Классический репертуар и новые темы в балетном театре стали источником вдохновения для художников Киевского экспериментального керамико-художественного и Ленинградского фарфоровых заводов: "Галина Уланова в роли Одетты балет "Лебединое Озеро"" (ЛФЗ, 1937-1941 гг.), В.И. Щербина "Бахчисарайский фонтан". (Киев, 50-е гг.) и др. Особое место среди них занимает фарфоровая серия Е.А. Янсон-Манизер, посвященная артистам советского балета: А.Я. Вагановой, Н.М. Дудинской, Т.В. Вечесловой, В.Г. Каминской, О.В. Лепешинской, Н.М. Стуколкиной, М.М. Плисецкой, Н.А. Зубковскому, В.А. Левашову, Г.Ф. Соловьеву и др. [11]. Каждый артист безошибочно узнается по фигуре, портретным чертам, запечатленной манере танца. Однако образы Г.С. Улановой в ролях: "Одетта", "Жизель", "Тао-Хоа", "Джу-

НЕПРЕРЫВНЫЙ ПУТЬ ДИАЛОГА ПЛАСТИЧЕСКИХ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СВОЙСТВ СМЕЖНЫХ ИСКУССТВ.

льетта", которые она исполняла в Большом театре, стали преобладающими в творчестве скульптора, подобно тому, как стали и сценической легендой.

Поколение современных художников по фарфору продолжают тему русского балета, запечатлевая танец известных артистов Большого и Мариинского театров [6]. Некоторые такие экспонаты, выполненные на Императорском фарфоровом заводе, также включены в экспозицию выставки: С. Цорн "Галина Уланова – Лебединое озеро, "Одетта" (1950-70 гг.), А. Данилов "Ульяна Лопаткина – Русский танец" и "Ульяна Лопаткина в роли Баядерки" (2012 г.).

Большой раздел на выставке занимают фарфоровые статуэтки и целые композиции на тему русского фольклора, народных сказок. Эти фигурки, кажется, что созданы для детей, они иллюстративны, нарядны и самобытны. "Создавая сказочных героев, художественные лаборатории фарфоровых заводов стремились поддерживать все актуальные веяния и тенденции в интерьерной пластике того времени. В 1950-е – 1960-е гг. становится популярным создание многофигурных композиций, состоящих из отдельных миниатюрных героев" [3, с. 58]. Для художников, работающих в мелкой фарфоровой пластике над сказочной тематикой, так близкой к жанрам балетного театра, способность не большого по размерам изделия быть общительным собеседником со зрителем, стало не чертой, а главным принципом, на основе которого раскрывается содержание образа. Посреди этой разноликой толпы персонажей здесь тоже можно встретить сюжеты русского народного танца, такие как: Н.А. Малышева "Уральская кадрили" (Дулево, 1950-е гг.), О.Л. Жникруп "Царевна-лебедь" (Киевский экспериментальный керамико-художественный завод, 1956 г.), А.Д. Бржезицкая "Лебедушка" (Дулево, 1970-80 гг.), "Гармонист с плясуном" (Завод художественной керамики "Полонне", 1950-69 гг.) и др. Нередко в таких работах проскальзывает оттенок поверхностной краси-

вости, при этом тот или иной образ, задуманный скульптором в малом размере, обретает всю меру художественной выразительности. Но и в маленьких статуэтках мастера фарфоровой пластики смогли воплотить поэзию и одухотворенность русского сказочного фольклора, понимание самобытных характеров, нам всем знакомых с детства.

Выстроенная нами хронология развития скульптурной пластики малых форм на тему танца и в контексте с ней, включенная в экспозиционное пространство выставочных залов, позволяет представить всю широту ее интерпретации в соответствии с эволюцией и видовой спецификой самого хореографического искусства. Знакомство с фарфоровой пластикой в контексте рассмотрения с балетными образами расширяет границы комплексного представления о тематических поисках скульптуры малых форм, граничащей с декоративно-прикладным искусством. Творческому синтезу скульптуры и балета – давней и плодотворной традиции, на рубеже XIX-XX вв. был придан новый импульс. Фабрики фарфоровых и фаянсовых изделий существовали во многих регионах России и Европы, они задавали моду художественно-стилевым исканиям. Балетные мотивы на тему "Русских сезонов" С.П. Дягилева стали гармоничным выражением модерна и символизма Серебряного века, сформировались как сложный синтетический художественный стиль, даже скорее сплав различных стилей с принципиальной открытостью к культурному наследию всех времен и народов.

Литература:

1. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
2. Буровик К. А. Фарфор Императорского фарфорового завода России // Красная книга вещей: словарь. – М.: Экономика, 1996. – С. 157-160. – 215 с.
3. Иванова Е.В. Сказочные образы в интерьерной пластике художников-фарфористов Ленинградского завода фарфоровых изделий в 1950-1960-е годы // Новое искусствоведение. – 2019. – №2. – С. 56-60.

4. Карякина Т.М. Марки русского фарфора, фаянса и майолики: Полный энциклопедический справочник. – СПб.: Деан, 1998. – 191 с.
5. Карякина Т. Д. Черты стиля барокко в западно-европейской фарфоровой пластике XVIII века // Вестник МГУ. Серия: История. – 2009. – № 2. – С. 96-107.
6. Крюкова И. А. Малая декоративная пластика // Советское декоративное искусство 1945-1975: Очерки истории. – М.: Искусство, 1989. – С. 120-121.
7. Некрасова-Каратеева О.Л. Трёхсотлетняя слава майсенского фарфора // Общество. Среда. Развитие. – 2010. – № 4(17). – С. 161-164.
8. Мороз И.И., Комская М.С., Сивчикова. М.Г. Справочник по фарфоро-фаянсовой промышленности. – Т. 1-2. – М.: Лег. индустрия, 1976. – Т. 1. – 1980. – 350 с.: ил. Т. 2. – 1980. – 350 с.
9. Полисадова О.Н. "Русские сезоны" Сергея Дягилева как художественная парадигма развития балетного искусства XX века // Культурология и искусствоведение : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). – Пермь: Зебра, 2015. – С. 71-77. – URL: <https://moluch.ru/conf/artcult/archive/155/7816/> (дата обращения: 03.06.2023).
10. Сарабьянов Д.В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. – М.: Галарт, 2001. – 304 с.
11. Советский балет в творчестве Е.А. Янсон-Манизер. Альбом / [сост. и худож.-фотограф В.В. Стрекалов. – Л.: Художник РСФСР, 1965. – 130 с.
12. Фриче: К. старейший фарфоровый завод в Фолькштедтере. Ваша история от основания до сегодняшнего дня, Arnoldsche Art, Штутгарт 2013. – URL: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Aelteste_Volkstedter_Porzellanmanufaktur
13. Catalogue of ballet and theatre material, including costume and decor designs portraits, bronze and porcelain figures and books. – London: 1977 – 85 p.
14. "S. Diaghilev and Russian porcelain before and after the revolution", Международный керамический семинар (International Ceramic Fair), Лондон, 2013.

THE SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF CREATIVE INDUSTRIES IN MOSCOW AND THE WORK OF THE CREATIVE CLASS

Kirsanova Yulia Alekseevna, Senior Lecturer

Melnichenko Ekaterina Igorevna, student

Akhmetshina Darya Rafikovna, student

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

One of the key factors in the development of creative industries is the availability of infrastructure that supports and stimulates creativity and innovation. Such special types of infrastructure are art clusters and creative technology parks. Being public and business spaces where representatives of various creative fields work and create, they contribute to the development of creative industries. The article is devoted to the study of the influence of such objects of creative industries as an art cluster and a creative technopark on the attractiveness factors of an urban agglomeration, as well as on the specifics of the work of the creative class. The authors analyze their role on the example of the Vinzavod art cluster and the Artplay creative technopark in creating new jobs and stimulating innovation.

Keywords: Winery; Artplay; creative economy; cultural industries; creative class; art cluster; creative technopark.

EDN: VLJBBK; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.18

Цитировать: Кирсанова Ю.А., Мельниченко Е.И., Ахметшина Д.Р. Специфика развития креативных индустрий г. Москва и труда креативного класса // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 141-145. **EDN:** VLJBBK. **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-15.18

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ Г. МОСКВА И ТРУДА КРЕАТИВНОГО КЛАССА

УДК 72
БАК 5.10.1

Одним из ключевых факторов развития креативных индустрий является наличие инфраструктуры, поддерживающей и стимулирующей творческий потенциал и инновации. Такими особыми видами инфраструктуры являются арт-кластеры и креативные технопарки. Будучи общественно-деловыми пространствами, где работают и творят представители различных креативных сфер, они способствуют развитию креативных индустрий. Статья посвящена изучению влияния таких объектов креативных индустрий, как арт-кластер и креативный технопарк, на факторы привлекательности городской агломерации, а также на специфику труда креативного класса. Авторы анализируют их роль на примере арт-кластера "Винзавод" и креативного технопарка Artplay в создании новых рабочих мест и стимулировании инноваций.

Ключевые слова: Винзавод; Artplay; креативная экономика; культурные индустрии; креативный класс; арт-кластер; креативный технопарк.

© Кирсанова Ю.А., 2023
© Мельниченко Е.И., 2023
© Ахметшина Д.Р., 2023

Креативные индустрии находятся на подъеме во всем мире и становятся важным аспектом городского развития. Проблематика специфики развития креативных индустрий и работы креативного класса заключается в необходимости совмещения творческой деятельности с экономической эффективностью. Креативные индустрии имеют высокий потенциал для экономического роста и создания рабочих мест, однако существует ряд проблем, таких как неразвитая инфраструктура, нестабильность рынка труда, нехватка инвестиций и низкий уровень правовой защиты интеллектуальной собственности. Креативный класс сталкивается с проблемами нестабильности доходов, нехватки социальных гарантий и ограниченного доступа к капи-

**КИРСАНОВА Юлия
Алексеевна, ст.
преподаватель**

**МЕЛЬНИЧЕНКО
Екатерина
Игоревна, студент**

**АХМЕТШИНА Дарья
Рафиковна, студент**

Российский университет
дружбы народов, Москва

талу и ресурсам. Из этого следует, что развитие креативных индустрий и создание благоприятной среды для работы креативного класса требует совместных усилий со стороны государства, бизнеса и общественности.

Креативные индустрии определяются как отрасли, основанные на креативности, навыках и таланте. В последние годы наметилось несколько тенденций их развития в контексте городской среды, среди которых можно выделить: креативные районы, кластеры и технопарки; коворкинг-пространства; цифровизация; разнообразие и инклюзивность.

Государству важно вкладываться в развитие креативных индустрий через различные программы и инициативы, такие как финансирование проектов, поддержка стартапов, создание специализированных креативных парков и т.д. Это поможет создать благоприятную среду для развития креативных индустрий и привлечь в эту отрасль больше людей и инвесторов. Инвестирование в развитие креативных индустрий важно для экономического, культурного и инновационного развития страны. В рамках нашего исследования мы подробно остановимся на таких формах развития городской среды, как креативные районы, кластеры и технопарки, и рассмотрим, как они влияют на формирование культурного облика города Москва.

Городская среда формирует самосознание горожан. Так, центры городов становятся местом генерации креативных идей. Это происходит благодаря большому выбору мест отдыха и воздействия стимулирующей творческой среды. Культурные индустрии не могут существовать без предпринимательского интереса креативного класса, поэтому арт-кластер – важнейшая институция для формирования облика современного города. Появление кластеров в непривлекательных для работы и творчества районах кардинально меняет их статус, сосредотачивая в них социальную и культурную жизни. [3]

Идеальным ответом на такой общественный запрос становится место-трансформер:

творческий кластер. Зачастую это пустующие промышленные заводы, которые были выведены из эксплуатации и начали использоваться в качестве галереи, мастерской, арт-магазина и пр. Такие пространства становятся центром притяжения представителей креативного класса, которым важны низкая арендная плата, просторные помещения и объединяющая творческая среда, которая царит в арт-кластере. Фабричные здания, старые депо, складские и гаражные помещения становятся домами для совместной креативной работы и развлечения. [10]

Говоря о современном российском опыте реализации кластерных проектов, нельзя не вспомнить центр современного искусства "Винзавод". Этот краснокирпичный комплекс находится недалеко от станции метро "Чкаловская" и объединяет в себе как одноэтажные здания, так и административные многоэтажные постройки с глубокими подвалами. Идея создания современного арт-кластера родилась у предпринимателя Романа Троценко, благодаря которому с 2007 года "Винзавод" у широкой общественности ассоциируется с искусством.

Важнейшим показателем успешности "Винзавода" как арт-кластера являются, в первую очередь, его резиденты: это старейшие и наиболее важные для российской истории искусства галереи XL и OVCHARENKO (до 2018 года – Риджина), аукционный дом VLADEY, а также огромное количество мастерских современных художников (от галерейных до стрит-артистов), дизайн-студий и шоурумов, кофеен и книжных, музыкальных и ювелирных магазинов. Конкурентным показателем становится также наличие на территории "Винзавода" пространства для досуговых мероприятий. Бесплатное посещение, открытость галерей и близость всех структур друг к другу создают неповторимое междисциплинарное единство не только резидентов, но и гостей арт-кластера.

Основываясь на опыте "Винзавода", мы можем говорить об успешном функционировании и развитии арт-кластерной культуры

в Москве. Объединяя под своей "крышей" творческие индустрии, такой формат сотрудничества между всеми звеньями арт-мира, становится драйвером их развития. Уникальная художественная среда обуславливает эволюцию культурной жизни города.

Никогда нельзя исключать из исследования временной контекст: в последние несколько лет закрылся ряд крупных галерей, были приостановлены регулярные ярмарки и вернисажи, часть галерей отказалась от ежемесячного обновления выставочных пространств. [3] Однако подобные изменения демонстрируют лишь гибкость таких пространств, как "Винзавод": с целью привлечения нового "креативного класса", администрация кластера открывает форматы, направленные на профессиональную поддержку и развитие молодых, еще не заявивших о себе художников ("Открытые студии"). Появляются новые ярмарки, на которых зритель может познакомиться с творчеством начинающих звезд арт-сцены.

Арт-кластер – важнейший игрок поля креативных индустрий. Ведь, являясь продуктом ревитализации, кластерные пространства становятся доминирующим и наиболее эффективным примером развития города.

Не менее заметными игроками на поле креативных индустрий являются креативные технопарки, которые представляют собой новое поколение технопарков, созданных специально для поддержки и развития творческих индустрий. Они предоставляют уникальные условия для работы креативных предпринимателей и инноваторов, а также доступ к финансовым ресурсам и связи с местными и международными партнерами. Территория креативных технопарков часто становится пространством для работы и взаимодействия творческих команд, а также предоставляет резидентам технопарка доступ к современному оборудованию и технологиям. Это позволяет компаниям и стартапам в творческих индустриях реализовывать свои идеи и создавать новые продукты и услуги. Кроме того, проводятся мероприя-

тия, которые помогают укрепить связи между игроками в индустрии и обмениваться знаниями и опытом, создавая благоприятную среду для развития творческих идей и инноваций.

Креативные технопарки также содействуют развитию городской инфраструктуры и улучшению качества жизни. Они могут быть интегрированы в городскую планировку, обеспечивая пешеходную доступность, создавая общественные пространства и способствуя развитию городской культуры. Креативные технопарки также играют важную роль в развитии экосистемы инноваций в городе, обеспечивая среду, в которой различные компании и стартапы могут взаимодействовать, делиться идеями и ресурсами, и поддерживать инновации. Это позволяет городу привлекать новые инвестиции и развиваться как инновационный центр.

На данный момент в России юридический статус креативного технопарка имеет лишь московский Artplay. Он находится на территории бывшей промзоны в районе Курского вокзала и является одним из самых ярких культурных проектов в России. Artplay состоит из нескольких зданий, включая выставочные залы, театр, концертный зал, коворкинг, рестораны и бары. Благодаря своей уникальности и разнообразию мероприятий, Artplay привлекает местных жителей, представителей творческих профессий, бизнесменов и туристов со всего мира. Он играет важную роль в культурной жизни Москвы и является одним из лидеров развития креативных индустрий в России. [1] Одной из главных особенностей Artplay является его атмосфера и дизайн, который сочетает в себе элементы индустриального стиля и современного искусства. [11]

В контексте нашего исследования важно понимать, что даже в Москве на сегодняшний день все еще не произошло окончательное формирование обособленного "креативного класса", ни среди его потенциальных представителей, ни на общеполитическом уровне. [12] По этой причине креативный

сектор экономики не рассматривается социумом как обособленный и способный к самостоятельному функционированию. Во многом это "поглощенное" состояние более широкой классификацией влияет на отношения внутри самого класса, они не являются цельными.

Городская среда призвана усиливать эти отношения, внутриклассовые связи и самосознание. Резиденты арт-кластеров и креативных технопарков говорят об уникальной атмосфере, которая царит внутри пространства и формирует интерес и досуг. Креативные индустрии становятся подталкивающим ядром для формирования профессиональных комьюнити. Будучи необособленной в самостоятельный сектор экономики, культурная индустрия, тем не менее, противоречиво ограничивает сама себя и не может свободно развиваться вне кластера или технопарка, так как фактически перестает существовать или же трансформируется под влиянием среды. Выходит, креативное пространство и креативные индустрии взаимно необходимы, их симбиоз приводит к своеобразной "инородности", "отчужденности" кластера или технопарка от остального городского пространства. [12] Создается эффект "города в городе", отвечающего на запросы представителей так называемого "креативного класса".

С точки зрения общегородского влияния, важно понимать, что именно в Москве проекты по поддержке креативных индустрий получают большое внимание со стороны властей, успешно встраиваясь в стратегию политического развития культуры и креативных центров, и могут быть привлекательными для трудоустройства в этой сфере.

Основными качествами работы в арт-кластере или креативном технопарке являются: пластичность внутренней структуры, ее организационная подвижность [14]; неформальная, приближенная к частной внутренняя жизнь (в данном случае речь идет о распределении задач и согласовании с начальством, однако для более мелких структур: в небольших галереях администратор

или арт-менеджер нередко выполняют функции куратора, научного сотрудника и даже менеджера клиентского отдела, что зачастую не бывает задокументировано и принимается всеми остальными работниками как данность), а также проработка опыта и традиций советской музейной системы и креативного функционирования прошлых лет (здесь важно осознавать неизбежность влияния наследия советского опыта делопроизводства в сфере культуры: начиная с академического образования большинства работников в сфере искусства, и заканчивая влиянием советского андеграунда: многие представители этой контркультуры до сих пор оказывают немалое влияние на работу отдельных арт-центров, например, для "Винзавода" это Олег Кулик, Авдей Тер-Оганьян и пр. Таким образом, гипертрофированное количество этапов согласования делает многие арт-центры наследниками советской бюрократической системы. [14]

С точки зрения креативных индустрий, крайне важно понимать особенности трудоустройства важнейшего элемента, необходимого для их существования, – креативного класса. Искусствоведы, арт-менеджеры, архивисты, культурологи – ценные кадры, необходимые резидентам арт-кластеров и креативных технопарков. Мы выделили важнейшие характеристики, присущие рабочему режиму сотрудника арт-кластера на примере "Винзавода" (исходя из личного опыта работы в галерее-резиденте на должности менеджера социальных сетей). Отсутствие четкого регламента работы, а также частный формат предприятия, обуславливают несоответствие формата выплат рабочему времени: получая регулярную ежемесячную зарплату, сотрудник тем не менее обязан перерабатывать, находиться в офисе на 1-2 часа дольше без денежной или временной компенсации. Таким образом, сотрудник, который в действительности готов на такой ритм работы по определенным причинам, становится идеальным работником, тогда как сотрудник, отстаивающий свои границы, вынужден уволиться (само-

стоятельно или по указанию начальства), что обуславливает еще одну очень важную характеристику труда креативного класса – большая "текучка" кадров.

Таким образом, можно говорить о противоречивости труда в сфере креативных индустрий: это ценнейший релевантный опыт в арт-сфере, который, тем не менее, требует огромной, ничем не регламентированной отдачи, которая не стимулируется со стороны руководства ни в виде премии, ни в виде формального одобрения: каждый сотрудник, трудящийся ради общей цели (будь то выставка, ярмарка и пр.), вносит свой индивидуальный креативный вклад, который впоследствии зачастую деперсонализируется. [14]

Подводя итог всего вышесказанного, нельзя не сказать еще раз о том, что арт-кластер "Винзавод" и креативный технопарк Artplay действительно являются важными институтами для представителей креативного класса. Оба центра способствуют развитию культуры и искусства в Москве, привлекают внимание иностранных гостей и являются местом притяжения для творческих личностей. Они стали не только местами пребывания, но и центрами формирования новых культурных тенденций, создания новых проектов и возможностей для сотрудничества между искусством и бизнесом. В целом, анализ влияния арт-кластеров и креативных технопарков на креативные индустрии показывает, что создание соответствующей инфраструктуры является важным условием для устойчивого развития отрасли. Оно способствует росту производительности и инноваций, а также созданию новых рабочих мест в данном секторе экономики.

Литература:

1. Artplay: [сайт]. URL: <https://artplay.ru/> (дата обращения: 13.02.2023).
2. Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2010. – № 31. – С. 5-29.
3. Воронцова А.В. Перестройка заводов и фабричных зданий в современные Арт-объекты // Молодежный науч.-техн. Вестник. – 2014. – № 7. – С. 39.
4. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. – М.: Наука, 1984. – 180 с.
5. Глазычев В.Л. Политическая экономия города: учебное пособие. – М.: Дело, 2009. – 192 с. – (Сер. "Образовательные инвестиции").
6. Горошко О.В. Формирование творческих индустрий в социокультурном пространстве // Актуальные проблемы социокультурных исследований: Межрегион. сб. науч. ст. Вып. 6 / под ред. В.И. Маркова. – Кемерово: КеМГУКИ, 2010. – С. 303.
7. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
8. Замятина Н.Ю. Взаимосвязи географических образов в страноведении: дис. ... канд. географич. наук. – М., 2001. – 168 с.
9. Захарова Е.Е. Культурная среда города как часть общественного пространства // Человек и культура. – 2020. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-sreda-goroda-kak-chast-obschestvennogo-prostranstva> (дата обращения: 13.02.2023).
10. Зеленцова Е.В. Становление и развитие креативных индустрий в современной культуре: анализ зарубежного опыта: дис. ... канд. культурологии. – М., 2008. – 153 с.
11. Колганов А. Точка междисциплинарного общения: как устроен креативный технопарк / А. Колганов. – Афиша Daily. Урбанистика, 2020. URL: <https://daily.afisha.ru/cities/15970-tochka-mezhdisciplinarnogo-obscheniya-kak-ustroen-kreativnyy-tehnopark/> (дата обращения: 13.02.2023). – Текст: электронный.
12. Костякова С.В. Влияние креативных индустрий на образ городского района (на примере Арт-квартала в г. Москве // Herald of Science and Education. – 2020. – № 17-1(95). – С. 46-59.
13. Кочетов Э.Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: учебник для вузов. – М.: Норма, 2010. – 528 с.
14. Кулева М.И. Трансформация творческой занятости в современной России: на примере сотрудников негосударственных арт-центров Москвы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 2(138). – С. 50-62.
15. Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – М.: Классика-XXI, 2011. – 399 с.
16. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2007. – 432 с.
17. Шилехина М.С. Культурное пространство современного города и его формирование средствами дизайна: дис. ... канд. культурологии. – Саратов, 2019. – 184 с.

THE SPECIFICITY OF THE AUDIO COMPONENT IN MUSEUM COMMUNICATION

Zotkina Anna Leonidovna, Undergraduate student

Kirsanova Yulia Alekseevna, Senior Lecturer

Orisha Charlotte Charleston Aries, Undergraduate student

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

In the modern world, the museum as an institution strives to use new practices in its work. The museum appears as a communicative platform, its changes in the form and method of broadcasting material in a modern context become a reaction to the tasks that modern society sets. In the era of informational and emotional oversaturation, it is necessary to pay more attention to the effectiveness of the exhibited material, as well as attempts to attract visitors at the physiological and emotional levels. Thus, modern museums are inevitably integrated into modern media culture. One of the important components of museum communication is the auditory component. **The purpose of the study** is to study sound as an auditory component, the evolution of sound practices in non-academic art (from noise music to sound design) and the specifics of its application in museum communication.

Keywords: museum communication; sound; exhibition; audio accompaniment; media culture; sound design.

EDN: VFPBJC; DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.19

Цитировать: Зоткина А.Л., Кирсанова Ю.А., Ориша Ш.Ч. Специфика аудиального компонента в музейной коммуникации // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 146-151. EDN: VFPBJC. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.19

УДК 069.01

БАК 5.10.2

© Зоткина А.Л., 2023

© Кирсанова Ю.А., 2023

© Ориша Ш.Ч., 2023

СПЕЦИФИКА АУДИАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современном мире музей как институция стремится использовать новые практики в своей работе. Музей предстает коммуникативной площадкой, его изменения в форме, способе трансляции материала в современном контексте становятся реакцией на задачи, которые ставит современное общество. В эпоху информационного и эмоционального перенасыщения необходимо больше уделять внимания эффективности выставленного материала, а также попыткам привлечь посетителя на физиологическом и эмоциональном уровнях. Таким образом, современные музеи неизбежно интегрируются в современную медиакультуру. Одним из важных компонентов музейной коммуникации становится аудиальный компонент. **Цель исследования** – изучить звук как аудиальный компонент, эволюцию практик работы со звуком в неакадемическом искусстве (от шумовой музыки до саунд-дизайна) и специфику его применения в музейной коммуникации.

Ключевые слова: музейная коммуникация; звук; выставка; аудиосопровождение; медиа-культура; саунд-дизайн.

ЗОТКИНА Анна

Леонидовна, магистр

**КИРСАНОВА Юлия
Алексеевна**, старший
преподаватель

**ОРИША Шарлотта
Чарльстоновна**,
магистр

Российский университет
дружбы народов имени
Патриса Лумумбы,
Москва

Экспозиция является путем коммуникации с посетителем. Для реализации функций музея необходимо учитывать многие факторы, в том числе, и восприятие посетителем представленного материала, поэтому экспозиционное пространство включает художественный аспект. Посетитель, восприятием и отдачей принятого им материала, предлагает новации для достижения целей музея, а тот, в свою очередь, реагирует на новые вызовы культуры. Таким образом, между музеем и публикой должна выстроиться коммуникация.

Понятие "музейной коммуникации" вводит в научный оборот Дункан Ф. Камерон в 1968 году и определяет его как "про-

цесс общения посетителя с музейными экспонатами" [13, с. 247]. Под ними подразумеваются "реальные вещи", для коммуникации с которыми необходимы определенные условия. Так, аудиосопровождение выставки является одним из составляющих созданных условий.

В эпоху информационного и эмоционального перенасыщения необходимо уделять больше внимания эффектности выставленного материала, а также попыткам привлечь посетителя на физиологическом и эмоциональном уровнях. Кроме того, современные музеи неизбежно интегрируются в современную медиакультуру.

Медиакультура, в которой одной из частей являются аудиальные составляющие, а значит, и предмет нашего исследования, в современности основана на насыщенности информационного потока. "Это система комплексного освоения человеком окружающего мира в его социальных, нравственных, психологических, культурных, интеллектуальных аспектах" [7, с. 2]. Н.Б. Кириллова полагает, что "медиакультуру можно предопределить как совокупность информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности" [6, с. 14-15].

Таким образом, одним из инструментов музейной коммуникации становится аудиальный компонент. Далее рассмотрим его специфику.

Музыка как искусство, выражающее "дух времени", является исторически контекстуальным явлением, и "вещью в себе", отражающей душевное видение и осмысление мира, что является неотъемлемым элементом человеческой цивилизации. Звук в системе искусства рассматривается не самостоятельно, не как единица со своими

свойствами и формами, но как в плоскости восприятия человеком: "если естественная наука в работе со звуком всегда занята внешними причинами звукообразования и звуковосприятия, то искусство занято внутренними, сокрытыми причинами звука – метафизическими, то есть искусство стремится обнаружить для слушателя источник звучания" [11, с. 101].

Подытоживая, можно сказать, что звук рассматривается на нескольких понятийных уровнях. Звук воздействует на нас, начиная от физиологического уровня, давая сигналы нервной системе, согласно заложенным в нас реакциям на инстинктивном уровне,

тем самым переходя на следующий уровень влияния – психологический или эмоциональный, третий – рациональный уровень "когнитивные способности:

люди, работающие в открытом пространстве... оказываются на 66% менее продуктивными, чем те, кто работает в тихом кабинете" [2, с. 75]. И четвертый уровень воздействия – поведенческий, в зависимости от скорости темпа музыки, звуки побуждают в нас энергичные ускоренные движения или же спокойные и плавные. Поэтому при использовании звука в сфере услуг, кафе, выставочных пространствах, рекламе, важно учитывать все факторы аудиального влияния на человека [8, с. 45].

Безусловно, понимание специфики звука, его воздействия и восприятия становится ключевым для раскрытия аудиального аспекта музейной коммуникации, но не менее важной видится и эволюция звуковой культуры, происходившей с начала XX века вплоть до его завершения, которая позволила переосмыслить отношение к звуку. Прежде чем музыка стала рассматриваться как элемент коммуникации в выставочном пространстве или как инструмент маркетинга, был преодолен довольно долгий путь изменения отношения к звуковому искусству: "освобождение музыки" у Н. Кульбина

"РЕАЛЬНЫЕ ВЕЩИ" ДЛЯ КОММУНИКАЦИИ

и А. Авраамова, воспевание шумов у итальянских и русских футуристов, приобретение навыка пассивного слушания музыки, зарождение электронной музыки, зарождение течения звукоэкологии и т.д.

Первой важной вехой на этом пути стали первые трактаты Н. Кульбина и Ф. Бузони, провозглашавшие новую музыку, "свободное музозъявление" и, наконец, "свободную музыку".

Понимание "свободной музыки" у Кульбина интересно, безусловно, тем, что отрицает традиционную музыкальную систему, вводит ультрахроматику, новую гармонию с новыми аккордами. Таким образом, трактат становится манифестом радикального обновления художественного творчества и музыкального искусства, обозначает направление развития и философию новой музыки начала XX в. "Свободная музыка совершенствуется по тем же законам, как и музыка природы, и все искусство природы" [9, с. 1]. Однако, в тезисах работы "Свободная музыка. Применение новой теории художественного творчества к музыке" можно встретить и сильно опережающие свое время мысли. Так Кульбин отмечает, что организованная по новым принципам музыка открывает новые выразительные способности, а также преимущества. "Дается большая возможность влиять на слушателя и вызывать у него сочувственные душевные волнения. Непривычные, тонкие сочетания и перемены звуков сильно действуют на душу человека и остальных животных. Облегчается изучение и применение цветной музыки" [9, с. 1]. Можно согласиться, что основа принципов саунд-дизайна была заложена еще в начале века.

Следующим теоретиком художественного творчества, кто разнообразил палитру экспериментальных звуковых практик первой половины XX в., был итальянский футурист Л. Руссоло. В манифесте "Искусство шумов" он пишет, что музыка современности, по его мнению, должна обогатиться шумами, которые в изобилии привнесла в нашу жизнь

эпоха индустриализации. "Эта эволюция к звукошуму была невозможна не в наше время, наоборот, наш слух приучен современной жизнью, богатой всевозможными шумами, и радуется" [10, с. 52]. Л. Руссоло с соратником, воспевая "городскую какофонию", классифицировал шумы и создал серию интонарумов – звуковых модуляторов, генерирующих эти шумы, писал для них пьесы и надеялся на включение в состав современных оркестров.

Во второй половине XX века кардинально меняется культурная парадигма и меняется отношение к звуку. Шумы становятся нежелательными для уха человека, рассматриваются как загрязнение соносферы, начинаются поиски гармонии с природой. М. Шейфер, канадский композитор, в 1970-е гг. предлагает методику составления звуковых карт ландшафтов, и становится основоположником звукоэкологии и саунд-арта.

Саунд-арт как направление в звуковом искусстве призвано, используя современные возможности, возвращать человека к утраченной возможности слышать естественные звучания среды. Саунд-артисты создавали звуколандшафтные композиции для звукового "созерцания", инсталляции, звуковые скульптуры (например, см.: [3]). Медиа-художники современности продолжили эту тенденцию, исследуя взаимосвязь между природой и технологиями, с помощью которых они изучают звучания различных химических элементов, основываясь на их физических характеристиках, аминокислот, присваивая им с помощью алгоритмов определенные тона. Так, например, была создана известная "симфония" SARS-CoV-2.

Все эти экспериментальные практики в конечном счете привели к появлению генеративной музыки и саунд-дизайна. В XXI веке наметилось оформление целого института саунд-дизайна, главная задача которого – создать комплексное аудиальное решение для визуального контента. Саунд-дизайн плотно работает над этой взаимосвязью, используя и психологию восприятия звука и музыки,

иллюстративные возможности звука, особенности акустики и другое.

Так, в качестве примера можно вспомнить коллаборацию Полины Подплетенной с брендом ювелирных изделий Poison Drop. Под знакомую всем песню "Позвони мне, позвони" (сл. Р. Рождественского, муз. М. Дунаевский) из фильма "Карнавал" (реж. Т. Лиознова, 1981), нам является современная героиня, и показывает новую историю жизни, по контексту близкую нашему времени, но с наложением подтекста знакомого образа главной героини из фильма. Благодаря наслоению образов и нескольких историй можно собрать целостную картину и заинтересовать зрителя, при этом очень выгодно акцентировать внимание на рекламируемый товар, так как подчеркиваются черты главной героини [5, с. 65].

Звук в настоящее время выступает одной из составляющих выставочного пространства. Мы слышим аудио-сопровождение информационных блоков, музыкальный ряд, дополняющий инсталляцию, а иногда звук является и основой, предпосылкой, провоцирующей реакцию посетителя на происходящее. Так, на выставке "Повседневность. Простые действия" (2016, ММОМА) был отведен темный зал, куда входили люди и в полной темноте слушали звук улицы, тем самым проникались внутрь, вглубь самих себя, соотнося обыденность с самим собой здесь и сейчас. Человек был лишен визуальной составляющей, информации, его окружал только шум машин, голоса прохожих, все то, на что человек не обращает внимания при обычных для него условиях вечного потока сменяющейся картинки.

Также отдельное внимание хочется уделить звуковым инсталляциям, так на выставке "Выбирая дистанцию: спекуляции, фейки, прогнозы в эпоху коронацена" (Музей Гараж, 2021) была представлена работа К. Савченкова "Плоский тигр, бумажный узел, мертвая рука и затянутый узел" – аудиальные ювелизированные сборки были единственными экспонатами в большом

зале. Данная инсталляция довольно сложна для восприятия, в том числе из-за представленного текста, тогда как работа Марины Шамовой "Партитуры идентификаций", представленная на Второй триеннале современного искусства (Музей Гараж, 2020), была связана с неким сокрытым значением и обращается к человеку непосредственно.

Как правило, если авторы стараются воздействовать на человека аудиально, при этом звук является основным содержательным компонентом, то отсутствуют иные элементы, влияющие на человека. Поэтому данная работа, которая представляет повествование личных историй героев о неприятии их идентичности непосредственно влияет на человека, в свою очередь зритель считает себя сопричастным к представленному материалу, сопереживает людям, стоящим за этими голосами и сам же лучше проживает услышанное внутренне, вновь человек прежде всего обращается к источнику звука, представляет себе человека, от чьего лица идет повествование. Также данная работа обращается к любознательности слушателя, ведь некая отстраненность, так как мы не ведем прямой диалог с авторами историй, но можем как будто подслушать и стать свидетелем происходящих сокрытых действий, услышать откровения, что очень ценно, ведь это можно рассматривать как некий акт доверия.

Наряду с этим хочется отметить работу Анастасии Кайнеанунг "Растительный Вестник" 2020, идея взять интервью у растения довольно нова, мы общаемся с природой в прямом смысле, при этом мы додумываем и воображаем голос природы, что она могла бы нам ответить. В качестве интервьюера мог выступить любой посетитель выставки, поэтому предложение вступить в диалог, является практикой соучастия.

Музыка является неотъемлемой частью создания атмосферы в выставочном пространстве. В данном случае экспозиция выстраивается в семиотическую структуру и

предстает текстом, понимание которого возможно благодаря определенным принципам, наиболее подходящих для реализации содержания "создание понимающих моделей познания, делегируют посетителю функцию синтеза впечатления, дешифровки общего замысла, генерации абстрактного концепта экспозиции" [10, с. 19]. Необходимо объединить предметы для создания нарратива, который будет удобен для восприятия. Так, музыкальное сопровождение или отдельные работы на тему выставки, помогают с иной стороны донести идею или дополнить существующее содержание, сделать его более эффективным.

Таким образом, возникают новые способы выстраивания коммуникации с посетителями для привлечения их внимания "Меняется характер взаимодействия посетителей с контентом и степень, в какой контент стимулирует их к общению друг с другом, то есть к социализации" [10, с. 46].

Важность практик соучастия заключается в необходимости внедрения разнообразия способов вызвать духовный резонанс у посетителя культурного учреждения при непосредственном контакте с произведениями искусства в условиях информационного перенасыщения общества, обращаясь к его органам чувств. Важность партиципаторных практик в музейном пространстве описывает в своей работе "Партиципаторный музей" Нина Саймон. "Партиципаторный музей предлагает посетителям реагировать на представленные в экспозиции артефакты, научные данные и исторические документы, а также дополнять их. Он создает пространства диалога публики с представленным содержанием" [12, с. 13]. Произведения искусства становятся источником ощущений, прикасаясь к которым посетитель может получить чувственный опыт.

"СОЗДАНИЕ ПОНИМАЮЩИХ МОДЕЛЕЙ ПОЗНАНИЯ, ДЕЛЕГИРУЮТ ПОСЕТИТЕЛЮ ФУНКЦИЮ СИНТЕЗА ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ДЕШИФРОВКИ ОБЩЕГО ЗАМЫСЛА, ГЕНЕРАЦИИ АБСТРАКТНОГО КОНЦЕПТА ЭКСПОЗИЦИИ".

Звук и музыка способны передать идею художника, пережитый чувственный опыт для зрителя становится неким способом "очищения" и наивысшей вовлеченности с наибольшей степенью отдачи. Это образец

создания искусства в его идеальном представлении сотворчества "способ воплощения формальных и концептуальных идей, на которых основывается создание искусства" [4, с. 7], таким образом раскрывается идея Фридриха Ницше об искусстве как соединения дионисийского и аполоновского начал.

Если мы будем рассматривать выставку и отдельные выставленные предметы как товар, а зрителя – как покупателя и перенесем модель выставочного пространства в параметры маркетинга, то один из важных факторов восприятия будет способ подачи или преподнесения данного материала. Чем больше задействовано органов чувств при взаимодействии с предметом, тем больше данная работа запомнится человеком и покажется более привлекательной "85% решений о покупке принимаются на основании того, что чувствует потенциальный потребитель в связи с продуктом или услугой (эстетическое удовольствие) и только в 15% случаев – на основе осознанной и рациональной оценки качества и функциональности товара" [2, с. 51]. Помимо ассоциаций, которые может вызвать звук, он может спровоцировать иммерсионный эффект. Возбуждая органы чувств и пробуждая ощущения от прослушивания музыки, кураторы и художники, в частности, способны стать более влиятельными и узнаваемыми участниками арт-рынка. Необходимо выстроить эмоциональные и ассоциативные связи, определенный узнаваемый образ, который будет побуждать к воспоминаниям, предвкушению и желанию взаимодействия с этим предметом, все это позволяет найти посто-

янных клиентов, благодаря созданному у них эффекту ореола.

Исходя из вышеизложенного следует сделать вывод, что звук – это феноменальное явление, которое обращает нас к глубинам нашего подсознания и влияет на наше состояние как физическое, так и психоэмоциональное. Именно звук и позже музыка становятся неотъемлемой составляющей культуры и искусства. Также они применяются в современных выставочных пространствах и различных медиа, для дополнения визуального материала или самостоятельно для повествования нарратива.

Литература:

1. Андреева И.В., Метод музейно-экспозиционного проектирования как основание классификации музейных экспозиций // Вопросы музеологии. – 2019. – №10(1).
2. Браун П., Эстетический интеллект. Как его развивать и использовать в бизнесе и жизни. – М.: Манн, Иванов и Фебер, 2022.
3. Гайкис Л. Размышляя с Сюзанной Лангер: созвучные связи с нечеловеческим // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2022. – №3(11). – С. 79–93. DOI: 10.24923/2305-8757.2022-11.7.

4. Голдберг Р., Искусство перформанса. От футуризма до наших дней. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2019.
5. Диментберг Ф.М. Вибрация в технике и человек / Ф.М. Диментберг, К.В. Фролов. – М.: Знание, 1987.
6. Кириллова Н.Б. Медиакультура и основы медиаменеджмента. – Екатеринбург, 2014.
7. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М., 2005.
8. Комарова Г.Н. Искусство, исцеляющее: Метод арт-терапии // Познавая образы мира: культура и искусство в прошлом и настоящем: сб. ст. – Вып. 1. – Казань, 2008.
9. Кульбин Н.И. Свободная музыка. Применение новой теории художественного творчества к музыке. – СПб: Военная типография, 1909.
10. Манифесты итальянского футуризма. Собрание манифестов. – М.: Типография русского товарищества, 1914.
11. Пашина О.В., Звук в пространстве культуры: объективные и субъективные параметры // Вестник МГУКИ. – 2016. – №2 (70).
12. Саймон Н., Партиципаторный музей. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
13. Сапанжа О.С., Развитие представлений о музейной коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – №103.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

“KANT: Social science & Humanities” (ISSN 2305-8757) – научный рецензируемый мультидисциплинарный журнал открытого доступа. **Индексируется в РИНЦ.** Выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований. **Рекомендован ВАК** для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней. Издание предназначено для ученых, докторантов и аспирантов. Поступающие в журнал материалы проверяются системой Antiplagiat. К публикации принимаются тексты, новизна которых составляет не менее 85%. К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи по различным областям социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания.

Журнал “KANT: Social science & Humanities” издается по следующим отраслям наук:

5.4. Социология; 5.5. Политология; 5.10. Искусствоведение и культурология

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1.1. Присылаемые статьи Редакция рекомендует оформить в соответствии со следующими требованиями.

- **Текстовый редактор** – Microsoft Word.
- **Формат** – А4.
- **Поля** – 2 см со всех сторон.
- **Шрифт** – Times New Roman (при необходимости – другой, если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).
- **Размер шрифта** – 14.
- **Межстрочный интервал** – 1,5.
- **Абзацный отступ** – 1,25.
- **Ориентация** – книжная, без простановки страниц, без переносов, желательно без постраничных сносок.
- **Редактор формул** – пакет Microsoft Office (MathType).
- **Графики, таблицы и рисунки** – черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.
- **УДК** (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udk-codes.net/>).
- **Соответствие Научному направлению.**
- **Краткая аннотация статьи на русском и английском языках.** Аннотация содержит характеристику основной темы, цели работы и ее результаты. В аннотации указывают, что нового несет в себе данная статья по сравнению с другими, родственными по те-

матике. Рекомендуемый средний объем аннотации – 700–1000 печатных знаков.

• **Ключевые слова и фразы на русском и английском языках** (не менее 7–10).

• **Фамилия, имя, отчество автора(ов)** (жирным шрифтом), **полное название представляемой организации (вуза), e-mail** – по левому краю, строчными буквами. Вся информация на русском и английском языках.

• **Название статьи** – по центру, без отступа, прописными буквами.

• **Текст статьи** – выравнивание по ширине.

• **Список использованной литературы**, оформленный согласно Р 7.0.100-2018, приводится в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка.

• **Рекомендуемый объем материалов** 0,98–1,95 п.л. (16–25 полных страниц с учетом библиографических ссылок).

1.2. Оформление сносок:

– сноски (на литературу) проставляются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты (например: [3, 37], если литературных источников больше одного – [3, 37; 4, 123]);

1.3. Оформление списка приставной литературы.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.100-2018.

Монографии:

Эллард К. Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / пер. с англ. – 3-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 288 с.

Журнальные статьи:

Лапшина В.С. Социально-философский феномен урбанистического активизма / В.С. Лапшина // KANT. – 2022. – № 1(42). – С. 127-131.

Электронные ресурсы (Ресурсы Интернет):

Тетради по консерватизму. №2. 2022 [Электронный ресурс]. URL: http://essaysonconservatism.ru/wp-content/uploads/2022/12/2022_02.pdf (дата обращения 24.03.2022)

Материалы конференций, совещаний, семинаров:

Нагль Л. Три дискурса о религии в неопрагматизме // 150 лет прагматизма. История и современность: тезисы Международн. науч. конф. (Институт философии РАН, 30-31 октября 2018 г.). – М., 2018. – С. 10-12.

Авторефераты и диссертационные исследования:

Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве: (Филос.-антропол. основания урбанографии): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Ю.Ц. Тыхеева. – СПб., 2004. – 334 с.

Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве: (Филос.-антропол. основания урбанографии): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Ю.Ц. Тыхеева. – СПб., 2004. – 35 с.

Обзоры (аналитика):

Информационный дайджест мировых практик дистанционного взаимодействия субъектов экономики в новых реалиях: аналитический обзор, март 2021 / Департамент развития двустороннего сотрудничества. – М.: МИНЭК, 2021. – 60 с.

Патенты:

Патент ЕА №040140, 2022. Рыжиков А.Б., Рыжиков Е.А., Богрянцева М.П., Гаврилова Е.В., Даниленко Е.Д., Имамдинов И.Р., Максютлов Р.А., Нечаева Е.А., Попова А.Ю., Пьянков О.В., Пьянкова О.Г., Сулопаров И.М. Пептидные иммуногены и вакцинная композиция против коронавирусной инфекции COVID-19 с использованием пептидных иммуногенов // Бюллетень "Изобретения Евразийские заявки и патенты" №040140, 2022. Бюл. №4.

1.4. *Графические материалы* должны быть хорошего качества (сканированные таблицы недопустимы), рекомендуется прилагать их, помимо расположения по тексту, отдельными файлами в электронном виде в целях повышения качества на печати и верного воспроизведения.

1.5. Именем файла является фамилия автора кириллицей или латиницей (например: Иванов.docx, Petrov.doc).

1.6. Заявки на публикацию и вопросы по порядку опубликования статей, оформлению документов и др. следует отправлять по электронной почте шеф-редактору журнала Григорьевой Марине Анатольевне на адрес: info@stavrolit.ru с пометкой в теме письма «Статья на рассмотрение KANT СЕРИЯ».

2. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ

2.1. Присланные статьи поступают на предварительное рассмотрение в редколлегия журнала.

2.2. Статьи публикуются в журнале на основе рецензирования. Авторы предоставляют отзывы от лиц, имеющих ученую степень кандидата / доктора наук (в соответствии с тем научным направлением, по которому подана статья) – внешнее рецензирование.

2.3. Рукописи рассматриваются редакционной коллегией журнала (*далее* – редколлегия), оставляющей за собой право сокращения и исправления присланных статей (внутреннее рецензирование). Решение о публикации принимается редколлегией журнала на основании экспертных оценок внешних рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

2.4. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора рукописи. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления о недостоверности или фальсификации материалов, во всех других случаях ее сохранение обязательно. Редакция хранит рецензии на поступившие материалы в течение 5 лет.

2.5. Содержание рецензии должно отражать следующие основные положения:

- *Актуальность представленной статьи.* Данный раздел включает краткое обоснование условий, которые вызвали необходимость постановки и решения задачи (проблемы).
- *Научная новизна направления исследования, рассматриваемого в статье.* Здесь должно быть отражено краткое описание нового научного результата, полученного автором (что доказано, получено, установлено, определено, предложено и т.д. им).
- *Значимость постановки проблемы (задачи) или полученных результатов* для дальнейшего развития теории и практики в рассматриваемой области знаний. В данном разделе должно быть показано, что конкретно получает развитие в исследуемой области знаний и как это может быть применено и внедрено на практике.

- Адекватность и современность методов исследования и статистической обработки материалов.
- Достаточность материала исследования.
- Корректность обсуждения полученных результатов.
- Соответствие выводов цели и задачам исследования.
- Качество проработки литературных источников (список литературы).
- Допустимость объема рукописи в целом и отдельных ее элементов.
- Целесообразность помещения в статье таблиц, иллюстративного материала и их соответствие излагаемой теме.
- Качество оформления статьи: стиль, терминология, формулировки.
- В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о рукописи в целом и четкая рекомендация о целесообразности ее публикации в журнале либо о необходимости ее доработки. В случае отрицательной оценки рукописи в целом (рекомендация о нецелесообразности публикации) рецензент должен обосновать свои выводы.

2.6. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом и сопроводительным письмом-ответом рецензенту. После доработки статья повторно рецензируется и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через две недели после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

2.7. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо возвращена автору на доработку, либо принята к публикации. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.8. Редакция журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии.

2.9. Редакция журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и также не возвращаются обратно автору.

2.10. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд и запрещается отдавать часть рукописи на рецензирование другому лицу без разрешения редакторов. Рецензенты, а также сотрудники редакции не имеют права использовать знание о содержании работы до ее опубликования в своих собственных интересах. Рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.11. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Обязательные экземпляры всех журналов рассылаются в Книжную палату, в Российскую государственную библиотеку, Российскую национальную библиотеку, Библиотеку Российской Академии наук, а также в другие библиотеки России.

По вопросам обращаться по телефону:

8 928 339 43 12 Марина Анатольевна Григорьева (шеф-редактор журнала)

3. ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Title of the article in English

Ivanov Ivan Ivanovich, PhD / DSc of Sociological science, Professor, Department of Sociology, Moscow State University, Moscow

The abstract should reflect the purpose of the research, the main content and novelty of the article in comparison with others related in subject and purpose, as well as the results obtained. The recommended average annotation size is 600 characters.

Keywords: words and phrases in the number of at least eight must be separated from each other by the sign [;].

Иванов Иван Иванович, кандидат / доктор социологических наук, профессор, кафедра Социологии, Московский государственный университет, Москва

ivanov@mail.ru (для сотрудника редакции)

Тел.: +7928-000-00-00 (для сотрудника редакции)

Почтовый адрес для пересылки авторского экз.: 000000, г. Москва, ул. Ленина, д. 111, кв. 1. (для сотрудника редакции)

Аннотация должна отражать цель исследования, основное содержание и новизну статьи в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению, а также полученные результаты. Рекомендуемый средний объем аннотации – 700–1000 печатных знаков.

Ключевые слова: слова и обороты в количестве не менее восьми должны быть отделены друг от друга знаком [;].

Социология

УДК 316.74

ВАК 5.4.4

Иванов И.И., 2023

Название статьи на русском языке

Текст [1, 56; 2, 86].

Примечания:

- 1.
- 2.